

Индекс **П8643**

2
2022

РОССИЯ XXI 2022 2

РОССИЯ XXI

2. 2022 март-апрель

Геоглобалистика

Алексей Синдеев

Карибский кризис 1962 г. и «единство» Запада _____ 6

Вартан Эйриян

Дипломатия ЕС на Южном Кавказе
на примере нагорно-карабахской
проблематики в 2020–2021 гг. _____ 24

Ресурсы нации

Василий Зверев

Кустарная или крестьянская
промышленность? К неоконченному спору
народников и марксистов _____ 44

Национальная доктрина

Салават Исхаков

Ахмед Цаликов в эмиграции:
партийный деятель, политолог, кавказовед _____ 68

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

О восприятии и трансляции первой идеологической кампании Сталина в сатирическом журнале «Крокодил» (1928) (окончание) _____ 80

Страницы истории

Андрей Марчуков

Герои и дезертиры: один эпизод обороны Донбасса (осень 1941 года) _____ 106

Олег Волобуев

Ялта. 1948–1950 _____ 132

Актуальный архив

Ксения Сак, Марина Сорокина

Русские эмигранты и 20-летний юбилей Победы: документы ЦК КПСС и КГБ СССР о награждении участников движения Сопротивления _____ 162

Contents in English look at the page 192

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Тот, кто имеет союзников,
уже не вполне независим.

Гарри Трумэн

Неприступный, горами
заставленный, Ты, Кавказ,
наш воинственный край...

Яков Полонский

У нас нет неизменных
союзников, у нас нет
вечных врагов...

*Генри Джон Темпл,
лорд Пальмерстон*

Дипломатия – это искусство
заставить другого идти
вашим путем.

Дэвид Фрост

Алексей Синдеев

КАРИБСКИЙ КРИЗИС 1962 г. И «ЕДИНСТВО» ЗАПАДА

УДК

327.51, 327.57

Статья посвящена изучению союзническо-партнерских отношений США и стран Западной Европы в период Карибского (в терминологии представителей ряда исторических школ – Кубинского) кризиса. Привлечение новых источников позволило доказать, что западногерманские спецслужбы с лета 1962 г. были осведомлены о размещении советских ракет на Кубе и предупреждали правительство Федеративной Республики Германии о надвигающемся обострении отношений между сверхдержавами. Кроме того, автор проанализировал особенности поддержки американцев со стороны Великобритании и Франции. Исследовательскую новизну статьи составляет также материал, в котором рассмотрена борьба Швейцарии за минимально возможную поддержку Вашингтона.

The article is devoted to the study of the allied-partner relations of the USA and the countries of Western Europe during the Caribbean (in the terminology of representatives of a number of historical schools - the Cuban) crisis. The involvement of new sources made it possible to prove that since the summer of 1962 the West German secret services were aware of the deployment of Soviet missiles in Cuba and warned the government of the Federal Republic of Germany about the impending aggravation of relations between the superpowers. In addition, the author analyzed the features of support for the Americans from the UK and France. The research novelty of the article is also due to the material, which examines the struggle of Switzerland for the minimum possible support for Washington.

Ключевые слова: Карибский (Кубинский) кризис; США; Германия; Франция; Великобритания; BND; Кеннеди; Аденауэр; де Голль; Макмиллан; союзнические отношения; партнерские отношения; феномен единства.

Key words: Caribbean (Cuban) crisis; USA; Germany; France; Great Britain; BND; Kennedy; Adenauer; de Gaulle; Macmillan; allied relations; partnership relations; the phenomenon of unity.

E-mail: a_sin74@mail.ru

События Карибского кризиса основательно исследованы во многих национальных исторических школах [4; 7; 8; 22; 29; 30; 31; 34]. Фундаментальная монография А.А.Фурсенко и Т.Нафтали, часто критикуемая за русский перевод, – уникальное свидетельство успешного двустороннего российско-американского сотрудничества в период 1990-х гг. [17].

Активно ведется историографическое обобщение наработанного [2; 11; 12]. Имеются работы, посвященные отдельным странам [1; 9; 32; 33]. В отечественной историографии необходимо отметить защищенную в 2005 г. кандидатскую диссертацию Н.Л.Корсаковой [6], в шести главах которой проанализированы французские дипломатические источники и обосновывается вывод о доминирующей роли в принятии решений Ш. де Голля.

В учебниках по истории международных отношений кризису отведены полноценные главы [5]. В нашей историографии практически аксиомой является утверждение, что «[р]ешение Москвы разместить на Кубе советское ракетно-ядерное оружие <...> имело и глобальную стратегическую составляющую» [5, с. 123].

При этом спорные вопросы все равно остаются. В 2013 г. три из них выделил В.И.Есин:

«[И]з каких политических соображений руководитель Советского Союза Н.С.Хрущев пошел на риск скрытного развертывания ядерных ракет на Кубе?»;

«[П]очему <...>, несмотря на принятые советской стороной строгие меры по обеспечению секретности размещения на Кубе ядерных ракет, американцам удалось "вскрыть" <...> их местонахождение?»;

Каковы «причин[ы] принятия Н.С.Хрущевым решения о выводе советских ядерных ракет с Кубы»? [3, с. 5, 7, 9].

Расширение источниковой базы, сложные контексты и применение когда-то популярного междисциплинарного подхода, вне сомнения, позволят поставить новые проблемы.

«Старый» спор о безопасности 3 июня 1961 г. Дж.Кеннеди заявил Н.С.Хрущеву: «меня <...> интересует вопрос <...>, как обеспечить такое положение, при котором наши две мощные страны, имеющие многочисленных союзников и придерживающиеся различных социальных систем, <...> могли бы жить в мире <...>, защища[я] интересы наших стран и обеспечи[вая] мир, [но]

не упуская из вида <...> безопасност[ь] <...> собственных государств» [10, с.172].

На что Н.С.Хрущев ответил ему: «Надо признать наличие в мире двух систем и строить свои отношения друг с другом так, чтобы обеспечивать мирное развитие отношений между ними». Уничтожение идей, по мнению Хрущева, будет провоцировать конфликты. Коммунистическая «система в конечном счете одержит победу» [10, с.173].

Напомнив о сложностях переходности, Кеннеди настаивал: «Во время переходного периода необходимо проявлять особую осторожность в подходе к различным спорным проблемам. Это тем более верно для нашего времени, учитывая то страшное оружие, которое ныне находится в наших руках. Необходимо <...> проявлять крайнюю осторожность с тем, чтобы избежать конфликта между США и Советским Союзом» [10, с.178].

Для Кеннеди безопасность достигалась с помощью стратегических гарантий, состояний статус-кво, сфер влияния и позиционной борьбы на периферии, т.е. являлась длительным процессом с весьма неясным результатом, о чем среди прочего свидетельствовало и «гибкое реагирование». Для Хрущева безопасность, наоборот, не мыслилась вне представления о конечном результате [ср.:32, S.234–259, 299–327].

Противоположность обоих подходов бесспорна, как и то, что они (в исходных и смешанных вариантах) до сих пор реализуются и находятся в конфликте. Их противостояние подтверждает и другое: обсуждение трансформационных рамок, правил и условий взаимодействий в них – приоритетное право не институтов, а великих держав. Если последние отказываются от этого, значит, они хотят снять с себя ответственность.

Поскольку «волатильность» партнерств постоянно усиливается под воздействием содержательной неопределенности феномена безопасности, единство союзников и партнеров (по сравнению с процессом выработки общего подхода к пониманию безопасности) обладает вторичным значением.

Несмотря на это, изучение влияния Карибского кризиса 1962 г. на единство Запада важно по крайней мере по двум причинам:

во-первых, оно позволяет определить суть единства в крупном международном кризисе и спроецировать полученные выводы на современную ситуацию, т.е. выйти за рамки исторического подхода и свойственной ему методологии;

во-вторых, оно подтверждает существование как минимум двух самостоятельных уровней в международных отношениях: уровня сверх-

держав и союзническо-партнерского уровня. Применительно к партнерам допустимы пересечения между сверхдержавами, а значит роль партнерств – отдельный и более сложный научный сюжет.

Признание самостоятельности уровней заставит согласиться с тем, что историю холодной войны нужно писать с использованием различных и равноценных национальных перспектив, и смириться с тем, что отсутствуют причины для любых разногласий и конфликтов на почве идентичностей. Наоборот, есть повод задуматься о совместных исследованиях, формировании доверия и терпимости.

БНД о событиях на Кубе

В ФРГ внимательно наблюдали за происходящим возле Кубы и на Кубе. В марте 1961 г. западногерманская служба внешней разведки (БНД) в числе первых зафиксировала отправку «из Москвы <...> мисси[и] советских ракетчиков» [23, S. 35].

15 июня 1961 г. БНД уточнила, что «в Гавану прибыл советский корабль. Весь персонал порта был удален с причала. Разгрузка проводилась солдатами и командой». По данным одного из офицеров «[выгруженные] четыре крупны[е] предмета <...> очень напомина[ли] ракеты» [23, S. 36].

С лета 1962 г. БНД не сомневалась в кризисном модусе ближайших месяцев. Именно поэтому в августовском докладе ее руководителя Р.Гелена федеральному правительству отмечалось, что «советские ракетные базы у берегов Северной Америки являются, пожалуй, одной из опаснейших военных угроз, с которой когда-либо Соединенные Штаты сталкивались <...> Если Кеннеди продолжит выжидать до полной готовности баз и размещения там ракет, то их (ракет. – А.С.) устранение потребует еще больших жертв и затрат, так как в случае [потенциального] нападения пуск едва ли получится предотвратить». Из этого делался однозначный вывод: [Кеннеди] должен стремиться <...> *в течение ближайших недель* (текст выделен мною. – А.С.) <...> уничтожить очаг напряженности» [23, S. 11–12].

«Наступление Хрущева», утверждали в БНД, замысливалось «как провокация <...>, совпадающая по времени с последним обострением берлинского кризиса» [23, S. 12].

Гелен рассматривал два нежелательных для ФРГ сценария. В первом сценарии «Кеннеди примет вызов и нападет на Кубу». Тогда «Хрущев <...> воспользуется этим <...> для оправдания советского нападения

на Берлин» [23, S. 12; ср. с реакцией прессы: 31, S. 55–58]. Во втором сценарии Дж. Кеннеди откажется от вызова и попадет в сложную внутриполитическую ситуацию, поскольку «Хрущев, располагая ракетными базами на Кубе, [способен] ока[зывать] усиленное политическое давление на США» [23, S. 12] и ослабить сопротивление американцев советской политике в Берлине и в германском вопросе.

Любопытно, что в обоих докризисных сценариях Америка выступала союзником, ослабляющим позиции Запада в Европе и неспособным защитить интересы ФРГ.

Стратегические просчеты американцев, а, возможно, и затаенная обида заставили канцлера К. Аденауэра написать позднее в воспоминаниях: «маловероятн[о], что русские незаметно доставили ракеты» [18, S. 199]. Откровение Аденауэра имеет документальное подтверждение: в конце августа 1962 г. из «особо надежного источника» БНД узнала, что «[д]о конца ноября ракетные базы на Кубе окажутся полностью в боеспособном состоянии» [23, S. 13].

25 октября 1962 г., после начала открытой стадии кризиса, аналитики западногерманской службы внешней разведки констатировали, что, как бы ни развивались события, «[в]оенная настройка Кубы на наступательные цели <...> продолжится» [23, S. 18]. БНД рекомендовала затянуть окончательное «[р]ешение кубинского вопроса», а «соглашению», если оно будет подписано, «придать временный характер» [23, S. 18].

Предложение Н. С. Хрущева о базах в Турции посчитали «выгодн[ым]», поскольку предмет обмена не эквивалентен. Базы в Турции <...> имеют ограниченное значение, а в 1963 г. во многом потеряют его» [23, S. 66].

Во время кризиса действия Дж. Кеннеди оценивались позитивнее, так как американскому президенту удалось предотвратить реализацию «"большо[го]" план[а] комбинированной акции» и не допустить «измен[ения] баланса в мире» [23, S. 73]. Однако решительная и быстрая реакция Кеннеди последовала «без опроса <...> союзников» [23, S. 74].

Кроме того, американцы, в представлении Гелена, проявили «нерешительность» и отказались от активных действий, «когда <...> право нападать было на их стороне»; позволили сохранить на Кубе «плацдарм для проникновения коммунизма в Западное полушарие»; показали СССР, «что [они] не в состоянии до конца продержаться в кризисах, подобных кубинскому, если противная сторона идет на умные и видимые тактические уступки» [23, S. 20].

Общий вывод аналитических выкладок Гелена, направленных Г. Глобке, главе Ведомства канцлера, 29 октября: «Американцы только внешне

выиграли первый кубинский раунд, в действительности – они проиграли, потому что у американского правительства, с учетом его зависимости от собственного и мирового общественного мнения, связаны руки при принятии дальнейших решений до тех пор, пока у него не получится вернуть потерянную ныне инициативу» [23, S.20].

Промежуточные выводы

Разработанные БНД сценарии включали опасность ядерного конфликта сверхдержав. Наступательная политика Н. С. Хрущева

оценивалась как опасное и провокационное, но все же рациональное средство изменения баланса сил в мире и в Европе [ср. с настроениями в прессе: 31, S. 110–118]. Остается не ясным, какую роль в таком настрое сыграла привычка Запада постоянно слышать от первого секретаря ЦК КПСС угрозы в свой адрес, а какую – наличие сведений об истинных планах советского руководства.

БНД не хотела разделения берлинского и кубинского вопросов, поскольку ФРГ это дало бы возможность добиваться одновременного урегулирования, а при необходимости – поддерживать достаточный для удержания США в Европе конфликтный потенциал.

Кризис усилил критическое отношение к американцам в Федеративной Республике. С одной стороны, канцлер не особо верил, что Соединенные Штаты не заметили доставку ракет на Кубу; с другой стороны – у многих политиков возникли сомнения в готовности Соединенных Штатов защищать страны Западной Европы от возможного нападения. На повестку дня опять был поставлен вопрос о большей самостоятельности западных европейцев. Уроки кризиса, с точки зрения Бонна, не завершились выводом ракет с Кубы.

Нюансы единства: позиции Великобритании и Франции

Динамика кризиса не позволяла Соединенным Штатам оперативно согласовывать с ведущими западноевропейскими союзниками соб-

ственные действия.

Телеграмма той же БНД из Лондона от 23 октября 1962 г. – наглядное подтверждение господствовавшей неопределенности касательно перспектив использования находившихся в распоряжении стран Запада средств и ресурсов:

«1. независимо от заблаговременно последовавшей ориентации Макмиллана Госдепартаментом неожиданно объявленная блокада Кубы <...>, – значилось в ней, – вызвала в политических кругах Лондона большую озабоченность возможными ответными мерами СССР, по всей видимости, в Берлине. Правительственные круги заверяют, что британское правительство сделает все, чтобы полностью выполнить требования блокады.

2. С учетом того, что вероятное советское вето в Совбезе незамедлительно поставит вопрос перед Генассамблеей, в Лондоне надеются, что Кеннеди достаточно защитил себя среди южно-американских государств. Однако получение большинства на Генассамблее не очевидно» [23, S. 56].

С точки зрения сроков активизации и влияния наиболее оптимальной мерой для Великобритании стала дипломатическая поддержка американской позиции, в том числе в странах Британского содружества.

Именно через этот ракурс следует анализировать заявление министра иностранных дел Великобритании А. Дуглас-Хьюма, согласно которому советская операция на Кубе была «явным актом применения силы», поскольку «Россия намеренно использ[овала] собственную мощь» и одновременно преслед[овала] три цели: «создать угрозу Соединенным Штатам, создать угрозу району Карибского моря и... создать угрозу Южной Америке» [цит. по: 15, с. 4]. Бросается в глаза, что, несмотря на «озабоченность <...> ответными мерами <...> в Берлине», Европа не упоминалась вообще. Следовательно, Лондон не собирался идти на обострение.

В традиционном для британцев духе А. Дуглас-Хьюм лишь подчеркнул «деструктивное поведение СССР», разместившего ракеты на Кубе тогда, когда «вопрос о нераспространении ядерного оружия среди неядерных стран стоит на повестке дня в Женеве», призвал «вступить в переговоры» и напомнил о единстве Запада, так как на ответные шаги советского правительства «последует быстрый и положительный ответ нашего правительства» [15, с. 4, 6; о реакции политического Лондона подробнее см.: 33, p.77–93].

Ш. де Голль также не стремился к обострению. Без предварительных условий он заверил прибывшего к нему с информацией от Кеннеди Д. Ачесона, что Франция поддержит Соединенные Штаты, а «[в]заимные обязательства, составляющие основу Атлантического союза, являются и остаются основой политики Франции» [цит. по: 27]. Единственное, что, по мнению весьма удивленного подобной безоговорочной поддержкой Ачесона, интересовало генерала – это «проведение

трехсторонней консультации на <...> случай, когда конфронтация будет иметь последствия в Европе, особенно в Берлине» [цит. по: 27]. Кстати, Макмиллан сначала не был столь безапелляционен в скреплении англосаксонского братства и настаивал на обнародовании фотографий с советскими ракетными установками.

По дипломатическим каналам генерал указал Р. Сейду, постоянному представителю Франции в Совете Безопасности ООН, на важность работы над присоединением африканских стран к проекту внесенной в Совбез американской резолюции.

Свою позицию де Голль, изрядно сомневавшийся в готовности сверхдержав воевать друг с другом, объяснил в личном письме к Аденауэру: «дело блокады Карибского моря мы рассматриваем как специфически американское» [цит. по: 27]. Де Голль полагал, что среди союзников и партнеров могут и должны иметь место обусловленные национальными интересами (под)разделение сфер влияния, дифференцированные подходы и форматы. Карибский кризис помогал ему создавать такой прецедент. Вспомним также о том, что он не стал переносить с 28 октября общенациональный референдум.

Другие содержательные различия в позициях Великобритании и Франции проявились 24 октября 1962 г. на заседаниях Совбеза ООН, прошедшего под председательством постоянного представителя СССР В. А. Зорина.

Во-первых, постоянный представитель Великобритании в Совбезе ООН сэр П. Дин и французский представитель Р. Сейду оценили кризис по-разному: «нынешняя ситуация является одной из наиболее серьезных из всех, когда-либо находившихся на рассмотрении Совета Безопасности» (Дин) [15, с. 2–3] *против* «теперешняя обстановка на Кубе представляет собой угрозу международному миру и безопасности» (Сейду) [16, с. 1]. Фактически предлагалось выбрать между «серьезной угрозой» (одной из угроз) и «угрозой миру» (главной угрозой).

Во-вторых, обе страны характеризовали действия Москвы как агрессивные, но, по мнению Великобритании, был «соверш[ен] преднамеренный, вероломный и провокационный акт, Советский Союз в[вел] в Западное полушарие (здесь и далее текст в цитате выделен мною. – А.С.) ракеты с атомными зарядами массового уничтожения. Это затрагивает безопасность Западного полушария и создает положение, с которым люди, ответственные за оборону полушария, не могут примириться» [15, с. 3].

Французы предпочли формулировать абстрактнее: «Ничто другое не может более ясно показать, каковы его (Советского Союза. – А.С.) истинные намерения и какое огромное значение он придает независимости, которую он якобы защищает так горячо против так называемых империалистов» [16, с.2].

«Проблемы Западного полушария» (региональная специфика) и «проблемы независимости» (мировая специфика) – содержательно разные феномены, предусматривающие применение отличных друг от друга подходов.

В-третьих, французы особое внимание обращали на изменение баланса и угрозу миру через вовлечение малых государств. «Когда <...> малая держава отдает себя в распоряжение великой державы и разрешает втянуть себя в агрессивные военные приготовления, то не может быть сомнений в том, что это ставит под угрозу мир во всем мире» [16, с.1], – утверждал Р.Сейду.

П.Дин же делал акцент на необходимости искать согласованный ответ на действия СССР против «увелич[ения] район[а] коммунистического господства, а также обре[тения] существенно[го] военно[го] превосходств[а] для коммунистического блока» [15, с.5].

В связи с этим Великобритания выражала готовность идти в форвартере курса президента Дж.Кеннеди и «вновь построить мир, который был предусмотрен Уставом Организации Объединенных Наций; <...> создать атмосферу доверия между великими державами мира», т.е. работать над солидарностью Запада, поскольку «*в мире не должно происходить заметных изменений*» (текст выделен мною. – А.С.) в равновесии военной мощи» [15, с.3, 5].

Французский представитель в Совбезе ООН, наоборот, подчеркивал ответственность Вашингтона: «правительство Соединенных Штатов стремится к мирному решению в соответствии с принципами Устава» [16, с.2]. Степень безоговорочности в поддержке Лондона возрастала, а Парижа – уменьшалась.

Промежуточные выводы

Общий знаменатель позиций Великобритании и Франции сводился к требованию вывода ракет с Кубы.

Оценки степени угроз, перспектив восстановления баланса и будущей роли США различались.

Применительно к дипломатической поддержке Соединенных Штатов в период кризиса в Великобритании возобладали сформированной

годами солидарности инерционный автоматизм, во Франции – желание провести обновление союзнических отношений. Великобритания в качестве потенциального урока Карибского кризиса предпочла бы заняться отладкой трансатлантических механизмов предотвращения «заметных изменений в равновесии военной мощи»; Франция же сделала бы ставку на большей независимости от Вашингтона. Перспектив сближения британской и французской позиций не наблюдалось.

Карибский кризис помог укрепиться франко-германскому тандему. Французы ведь также располагали информацией по линии собственных спецслужб. Не случайно 5 июля 1962 г. Ш. де Голль на переговорах в расширенном составе трижды спросил канцлера, пойдет ли федеральное правительство на союз двух стран. 19 сентября 1962 г., на десятый день после окончания государственного визита президента де Голля в Западную Германию, Бонн получил французский меморандум, касающийся политического союза Франции и Федеративной Республики. 8 октября, после взвешивания всех «за» и «против», немцы ответили согласием на предложения де Голля, понимая, что США вскоре столкнутся с проблемами на Кубе и будут недовольны автономной политикой Парижа и Бонна [25; 35, р.451–487].

Опасения Берна

После разрыва дипломатических отношений в начале 1961 г. Швейцария согласилась представлять интересы Соединенных Штатов на Кубе.

Во время кризиса швейцарское правительство стремилось сохранить статус нейтрального государства, не желало создавать опасные для себя прецеденты и брать дополнительные посреднические обязательства.

Показателен ответ на неофициальное обращение 23 октября 1962 г. госсекретаря США к послу Швейцарской конфедерации А. Линдту с просьбой уточнить в Гаване намерения Ф. Кастро касательно будущего Кубы. Из услышанного Линдт понял, что американцы не только готовы провести переговоры с кубинцами, но и примириться с существованием не входящей в социалистический лагерь «коммунистической Кубы».

Ответ Берна заключался в том, чтобы переговорить с кубинцами в плановом режиме, т.е. во время одной из встреч, и только при условии, если те сами затронут связанный с американским обращением комплекс проблем. Линдту категорически запрещалось делать какие-либо отсылки к США и Швейцарии.

Конфедерации было важно избежать и косвенного вовлечения в конфликт сверхдержав через находившиеся на ее территории междуна-

родные организации. Впрочем, повлиять на события здесь швейцарцы не могли.

После того как генеральный секретарь ООН У.Тан призвал СССР и США воздержаться от обострения конфликта и сесть за стол переговоров [подробнее см.: 28, S.117–184, 201–204; 20], в его адрес 26 октября поступила телеграмма из Женевы следующего содержания: «Г-н Галлопин <...> пришел ко мне вчера вечером. Г-н Буасье, президент Международного Красного Креста, попросил его <...> неофициально сообщить нам о готовности и желании Комитета помочь генеральному секретарю любым возможным способом, если в этом возникнет необходимость» [цит. по: 26, S.15].

Формальное согласие сверхдержав на инспекцию Международным Комитетом Красного креста (МККК) в рамках мандата Совбеза ООН кораблей, держащих курс на Кубу, было дополнено Вашингтоном настоятельной рекомендацией привлечь швейцарский персонал. Угроза косвенного вовлечения стала реальной. Нужно было срочно выработать условия «поддержки».

О возражениях швейцарского правительства и условиях «поддержки» американский посол в Берне проинформировал Госдеп 1 ноября 1962 г., а 6 ноября П.Рюгер, президент МККК с 1948 по 1955 г. и член МККК до 1973 г., прибыл в Нью-Йорк, встретился с У.Таном и заявил о готовности проводить инспекции на нейтральных судах и задействовать швейцарский персонал МККК.

Миссия Рюгера вызвала бурную реакцию в Швейцарии. Главный редактор влиятельной «Нойес Цюрихер Цайтунг», депутат парламента от либералов В.Бречер собирался даже развернуть масштабную общественную кампанию против «бессмысленной инициативы» МККК, поскольку именно Москва, по его мнению, была истинным автором предложения. «Бессмысленная инициатива», утверждал В.Бречер, усиливала давление на Швейцарию.

И лишь когда стало понятно, что СССР собирался признавать инспекции до 10 ноября, дня завершения вывоза ракет с Кубы, официальный Берн облегченно вздохнул. Необходимость в привлечении МККК отпала.

Промежуточные выводы

Швейцария не воспринимала Карибский кризис как событие, ведущее к уничтожению мира. Доказательством наличия жизни после кризиса служит «отложенная дипломатия» (плановый характер беседы с Ф.Кастро о будущем Кубы).

Конфедерация из всех сил пыталась сохранить нейтральный статус и право, ссылаясь на него, не одобрять и не совершать нежелательные действия.

США же пришлось убедиться в том, что не стоит рассчитывать на посредничество и помощь.

Послекризисные ожидания и менеджмент

В аналитическом докладе от 13 ноября 1962 г. БНД отмечала: «Поведение Кеннеди в ходе кубинского кризиса может привести к решающему повороту в холодной войне», поскольку очевидными стали «политические реальности современности: ООН, нейтральные государства, марионетка Кастро, да и союзники Америки превратились лишь во второстепенных игроков и в наблюдателей за решениями обеих сверхдержав» [23, S. 77].

Подобный настрой подпитывался скептицизмом де Голля, для которого, к примеру, совместная позиция франко-германского тандема должна была заключаться в том, чтобы «придать [американской политике] чувство обязательности».

По этой же причине 1 декабря 1962 г. де Голль написал Кеннеди о границах трансатлантической солидарности: «Если развитие событий на Кубе затронуло бы другие темы или другие регионы, где французская политика и безопасность оказались бы вовлеченными, такие как <...> берлинское досье или разоружение <...>, [то] Франция не смогла бы одобрить или <...> применить <...> меры, которые она не соглашывала и не принимала» [цит. по: 27].

Временное обострение трансатлантических отношений как необратимое следствие «придания обязательности» французами хладнокровно принималось в расчет, хотя бы потому, что британцы в их особом союзе с американцами не хотели, по мнению президента Франции, каких-либо обязательств по безопасности в Европе. Они, утверждал де Голль, будут сражаться на европейском фронте только в случае войны.

Аденауэр был вынужден смотреть на значение кризиса и план задач Запада, «блуждаю[щего без повода] в тумане» [19, S. 320], в ином ракурсе. 22 ноября 1962 г. он довольно оптимистично докладывал членам президиума ХДС: «В целом кубинский кризис по моим впечатлениям, а также по впечатлениям моих друзей основательно подействовал на Соединенные Штаты, побудив их проснуться» [19, S. 317]. Пробужде-

ние Америки, в интерпретации канцлера, означало готовность усиленно работать над единством Запада.

Бонн избегал обострения трансатлантических отношений, поскольку оживленные контакты с Вашингтоном предотвращали «кризис после кризиса»: периферизацию НАТО, появление «новы[х] надеж[д] на переговоры и советско-американский баланс», германское урегулирование без участия немцев [23, S.78].

В свою очередь Кеннеди вновь выдвинул требование «повыси[ть] <...> военный бюджет», заговорил о «реформе всей структуры НАТО» [19, S.318] и заявил канцлеру, что для Вашингтона в отношениях с Москвой речь идет «не <...> [о] поворот[е] к лучшему, а поворот[е] к твердости» [19, S.318].

Аденауэр, вспоминая опыт послевоенного урегулирования в Западной Европе, настойчиво рекомендовал американскому президенту создать для стран Южной Америки «организацию, схожую с ОЕЭС», к которой присоединились бы не только США, но и западноевропейские союзники [19, S.317]. Такая конструкция, по мнению канцлера, позволяла быстрее преодолеть противоречия между Соединенными Штатами и странами Южной Америки, повысить значение западноевропейских союзников.

Переговоры с Москвой и азиатские события задерживали реализацию планов Вашингтона в Западной Европе, а внутриведомственная несогласованность усиливала неразбериху.

Конфликт с Лондоном касательно запоздалого информирования о решении не предоставлять ракеты средней дальности “*Skybolt*” пришлось срочно урегулировать плохо подготовленной декабрьской конференцией в Нассау и предложением переориентироваться на предназначенные для подводных лодок ракеты “*Polaris*”.

Де Голля, не получившего приглашение в Нассау, сначала попытались умиротворить инициативой распространить поставки “*Polaris*” на Францию, а затем – воскрешением вяло обсуждаемой в течение всего 1962 г. идеи о многосторонних ядерных силах. При этом Вашингтон совсем не обратил внимание на то, что ни Лондон, ни Париж не были в восторге от многосторонности в данном вопросе.

В январе 1963 г. де Голль «ответил» США безапелляционно двумя «против» – против “*Polaris*” и против вступления Великобритании в ЕЭС.

Приоритетным сцепляющим элементом западного единства в Европе для Соединенных Штатов неожиданно стала Федеративная Республика. Тем более Аденауэр, несмотря на критический настрой и подготов-

ливаемый Елисейский договор, 6 февраля 1963 г. заверял в бундестаге: «Для безопасности ФРГ отношения с США остаются решающими. Европу не защитить без поддержки американцев; свобода США возможна лишь тогда, когда Европа останется свободной. Тесное сотрудничество с США жизненно необходимо» [18, S.215].

Однако привычные тезисы о взаимозависимости предстояло наполнить новым содержанием.

Промежуточные выводы

Карибский кризис укрепил сомнения относительно эффективности американского «ядерного зонтика» [ср.: 26, S.39–44; 29, S.118–123; 22,

S.261–263]. В плюралистичном мире интересов различных союзников и партнеров у США не получилось выработать единую модель диалога. Американцам пришлось временно смириться с вступившими в стадию крайнего обострения опциями: привилегированным англо-саксонским сотрудничеством, обновлением трансатлантического взаимодействия и дифференцированными форматами.

Результатом дисбаланса в западном лагере стало неожиданное для ФРГ усиление собственного значения. Благодаря этому был сделан очередной шаг к политической эмансипации немцев – подготовке к снятию ограничений, наложенных оккупационным статусом.

Вопрос, являлись ли многосторонние ядерные силы единственно возможным и правильным дипломатическим ходом США, остается дискуссионным, особенно если учесть британскую позицию по отладке механизмов предотвращения «заметных изменений в равновесии военной мощи».

Карибский кризис в контексте историко-политологической перспективы

11 сентября 1962 г. Н.С.Хрущев убеждал покидающего СССР западногерманского посла Х.Кролля в том, что «есть общий капиталистический

лагерь, вождем которого выступает Америка» [24, S.617]. Схожую модель и схожие интересы, закрепленные в заметно пошатывающейся тогда институциональной структуре, едва ли следовало называть «лагерем».

Открыто признать релятивизм лагерности Никита Сергеевич, естественно, не мог и не собирався, поскольку это заставило бы его по-иному интерпретировать отношения со странами социализма («социалистическим лагерем») [См. подробнее: 13].

Что же касается исторической науки, то, думается, пришло время окончательно распрощаться с «лагерностью» как научной категорией, считать ее простой идеологемой и вести речь о моделях, вариантах или пространствах союзничества и партнерства в самом разнообразном (в том числе и феноменологическом) восприятии и оформлении [Ср.: 22, S.291–312].

В связи с этим «единство» потеряет однозначность и превратится в то, чем оно всегда и было в реальности, – в ситуативный и системный феномены.

С точки зрения ситуативности основные «уроки» Карибского кризиса заключались в следующем.

1. Кризис с участием и ответственностью сверхдержав не всегда может считаться кризисом для союзников и партнеров. Последние отнеслись к Карибскому кризису как «серьезному событию», но не как к чему-то, что уничтожило бы мир. В научном плане это предполагает более детальное изучение и классификацию кризисов с точки зрения целей, планов, намерений и достигнутых результатов не только главными, но и второстепенными участниками.

2. В связи с этим фронда де Голля – не игра с огнем, а логичный ответ на конкретные исторические обстоятельства, возможности и решения Вашингтона, которые вполне могли (по)меняться под (воз)действием других обстоятельств.

3. Благодаря Карибскому кризису ФРГ получила особую роль, а Швейцария на некоторое время укрепила нейтральный статус.

4. Временное закрепление касалось и «исключительной способности Великобритании приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам».

Кризисы, по всей видимости, создают новый баланс не только интересов, но и опасений среди союзников и партнеров. С точки зрения системности основные «уроки» Карибского кризиса заключались в следующем.

1. Единство неравных партнеров и союзников не может существовать без внутренних и внешних кризисов, конфликтов и необходимого для их поддержания потенциала, а также без «тренировок» состояния конфликтности и степени допустимого обострения. Не случайно практически сразу после принятия решения о выводе советских ракет с Кубы де Голль признался Аденауэру: «частица правды – в том, что Россия не может позволить себе войны и должна заключить мир» [цит. по 27]. Как известно, во время кризиса открытый дискурс во Франции был совершенно иным.

2. В ситуации раздела мира внешние кризисы, как правило, усиливают слабые (проблемные, трансформирующиеся) институциональные системы. Вспомним мысль Х.Арона: «четкое разделение Европы воспринимается, независимо от истины, как менее опасное, чем какое бы то ни было иное устройство». Более того, слабые институциональные системы (неосознанно) тяготеют к всякого рода разделам и малым кризисам.

3. Эффективно препятствовать разделам, кризисам и конфронтации способно только прямое стратегическое взаимодействие великих держав [14]. Конечно, сотрудничество этих держав вызовет резкую критику, которая, впрочем, не изменит главное: многоголосье в международных отношениях никогда эффективно не решило еще ни одной проблемы.

Библиографический список

1. Бородаев В.А. Позиция кубинского руководства во время Карибского кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №1. С.13–43.

2. Дергачева В.Е. Карибский кризис в оценке советской и российской историографии // Современная Россия и мир: альтернативы развития (политика памяти и формирование международного имиджа страны): сборник научных статей / Отв. ред. Ю.Г.Чернышов. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. С.45–49.

3. Есин В.И. Карибский кризис 1962 года: открытые вопросы и наиболее поучительные уроки // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №1. С.4–12.

4. Ефимов Н.Н., Фролов В.С. Карибский кризис 1962 года (новые данные) // Вопросы истории. 2005. №10. С.25–35.

5. История международных отношений: В 3 т.: учебник / Под общ. ред. А.В.Торкунова, М.М.Наринского. Т.3: Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект Пресс, 2012. 552 с.

6. Корсакова Н.Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петерб. ин-т истории РАН, 2005. 337 с.

7. Кременюк В.А. Карибский кризис и его роль в истории // США–Канада: экономика–политика–культура. 2012. №9 (513). С.4–19.

8. Лота В.И. Армагеддон отменяется. Карибский кризис: люди, события, документы. М.: Кучково поле, 2014. 398 с.

9. Мартыанов И.Ю. Общественность США и Великобритании о Карибском кризисе (по материалам писем граждан США и Великобритании Н.С.Хрущеву) // Исторические науки. 2005. №4 (10). С.40–46.
10. Президиум ЦК КПСС: 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т.3: Постановления. 1959–1964 / Гл. ред. А.А.Фурсенко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. 1271 с.
11. Сакович Е.Г. Англо-американская историография «Кубинского ракетного кризиса» // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып.7 / Отв. ред. А.П.Сальков, О.А.Яновский. Минск: БГУ, 2012. С.275–279.
12. Сакович Е.Г. Советская и российская историография «Карибского кризиса» // Проблемы российской истории. 2010. №1 (10). С.61–70.
13. Синдеев А.А. ГДР против СССР: невидимый фронт холодной войны // Германия на перекрестках истории: проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений / Под общ. ред. С.И.Дмитриевой. Воронеж: ВГУ, 2019. С.182–192.
14. Синдеев А.А. Проблемы общеевропейской безопасности в работах российских политологов. М.: Ин-т Европы РАН, 2021. 108 с.
15. Совет Безопасности: официальные отчеты. 1023-заседание, 24 октября 1962 г. Нью-Йорк, 1962. 12 с.
16. Совет Безопасности: официальные отчеты. 1024-заседание, 24 октября 1962 г. Нью-Йорк, 1962. 14 с.
17. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса (1958–1964). М.: Гея итэрум, 1999. 556 с.
18. Adenauer K. Erinnerungen. 1959–1963 (Fragmente). Stuttgart: DVA, 1978. 375 S.
19. Adenauer: “Stetigkeit in der Politik”: Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1961–1965. Düsseldorf: Droste, 1998. S.285–354.
20. Ambrosetti D. Normes et rivalités diplomatiques à l’ONU: le Conseil de sécurité en audience. Bruxelles; New York: P.I.E. Peter Lang, 2009. 352 p.
21. Brandt W. Berliner Ausgabe. Band 3: Berlin bleibt frei. Politik in und für Berlin, 1947–1966. Berlin; Köln: Verlag J.H.W. Dietz Nachf. GmbH, 2004. 702 S.
22. Brauburger S. Die Nervenprobe: Schauplatz Kuba: als die Welt am Abgrund stand. Frankfurt/Main; New York: Campus-Verl., 2002. 328 S.
23. Der Bundesnachrichtendienst und die Kuba-Krise Dokumente aus den Akten des BND / Hechelhammer B. (Hg.). Berlin, 2015. 165 S.
24. Chruschtschows Westpolitik 1955–1964: Gespräche, Aufzeichnungen und Stellungnahmen. Band 3: Kulmination der Berlin-Krise (Herbst 1960 bis Herbst 1962) / Wettig G. (Hg.). München: Oldenbourg, 2011. 656 S.
25. Fischer P. Der diplomatische Prozess der Entstehung des deutsch-französischen Vertrages von 1963 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. №1. S.101–116.

26. Fischer T. Die guten Dienste des IKRK und der Schweiz in der Kuba-Krise 1962. Zürich: Technische Hochschule, 2000. 33 S.
27. Fogacci F. De Gaulle et la crise de Cuba: la conduite de crise, avant, pendant, après. URL: <https://www.charles-de-gaulle.org/blog/2020/06/11/lettre-n14-de-gaulle-et-la-crise-de-cuba-la-conduite-de-crise-avant-pendant-apres/> (дата обращения: 26.12. 2021). Текст: электронный.
28. Ganser D. Die Kubakrise – UNO ohne Chance: verdeckte Kriegsführung und das Scheitern der Weltgemeinschaft 1959–1962. Berlin: Homilius, 2007. 258 S.
29. Greiner B. Die Kuba-Krise: die Welt an der Schwelle zum Atomkrieg. München: Beck, 2010. 128 S.
30. Hershberg J.G. Neue Erkenntnisse zur Kuba-Krise: Weitere Dokumente aus russischen Akten // Die Kuba-Krise 1962: zwischen Mäusen und Moskitos, Katastrophen und Tricks, Mongoose und Anadyr. Berlin; Münster: Lit, 2012. S. 139–158.
31. Lier B. Die Kuba-Krise 1962 im Spiegel der deutschen Presse: die Berichterstattung in “Die Welt”, “Süddeutsche Zeitung”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Der Spiegel” und die “Zeit”. Bonn: Bouvier, 2009. 243 S.
32. Rhode R. Fidel Castro. Stuttgart: Kohlhammer, 2014. 367 S.
33. Scott L. Macmillan, Kennedy and the Cuban Missile Crisis: Political, Military and Intelligence Aspects. London: Palgrave Macmillan UK – Palgrave Macmillan, 1999. 264 p.
34. Steininger R. Die Kubakrise: 16–28. Oktober 1962. Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2019. 47 S.
35. Willms J. Der General: Charles de Gaulle und sein Jahrhundert. München: C. H. Beck, 2019. 664 S.

Варган Эйриян

**ДИПЛОМАТИЯ ЕС
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ
НА ПРИМЕРЕ
НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ
ПРОБЛЕМАТИКИ
В 2020–2021 гг.**

УДК

327

В работе рассматриваются позиции государств-членов Европейского Союза по вопросу урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе в 2020–2021 гг. Приверженность ЕС поддержанию диалога между сторонами при посредничестве Минской группы (МГ ОБСЕ) рассматривается в качестве ключевого элемента, определяющего сущность европейской политики в регионе. Анализируются факторы, не позволяющие на данный момент членам интеграционной группировки сформировать единый подход к оценке конфликта между Арменией и Азербайджаном. Делается вывод о невозможности прийти к консенсусу из-за оказываемого проармянскими и проазербайджанскими лоббистскими группировками давления, облачаемого в формы активности диаспор или повышенного внимания к двустороннему диалогу с одной из закавказских республик. Акцентируется внимание на значимости турецкого фактора при обсуждении нагорно-карабахской проблематики. Несмотря на вторичность этого вопроса для ЕС на текущий момент, автор тем не менее указывает на возможность участия Европы в постконфликтном урегулировании на Южном Кавказе как на один из методов сохранения политического влияния ЕС в регионе.

The article reviews the European Union members' positions on the Nagorno-Karabakh conflict resolution in 2020-2021. The EU's commitment to the dialogue between Armenia and Azerbaijan under the mediation of the OSCE Minsk Group is considered as a cornerstone of the European policy in the region. The factors foreclosing an opportunity to develop a common European approach towards the conflict are analyzed. It is concluded that the consensus can not be achieved due to the fact that pro-Armenian and pro-Azerbaijani lobby groups resort to such leverages as diaspora activities or drawing attention to the bilateral dialogue with one of the Caucasian republics. The significance of the Turkish factor for the Nagorno-Karabakh problem is emphasized. Despite the fact that today the EU treats the question as marginal, the author notes that the European involvement in the post-conflict regulation on the South Caucasus may be viewed as an opportunity to maintain the EU's political influence in the region.

Ключевые слова: Европейский союз; Армения; Азербайджан; Турция; Нагорный Карабах; вторая карабахская война; Южный Кавказ.

Key words: the European Union; Armenia; Azerbaijan; Turkey; Nagorno-Karabakh; the second Karabakh war; the South Caucasus.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Европейский союз и Южный Кавказ – роль нагорно-карабахской проблематики

Южный Кавказ традиционно занимает важное место в системе внешнеполитических приоритетов Европейского союза на постсоветском

пространстве. Сотрудничество с каждой из трех закавказских республик ведется фактически с момента получения ими независимости в начале 1990-х гг. Значимость региона объясняется не только политическими мотивами, которые толкают ЕС на расширение своего влияния на территориях, воспринимаемых Россией в качестве «зоны привилегированных интересов», но и экономическими факторами: в частности, необходимость всерьез задуматься о диверсификации поставщиков энергоносителей вынуждает европейские государства вести диалог с богатым энергоресурсами Азербайджаном, а также поддерживать отношения со всеми акторами на Южном Кавказе, рассчитывая на возможность в будущем использовать регион для транзита углеводородов. Таким образом, Южный Кавказ воспринимается европейскими политиками также в качестве зоны, в которой Европа заинтересована из соображений своей энергетической безопасности [6, с.51].

Вместе с тем поддержание связей с закавказскими столицами классически осложняется характером отношений между самими региональными акторами. Особую роль в этом контексте играет конфликт вокруг Нагорного Карабаха, являющийся одной из основных причин нестабильности в регионе. Учитывая вовлеченность государств-членов Европейского союза в карабахскую проблематику и участие Франции в переговорном процессе по линии Минской группы (МГ ОБСЕ) на правах сопредседателя, Брюссель никогда не стремился занять лишь одну сторону в противостоянии: на протяжении многих лет наблюдалась одновременно апелляция и к принципу территориальной целостности государств, отвечающему интересам Баку, и к принципу права народов на самоопределение, на который упирает армянская сторона. Однако и полностью самоустраниться от этой проблемы невозможно: ответственными авторами акцентировалось внимание на том, что конструктивный диалог с Южным Кавказом попросту не может быть выстроен без решения карабахского вопроса [6, с.53]. Также стоит упомянуть и о попытках наладить взаимодействие с обеими странами в рамках европейской программы «Восточное партнерство», которая, однако, не была полноценно реализована в отношении обоих акторов. В условиях неурегулированного территориального конфликта Европа

не может рассчитывать на успешность своей региональной политики в долгосрочной перспективе.

С приходом к власти в Республике Армения Н. Пашиняна в 2018 г. начала наблюдаться очередная эскалация напряженности в регионе, вылившаяся в военные столкновения на армяно-азербайджанской границе летом 2020 г. и в т. н. вторую карабахскую войну, названную так по аналогии с событиями 1992–1994 гг. В связи со сложной политической и эпидемиологической обстановкой в Европе государства-члены ЕС были сосредоточены на вопросах внутренней политики, однако акторы все же постарались предпринять некоторые шаги, направленные на скорейшее урегулирование осеннего конфликта. Ключевую роль в этом процессе в итоге сыграла Москва, но действия европейских государств также представляют важный материал для изучения возможности Союза выступать единым фронтом по актуальным политическим вопросам.

В рамках этой работы автор ставит перед собой задачу рассмотреть позиции отдельных государств-членов ЕС по вопросу Нагорного Карабаха на примере событий 2020–2021 гг., т. е. с учетом постконфликтного урегулирования. Подчеркнем, что анализ протекавших летом 2020 г. военных действий на армяно-азербайджанской границе, не относившихся напрямую к Нагорно-Карабахской республике, все же имеет большое значение в контексте уточнения позиций государств-членов ЕС относительно противостояния закавказских республик вообще. Также сразу обозначим, что де-факто Брюссель так и не смог выработать единый подход к рассматриваемой проблеме, вследствие чего отдельного изучения заслуживают причины разногласий между участниками интеграционной группировки.

Тавушские столкновения – прелюдия к осенней войне

Первые военные столкновения между армянскими и азербайджанскими вооруженными силами в рассматриваемый нами период наблюдались еще в июле 2020 г., т. е. за пару месяцев до начала полномасштабной военной кампании: конфликт на армяно-азербайджанской границе, получивший название «Тавушские столкновения», во многом был следствием захода переговорного процесса в тупик, а также интенсификации военного сотрудничества между Баку и Анкарой. Несмотря на то, что военные действия пришлись на неблагоприятный с эпидемиологической точки зрения период, когда страны Запада были заняты решением преимущественно внутривнутриполитических проблем, государства-

члены ЕС оказались косвенно вовлечены в армяно-азербайджанское противостояние.

Лишь немногие государства прямо заявили о своей поддержке одной из воюющих закавказских республик: с одной стороны, союзники Еревана по стратегическому треугольнику «Греция–Кипр–Армения» не преминули указать на отсутствие агрессивных намерений у армянского правительства и де-факто обвинили Азербайджан в насилии. Кроме того, они подчеркнули, что особую роль в развязывании конфликта сыграла и Анкара, против которой фактически и образован упомянутый тройственный союз, поставляющая в Азербайджан наступательные вооружения и, вероятно, стремящаяся реализовать идею «великого Турана» [10]. Очевидно, подобное единство двух греческих и одного армянского государств следует во многом из проводимой ими политики памяти, в рамках которой Анкара предстает важнейшим геополитическим оппонентом держав на протяжении всей истории. С другой стороны, партнеры Баку высказались в поддержку азербайджанского народа, апеллируя к недопустимости провокационных действий со стороны Еревана; именно с такой позицией выступил глава Венгрии В. Орбан, причины чего стоит искать как в постулируемом братстве тюркских народов, так и в заинтересованности восточно-европейской страны в энергоресурсах Азербайджана [9].

Министры иностранных дел Армении, Кипра и Греции. 2019 г.

Остальные страны, несмотря на отдельные факторы, подталкивающие их к поддержке одного из антагонистов, проявили большую дипломатичность и просто призвали стороны к миру. Вместе с тем полностью дистанцироваться от армяно-азербайджанского конфликта Европа не могла – сам факт проживания на континенте многочисленных армянской, азербайджанской и турецкой диаспор определил неизбежность переноса конфликта и на территории государств-членов ЕС. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который вышел за географические границы непризнанной республики, рассматривается всеми государствами мира по-разному, однако ни у кого нет никаких сомнений в том, что Турция в этом вопросе играет одну из ключевых ролей. Именно это объясняет особую аккуратность властей, к примеру, Германии, которые вынуждены учитывать фактор проживания на территории немецкого государства крупной турецкой диаспоры, способной быстро дестабилизировать обстановку в случае, если Берлин займет радикально проармянскую позицию. В то же время фактором диаспоры объясняется и стремление Франции занять скорее армянскую сторону в противостоянии. Лето 2020 г. также было отмечено радикальными акциями со стороны диаспор во Франции, в результате которых официальный Баку направил в Елисейский дворец протест с целью если не оказать давление на французское правительство, то попытаться заставить западную столицу занять более сбалансированную позицию [5]. Уличные столкновения наблюдались также и в вышедшей из состава ЕС Великобритании, которая редко детально высказывается по вопросу Нагорного Карабаха [4].

Как и ожидалось, единой точки зрения на происходящее летом 2020 г. выработано не было: сказались и второстепенность вопроса в глазах европейцев, и кажущаяся неизбежность происходящего, так как подобные столкновения в больших или меньших масштабах случаются довольно часто (при этом отметим, что столкновения крайне редко проходят именно на армяно-азербайджанской границе, что указывает все же на некоторую уникальность рассматриваемого случая). Прекрасно понимая, что антагонизм Еревана и Баку будет наблюдаться до тех пор, пока должным образом не будет урегулирован нагорно-карабахский вопрос, Европа придерживается позиции, что ключевую роль во всем переговорном процессе должна играть МГ ОБСЕ. Вместе с тем ничего нового группа предложить не смогла – сопредседатели ограничились призывами перейти к конструктивным переговорам [20].

**Вторая карабахская война –
взгляд из Европы**

Военные действия, протекавшие с 27 сентября по 9–10 ноября 2020 г., стали для многих государств поводом вновь обратить свой взор

на Южный Кавказ. Уже в первые дни из европейских столиц начали раздаваться призывы к скорейшему установлению режима прекращения огня, что привело к складыванию поразительной на сегодняшний день ситуации: позиции России и Запада совпали, что стало ясно из совместного заявления государств-сопредседателей МГ ОБСЕ [26], занимающейся поиском путей выхода из Карабахского конфликта. Подобное единодушие объясняется тем, что нагорно-карабахская проблема является практически единственной на постсоветском пространстве, которая не вписывается в классическую дихотомию «Россия–Запад», что позволяет обеим сторонам без имиджевых потерь пойти на диалог друг с другом. Безусловно, риторика Запада по этому вопросу играла несколько меньшую роль в связи с географической удаленностью двух стран-сопредседательниц от очага военных столкновений [33], но, вместе с тем консолидированная позиция России и названных держав, как считали многие, была способна привести к необходимым результатам и, по меньшей мере, удержать Турцию от продолжительной эскалации конфликта.

Одним из важнейших вопросов являлся выбор пути дипломатического урегулирования нагорно-карабахской проблемы, при котором в Турции не наблюдался бы затем рост реваншистских настроений на фоне условного противостояния ей коалиции государств-сопредседателей. Один из главных аргументов азербайджанского президента, полностью поддерживаемого его турецким коллегой, о необходимости пересмотра состава МГ ОБСЕ [24] с прозрачным намеком на повышение статуса Анкары до сопредседателя разбивался о категорический отказ азербайджанской стороны от участия властей непризнанной Нагорно-Карабахской Республики в переговорах [1]: изменение состава или статуса участников переговоров было ранее отторгнуто самим президентом И.Алиевым, а значит, видоизмененные варианты подобных предложений в интересах другой стороны также должны были быть отвергнуты. В рамках же традиционного диалога Еревана и Баку при посредничестве трех сопредседателей официальных претензий в «пристрастности» не должно было быть, несмотря на то, что октябрь 2020 г. был отмечен аккуратными обвинениями И.Алиева в адрес Э.Макрона, который, по его мнению, «выступает со своей национальной позицией» [2]. В рамках анализа рассматриваемой нами проблематики примечательно и то, что дипломатичный

демарш Азербайджана может также объясняться тем, что, как полагают некоторые эксперты, в МГ ОБСЕ Париж высказывается едва ли не от имени всего Европейского союза [21, с. 32]. Узкое же, «одностороннее» видение ситуации на Южном Кавказе со стороны одного из крупнейших мировых акторов явно не отвечает интересам богатейшей закавказской республики.

Президент Франции Э.Макрон. 2020 г.

Частичная заинтересованность Европы в тандеме с Москвой для решения проблемы на Южном Кавказе была обусловлена следующим: несмотря на то, что Турция является государством-членом НАТО, трения между режимом Р.Т.Эрдогана и европейскими государствами становились на тот момент печальной закономерностью. Предвоенные месяцы были отмечены как ужесточением риторики Анкары и Афин [27], так и столкновением позиций Р.Т.Эрдогана и Э.Макрона по ситуации, сложившейся у берегов Ливии [22]. В Европе росла обеспокоенность действиями турецкого руководства на фоне того, как быстро Анкара продуцировала новую напряженность [30]. В подобной ситуации Европа, вероятно, готова была пойти на компромисс с Кремлем, начав совместную продуктивную работу по урегулированию конфликта на Южном Кавказе, так как это отвечало интересам не только самих закавказских народов, но и крупных игроков: полномасштабная война на Южном Кавказе не нужна была никому, ведь она с большой долей вероятности

повлекла бы за собой закрепление Турции в регионе. Отечественный эксперт по закавказской проблематике С.Маркедонов справедливо отметил: «Если на Кавказе Турция усилится до каких-то значимых величин, Запад будет делать все для того, чтобы минимизировать ее влияние и подключиться более активно. Поэтому задача России – минимизировать турецкое влияние, потому что за турецким придет западное, и не в пользу России» [25].

Несмотря на логичность подобного подхода, ЕС так и не смог перейти к действительно проактивной политике на Южном Кавказе во время военных действий, что не в последнюю очередь связано с диаметрально противоположными курсами отдельных государств-членов: Будапешт вновь заявил о поддержке «братского» Баку и его территориальной целостности [7], пока Париж грозился перейти к санкционному давлению в отношении Анкары [12]. Фактически европейской солидарности хватило лишь на громкие заявления, призывающие антагонистов придерживаться норм международного гуманитарного права: в частности, 28 октября 2020 г. Брюссель попытался поддержать начинания стран-сопредседательниц и подтолкнуть Баку и Ереван к соблюдению постоянно нарушаемых режимов прекращения огня [36]. Поддержка той или иной стороны, как и в случае летних столкновений на армяно-азербайджанской границе, завязана на таких аспектах, как диаспоральный фактор, отношения с Турцией и потребность в энергоресурсах Баку. Если на стороне Армении в силу исторических связей, близости культур либо проживания в государстве крупной диаспоры традиционно выступают Греция, Кипр и Франция, то в пользу Азербайджана всегда высказывается лишь один член ЕС – Венгрия. Дипломатическая поддержка тюркской страны, как правило, высказывается государствами, лишь подававшими заявки на вступление в Союз, но пока в его состав не принятыми, в частности, Албанией и Боснией и Герцеговиной. Вместе с тем турецкий фактор играет куда большую роль: будучи де-факто «пропускным пунктом» в Европу с Ближнего Востока, Турция способна использовать миграционный вопрос как средство давления на европейских политиков. В связи с этим показательными кажутся и октябрьские дискуссии по вопросу применения санкционных инструментов против Анкары: это решение было заблокировано совместными усилиями Германии, Италии, Испании, Мальты и Венгрии [11]. В случае Берлина уже упоминалось, что объяснение подобной позиции стоит искать в опасениях перед многотысячной турецкой диаспорой в Германии; в случае же Италии, Мальты и, в меньшей мере, Испании сказывается географический фактор: страны

южной Европы не хотят злить Анкару, понимая, что поток мигрантов во многом придется именно на их субрегион. Таким образом, можно заметить, что, несмотря на возможное понимание ЕС необходимости придерживаться линии на поддержку лишь МГ ОБСЕ и следующее из него стремление не допустить чрезмерного усиления Турции на Южном Кавказе, государства-члены ЕС слишком по-разному воспринимают сложившуюся ситуацию, вставая на ту или другую сторону исходя из собственных политических и экономических побуждений. Поиск компромисса практически обречен на провал, так как очевидно, что в ближайшем будущем ни Венгрия не отступит от т. н. «тюркского братства», ни Греция с Кипром не пересмотрят свою позицию в отношении Анкары. Именно этим, а не только эпидемиологической обстановкой и второстепенностью вопроса объясняется амбивалентная линия ЕС в отношении нагорно-карабахской проблематики.

Место ЕС в «новой реальности» на Южном Кавказе

Ноябрьское совместное заявление об установлении режима прекращения огня было заключено без помощи ЕС, однако определенные плюсы

для интеграционной группировки в нем можно найти. Прежде всего, Европа заинтересована в нормализации транспортного сообщения внутри региона для дальнейшего использования Южного Кавказа в качестве транзитной зоны. Кроме того, переход к постконфликтному урегулированию открывает для Европы новое окно возможностей по оказанию влияния на отдельных региональных игроков: не имея достаточного инструментария для воздействия на страны во время открытых военных действий, ЕС все же может оказывать серьезную финансовую поддержку тем мирным проектам, в которых он заинтересован больше всего. Как отмечают исследователи, подобные шаги, не противоречащие логике совместного заявления, могли бы привести к дальнейшему продвижению демократий на Южном Кавказе, что актуально для европейской повестки в отношении Грузии и Армении [23]. А. Оганян полагает, что подобные действия также способствовали бы оформлению пояса безопасности по периметру ЕС, однако, на наш взгляд, важнее то, что в краткосрочной перспективе Европа могла бы попробовать сохранить часть своего влияния на закавказские республики, которое значительно сократилось по итогам второй карабахской войны 2020 г. В свою очередь, европейские эксперты указывают на значимость предоставления финансовой поддержки Еревану и Степанакерту в рамках постконфликтного урегу-

лирования для демонстрации собственной вовлеченности в региональную повестку и сохранения возможности направлять демократические реформы в Армении в нужное русло [31]. Как нам видится, с учетом прошедших летом 2021 г. парламентских выборов, подготовка к которым продемонстрировала абсолютную неконсолидированность общественно-политических сил в стране, говорить о «курировании» реформ в закавказском государстве преждевременно. Старый тезис армянского политолога С. Минасяна о желании Брюсселя взрастить на Кавказе «европеизированные элиты» все еще актуален, однако с учетом нынешней политической конъюнктуры акценты у многих акторов уже расставлены иначе [21, с. 35]. Тем не менее стоит согласиться, что в условиях постконфликтного урегулирования инструментарий ЕС шире, нежели на момент ведения военных действий, что подтверждается еще и тем фактом, что Союз уже занялся оказанием гуманитарной помощи жертвам войны в Карабахе, выделением финансовых средств на деятельность различных демократических институтов и сбором «товаров первостепенной важности» [16].

Закавказские столицы проявляют немалый интерес к возможности получения экономической помощи со стороны ЕС. Уже к февралю 2021 г. Союз смог собрать средства на сумму 6,9 млрд евро для осуществления таких мероприятий целевого назначения, как предоставление теплой одежды на зиму и обеспечение базовых (экзистенциальных) потребностей местного населения и специализированной психологической поддержки жертвам войны [37]. Кроме того, на момент октября 2021 г. речь шла о предоставлении дополнительного пакета в размере 2,6 млрд евро. Судя по всему, изначально эта сумма должна была быть направлена на поствоенное развитие Армении, однако азербайджанское руководство почти моментально потребовало придерживаться принципа равенства: И. Алиев убежден, что пострадавшей стороной является Баку, в связи с чем средства на восстановление инфраструктуры, по мнению главы государства, требуются отнюдь не Армении [15; 19]. Вне зависимости от того, кто по итогу воспользуется европейскими деньгами, заметим, что экономический инструмент влияния позволяет Брюсселю поддерживать свой авторитет в регионе. Безусловно, после окончания военных действий отношение самих антагонистов к европейским посредникам тоже претерпело некоторые изменения. Официальный Ереван находится в положении стороны, заинтересованной в любой помощи, хотя и понимающей, что многого ожидать не стоит. При этом, хотя армянские официальные лица, посещающие с государственными визитами другие

государства, не забывают благодарить европейских коллег за их сбалансированную позицию, в армянском обществе теплятся надежды на то, что периодически постулируемая цивилизационная близость все же обладает и ЕС однозначно выскажется в пользу Еревана [3]. Баку же теперь реагирует на все заявления и предложения с позиции победителя, который не нуждается в излишней кооперации с кем-либо. В понимании И.Алиева конфликт вокруг Нагорного Карабаха уже решен, и всевозможные обсуждения этой проблематики рассматриваются ныне в качестве пререканий с азербайджанской линией. Кроме того, никуда не исчезли проблемы восприятия европейских грандов: Т. де Ваал абсолютно справедливо отмечает, что Франция так и осталась для Азербайджана «предвзятым посредником» (“a biased mediator”), законодательный орган которого еще и проголосовал за признание независимости Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах) [32]. Отвечая на вопросы французского журналиста, азербайджанский лидер обратился к официальному Парижу с призывом соблюдать нейтралитет и придерживаться «реалистичных подходов», намекая на то, что самой Франции, от которой никто не ждет полномасштабного вмешательства в южно-кавказские реалии, незачем портить отношения с одной из закавказских республик [17]. Показательно отказываться от ведения диалога с МГ ОБСЕ Азербайджан, конечно, не станет, однако сейчас его переговорные позиции вышли на качественно новый уровень, что вынуждены учитывать ев-

Интервью Президента Азербайджана И.Алиева французскому телеканалу «France 24». 2021 г.

Источник: Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики

ропейские медиаторы. Более того, в контексте попыток Баку добиться подписания соглашения о делимитации и демаркации границ на Южном Кавказе можно предположить, что при согласовании этого вопроса И.Алиев на каком-то этапе предложит ЕС выступить в качестве посредника между Азербайджаном и Арменией. Уже сегодня в интервью президента Азербайджанской Республики можно найти отсылки на то, что на встречах по линии Брюссель–Баку данная тема фигурирует, осталось лишь получить согласие Еревана [19].

Вопросы противостояния на уровне диаспор также не сошли с повестки дня. Перетягивание политического каната, которым традиционно занимаются Азербайджан и Армения, наблюдается и в поствоенной действительности, причем принципиальным образом методы сторон не изменились. Баку отдает себе отчет в том, что диаспоральный инструментарий Еревана значительно шире, что в интерпретации И.Алиева звучит следующим образом: «Конечно же, нам с несопоставимыми медийными ресурсами по сравнению с армянским всемирным правительством было очень трудно говорить правду» [18]. Тюркское государство склонно рассматривать армянскую диаспору в качестве силы едва ли не более могущественной, нежели само армянское государство. Недаром специалисты во всем мире уже много лет с иронией указывают на то, что «особенно крупные и влиятельные армянские диаспоры сосредоточены в трех странах-сопредседателях Минской группы ОБСЕ» [21, с.26]. Протекающее на европейской арене противоборство по линии «мягкой силы» все также включает в себя и такой компонент, как политика памяти или борьба за историческую правду. В частности, в ходе майского визита премьер-министра Республики Армении Н.Пашиняна во Францию была проведена встреча не только с президентом Э.Макроном, подтвердившим, что Париж не забудет своего закавказского союзника, но и с мэром столицы А.Идальго. Это мероприятие особенно запомнилось жесткой формулировкой французского градоначальника по крайне болезненному для тюркских стран вопросу: «Это судьба не только Армении, наша судьба и судьба Армении взаимосвязаны. Мы продолжим наши последовательные шаги по криминализации отрицания Геноцида армян» [8]. В свою очередь, азербайджанские политики не устают напоминать всему миру, что именно Армения – «агрессор, оккупант, которая совершила этнические чистки, геноцид в Ходжалы, разрушила все исторические и культурные здания» [18]. К подобным историческим и культурным перепалкам европейские политики давно привыкли: к сожалению, став обыденностью, они во многом потеряли

свою ценность и в качестве инструмента политического воздействия, и в качестве возможности донести толику «национальной правды», а потому лишь усугубляют недоверие между двумя антагонистами. Кроме того, они служат напоминанием партнерам Баку или Еревана, что солидарность с историко-политическим нарративом одной из закавказских республик является условием, выполнение которого необходимо для поддержания отношений на хорошем уровне.

Вместе с тем как непосредственно в период ведения боевых действий, так и в поствоенный период диаспоральный фактор больше отвлекает внимание аналитиков от ключевых компонентов, влияющих на видение Брюсселем и европейскими столицами ситуации. Куда большую значимость что тогда, что сейчас имеют отношения Европы с Турцией и обеспечение энергетической безопасности, толкающие континентального гиганта на поиск новых партнеров взамен Москвы. Диалог с Анкарой нельзя назвать нормализовавшимся: мало того, что на фоне публикации нового доклада Еврокомиссии с указанием на отсутствие в стране даже мнимой демократии дискуссии о характере власти в Турции вновь вызвали общественный резонанс [14], в конце октября 2021 г. Р.Т.Эрдоган резко поднял ставки и поручил МИД объявить послов 10 западных государств персонами нон грата [29; 34]. Такое решение явилось ответом ближневосточного лидера на призывы освободить турецкого общественного деятеля Османа Кавалу, борющегося за права меньшинств. Сомнительно, что этот инцидент, несмотря на весь дипломатический пафос происходящих событий, способен кардинальным образом сказаться на отношениях сторон. Недоверие, порой перетекающее в неприязнь ряда западных лидеров к турецкому президенту, компенсируется осознанием, что Брюссель, как и его старший брат Вашингтон, заинтересован в Анкаре и не может позволить себе идти на поводу у эмоций даже в принципиальных для себя случаях, когда речь идет о важнейших для западного мира ценностях. Оба политических титана Европейского союза в лице Германии и Франции попали под горячую руку Р.Т.Эрдогана, однако это не означает, что динамика европейско-турецких отношений либо их логика значительно изменятся. Соответственно, в интересах Европейского союза вести себя на Южном Кавказе достаточно амбивалентно и не провоцировать Турцию, желающую рассматривать регион в качестве своей вотчины, на новые резкие действия. Турецкий фактор продолжает оставаться по своей сути сдерживающим, и ожидать каких-либо корректировок на этом направлении пока не стоит.

Президент Турции Р.Т.Эрдоган. 2021 г. Источник: AP

Более того, Европа еще и вынуждена переориентировать все свои силы на решение куда более актуального вопроса. Осенью 2021 г. в очередной раз на первый план вышел вопрос о ценах на энергоносители и, в частности, на газ, поставляемый на континент из России. Этот стоимостной показатель впервые в истории пробил потолок в 1900 долларов США за 1 тыс. м³, однако впоследствии цена все же несколько стабилизировалась [28]. Тем не менее истерия, связанная с подозрениями Европы, что за скачкообразным ростом цен на газ виднеется рука Москвы, означает еще и то, что Брюсселю не до внешнеполитических авантюр во второстепенных для его стратегии регионах. Внимание Европы приковано к наполненной газом первой нитке «Северного потока – 2» и к дебатам на тему того, чего добивается В. Путин, «недопоставляя», по мнению европейцев, столь ценный ресурс на европейский рынок [35]. До тех пор, пока Европейский союз не разберется с одним из ключевых для себя вопросов, который в преддверии зимнего сезона 2021–2022 гг. все быстрее актуализировался, прочие проблематики будут отодвинуты на второй план.

Несмотря на завершение горячей фазы противостояния, на сегодняшний день большинство специалистов сходится в мнении, что нагорно-карабахский конфликт далек от своего завершения. Раз из-за этого противоборства невозможно осуществлять полноценное сотрудничество со всеми закавказскими республиками, Европейскому союзу придется

придерживаться линии на балансирование между позициями обеих сторон, не выбирая при этом ни одну из них. Важное значение в этом контексте играют такие компоненты, как деятельность лоббистских группировок и диаспор в европейских государствах, полемика относительно политики памяти, а также стремление интеграционной группировки построить на Южном Кавказе «подлинные» демократии. В то же время эти составляющие во многом являются «отвлекающими», если учесть, что наибольшим весом при принятии решений по закавказской проблематике в любом случае окажутся турецкий фактор и заинтересованность в энергоносителях. Преодолеть разногласия между государствами-членами ЕС по этому вопросу, даже с учетом его маргинальности, для большинства участников континентального объединения не представляется возможным. Во многом это является показателем также и способности Европейского союза выступать единым фронтом по актуальным проблематикам, стоящим на повестке дня. В настоящий момент ЕС необходимо сконцентрироваться на участии в постконфликтном урегулировании в регионе, не претендуя при этом на нечто большее: к примеру, вопросы обеспечения региональной безопасности в ближайшем будущем безусловно будут решаться Москвой и Анкарой; более того, в условиях мирового кризиса Европа сама не заинтересована в излишней внешнеполитической активности во второстепенных для нее регионах. Тем не менее вопросы гуманитарного характера выглядят той нишей, в которой Европейский союз еще способен реализовать свой потенциал, заодно напомнив Закавказью об одном из возможных векторов его развития.

Библиографический список

1. Азербайджан отреагировал на «миацум»: «Пашинян срывает переговоры» // Eurasia Daily. 06.08.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/06/azerbaydzhan-otreagiroval-na-miacum-pashinyan-sryvaet-peregovory> (дата обращения: 03.05.2021)
2. Алиев: Сопредседатели Минской группы ОБСЕ должны продолжать работу, соблюдая нейтралитет // ТАСС. 03.10.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9618897> (дата обращения: 02.05.2021)
3. Армения заинтересована в придании нового качества армяно-итальянскому сотрудничеству – Президент Армен Саркисян встретился с Председателем Совета министров Италии Марио Драги // Официальный сайт Президента Республики Армения. 07.10.2021. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2021/10/07/President-Armen-Sarkissian-met-with-Mario-Draghi/> (дата обращения: 11.10.2021)

4. Армяне и азербайджанцы столкнулись с акциями протеста в Лондоне – видео // Eurasia Daily. 17.07.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/07/17/armyane-i-azerbaydzhancy-stolknulis-akciyami-protesta-v-londone-video> (дата обращения: 02.05.2021)
5. Баку выразил протест Франции в связи с актом вандализма в отношении посольства в Париже // ТАСС. 15.07.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8972561> (дата обращения: 02.05.2021)
6. Болгова И.В. Проблема обеспечения безопасности на периферии Европейского Союза: место Закавказья // Вестник МГИМО-университета. №6 (21), 2011. С. 51–59.
7. Будапешт поддержал территориальную целостность Азербайджана // Вестник Кавказа. 02.10.2020. URL: <https://vestikavkaza.ru/material/321708> (дата обращения: 04.05.2021)
8. В Елисейском дворце состоялась встреча Никола Пашиняна и Эммануэля Макрона // Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения. 31.05.2021. URL: <https://www.primeminister.am/ru/foreign-visits/item/2021/05/31/Nikol-Pashinyan-visit-to-Paris-Brussels/> (дата обращения: 12.10.2021)
9. Венгрия рассчитывает на Азербайджан в повышении безопасности поставок газа // Eurasia Daily. 14.02.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/14/vengriya-rasschityvaet-na-azerbaydzhan-v-povyshenii-bezopasnosti-postavok-gaza> (дата обращения: 03.05.2021)
10. Власти Кипра выразили поддержку Армении, обсуждается деструктивная роль Турции // Sputnik Armenia. 15.07.2020. URL: <https://m.ru.armeniasputnik.am/politics/20200715/23736337/Vlasti-Kipra-vyrazili-podderzhku-Armenii-obsuzhdaetsya-destruktivnaya-rol-Turtsii.html> (дата обращения: 02.05.2021)
11. Германия, Испания, Италия, Венгрия и Мальта заблокировали введение санкций ЕС против Турции // ArmNews. 19.10.2020. URL: <https://news.am/rus/news/608790.html> (дата обращения: 04.05.2021)
12. Глава МИД Франции напомнил о санкциях после слов Эрдогана в адрес Макрона // РБК. 05.11.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2020/5fa3e0749a794770e379a48f> (дата обращения: 04.05.2021)
13. Де Ваал Т. Далекая война. Почему Карабах нельзя игнорировать // Moscow Carnegie Center. 30.09.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82820> (дата обращения: 29.04.2021)
14. Еврокомиссия раскритиковала Турцию за откат от демократии // Deutsche Welle. 20.10.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/evrokomissiya-raskritikovala-turciyu-za-otkat-ot-demokratii/a-59555877> (дата обращения: 04.11.2021)
15. Евросоюз пообещал предоставить Армении 2,6 млрд евро // Московский комсомолец. 17.07.2021. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/07/17/evrosoyuz-poobeshhal-predostavit-armenii-26-mlrd-evro.html> (дата обращения: 12.10.2021)
16. ЕС выделит в целях помощи Карабаху дополнительно 3 млн евро // Sputnik Армения. 19.11.2020. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20201119/25402379/ES-vydelit-v-tselyakh-pomoschi-Karabakhu-dopolnitelno-3-mln-evro.html> (дата обращения: 05.05.2021)

17. Ильхам Алиев дал интервью телеканалу France 24 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 28.09.2021. URL: <https://ru.president.az/articles/53255> (дата обращения: 11.10.2021)
18. Интервью Ильхама Алиева авторитетному российскому журналу «Национальная оборона» // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 24.09.2021. URL: <https://ru.president.az/articles/53199> (дата обращения: 11.10.2021)
19. Интервью Ильхама Алиева испанскому информационному агентству EFE // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 02.10.2021. URL: <https://ru.president.az/articles/53296> (дата обращения: 11.10.2021)
20. МГ ОБСЕ призывает Баку и Ереван подготовиться к переговорам по урегулированию конфликта // ТАСС. 24.07.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9051161> (дата обращения: 02.05.2021)
21. Минасян С. Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво? Аналитические доклады Института Кавказа, №2, август 2010 / Науч. ред.: Александр Искандарян. Ереван: Институт Кавказа, 2010. 80 с.
22. НАТО подтвердила инцидент между фрегатами Франции и Турции у берегов Ливии // ТАСС. 18.06.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8762947> (дата обращения: 01.05.2021)
23. Оганян А. Мир и реформы: роль Европы в Закавказье после Карабахской войны // Moscow Carnegie Center. 25.03.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84069> (дата обращения: 29.04.2021)
24. Президент Азербайджана предложил включить Турцию в переговоры по Карабаху // РБК. 11.10.2020. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/10/2020/5f81ccfd9a7947a6918a883d?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 02.05.2021)
25. «России следует в позиции по Нагорному Карабаху добавить стали в голос» // International Studies. 03.10.2020. URL: <https://internationalstudies.ru/rossii-sleduet-v-pozitsii-po-nagornomu-karabahu-dobavit-stali-v-golos/> (дата обращения: 03.05.2021)
26. Совместное заявление с призывом к прекращению огня в Нагорном Карабахе // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 05.10.2020. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4368439 (дата обращения: 02.05.2021)
27. Турция и Греция на пороге полномасштабной войны в Эгейском море // ИноСМИ. 01.09.2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200901/248035325.html> (дата обращения: 03.05.2021)
28. Цены на газ и уголь в Европе побили все исторические рекорды // Российская газета. 06.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/06/ceny-na-gaz-i-ugol-v-evrope-pobili-vse-istoricheskie-rekordy.html> (дата обращения: 05.11.2021)
29. Эрдоган поручил выслать из Турции послов 10 государств // Коммерсант. 23.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049520> (дата обращения: 04.11.2021)

30. Эрдоган – против всех. Турция ставит геополитический эксперимент // РИА Новости. 07.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201007/turtsiya-1578489851.html> (дата обращения: 02.05.2021)

31. Delcour L. The Future of Democracy and State Building in Postconflict Armenia // Carnegie Europe. 19.01.2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/01/19/future-of-democracy-and-state-building-in-postconflict-armenia-pub-83650> (дата обращения: 29.04.2021)

32. De Waal T. Unfinished Business in the Armenia-Azerbaijan Conflict // Carnegie Europe. 11.02.2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/02/11/unfinished-business-in-armenia-azerbaijan-conflict-pub-83844> (дата обращения: 29.04.2021)

33. De Waal T. United States Power Vacuum Risks Escalating Violence in Armenia-Azerbaijan // Carnegie Europe. 29.09.2020. URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/09/29/united-states-power-vacuum-risks-escalating-violence-in-armenia-azerbaijan-pub-82815> (дата обращения: 29.04.2021)

34. En Turquie, Recep Tayyip Erdogan renonce à expulser dix ambassadeurs occidentaux // Le Monde. 25.10.2021. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2021/10/25/en-turquie-recep-tayyip-erdogan-renonce-a-expulser-dix-ambassadeurs-occidentaux_6099854_3210.html (дата обращения: 05.11.2021)

35. Gabuev A. How Will Moscow Use its Energy Leverage Over Europe? // Foreign Policy. 19.10.2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/10/19/europe-energy-crisis-russia-gas-gazprom-nord-stream/> (дата обращения: 05.11.2021)

36. Nagorno-Karabakh: Statement by the Spokesperson on recent attacks targeting civilians // The official website of the European External Action Service (EEAS). 28.10.2020. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/87708/nagorno-karabakh-statement-spokesperson-recent-attacks-targeting-civilians_en (дата обращения: 07.11.2021)

37. Nagorno-Karabakh: EU allocates additional €3 million in humanitarian aid for conflict-affected civilians // The official website of the European Union. 18.02.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_665 (дата обращения: 07.11.2021)

А вы, друзья мои, говорите,
что о вкусах не спорят?
Но вся жизнь и есть спор
о вкусах!

Фридрих Ницше

Три вещи делают нацию
великой и благоденствующей:
плодоносная почва,
деятельная промышленность
и легкость передвижения
людей и товаров.

Фрэнсис Бэкон

Василий Зверев

КУСТАРНАЯ ИЛИ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

К НЕОКОНЧЕННОМУ СПОРУ НАРОДНИКОВ И МАРКСИСТОВ

УДК
93/94

В статье рассматриваются взгляды В. П. Воронцова (1847–1918) на положение кустарной промышленности в контексте развернувшейся вокруг этого вопроса дискуссии между народниками и марксистами. Предметом спора стала степень развития отечественного капитализма, перспективы сохранения мелкотоварного уклада и его использования при создании альтернативной модели экономики.

The article examines the views of V. P. Vorontsov (1847–1918) on the situation of handicraft industry and the discussion that developed around this issue between narodniks and Marxists. The subject of the dispute was the degree of development of domestic capitalism, the prospects for preserving the small-scale way of life and its use in creating an alternative model of the economy.

Ключевые слова: народники; марксисты; В.П.Воронцов; М.И.Туган-Барановский; В.И.Ленин; развитие капитализма в России; кустарная промышленность; альтернативная модель экономики.

Key words: narodniks; Marxists; V.P.Vorontsov; M.I.Tugan-Baranovsky; V.I.Lenin; development of capitalism in Russia; handicraft industry; alternative model of economy.

E-mail: v.v.zverev@bk.ru

В 2022 г. исполняется 175 лет со дня рождения В.П.Воронцова (1847–1918), известного народника-экономиста, признанного знатока реформенного развития хозяйства России в 1880-х – 1890-х гг. В конце XIX столетия его сочинения вызывали интерес, были предметом дискуссий. Однако в дальнейшем имя Воронцова стало все реже появляться на страницах периодических изданий, а в советское время оказалось на периферии научных исследований. Сегодня, несмотря на возрастание числа публикаций, посвященных изучению творческого наследия Воронцова [2; 5; 7; 8; 9; 12; 16; 18], некоторые аспекты его взглядов еще не получили широкого освещения. К их числу относится вопрос о характере кустарной промышленности и деятельности кустарей в России, который был одним из центральных в споре народников и марксистов. По большому счету в ожесточенных дискуссиях между ними речь шла о степени развития отечественного капитализма и о будущем России.

Для Воронцова кустарные промыслы («народная форма производства») в сочетании с устойчивостью крестьянского хозяйства являлись основой альтернативной модели экономики, в которой не было места извлечению прибыли и превращению труженика в бессловесный придаток машины. Он искренне надеялся на защитные функции общины и артели, противостоящих рыночному расчету и духу чистогана. «Симпатия» Воронцова к кустарному производству выражалась в его неоднократном обращении к состоянию дел в этой области хозяйствования. Квинтэссенцию собственного понимания процессов, происходивших в кустарном производстве, он изложил в вышедших в 1886 г. «Очерках кустарной промышленности в России».

Воронцов В.П.

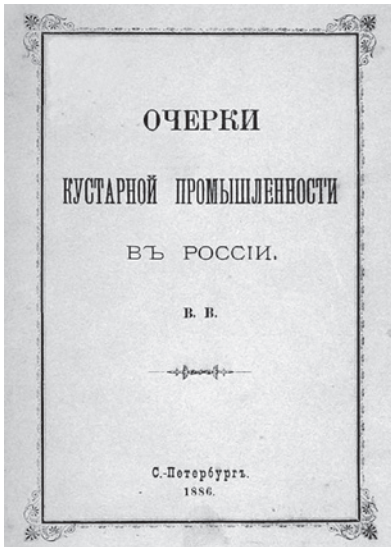
Противостоять духу чистогана

Название работы указывало на то, что автор не претендовал на полное и окончательное освещение обозначенной темы. Это было вызвано как недостаточным количеством введенного в научный оборот фактического материала, так и отсутствием его широкого анализа в отечественной литературе. Хотя к середине 1880-х гг. и вышли такие сочинения, как книга Е.Н.Андреева, сборники материалов «Промыслы Владимирской губернии», подготовленные С.А.Харизоменовым и В.С.Пругавиным, на-

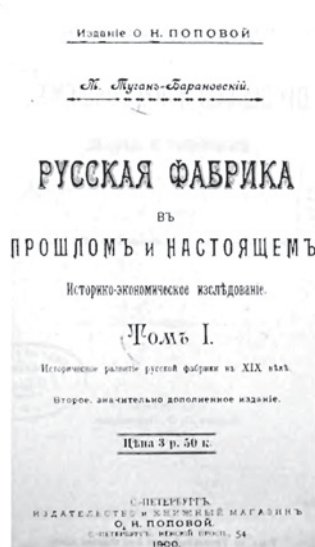
писанная на их основе обширная статья С.А.Харизоменова «Значение кустарной промышленности» [1; 15; 20], но говорить об исчерпанности проблемы не приходилось.

В то же время ее изучение становилось все более актуальным. Это подтверждала и эволюция оценок работы Воронцова. Первоначально «Очерки» не получили широкого отклика. По «горячим следам» в журнале «Северный вестник» вышла рецензия, в которой было отмечено, что Воронцов дал «по возможности всестороннее пояснение о состоянии, распространении и значении кустарной промышленности в России» [14, с. 187].

Эту же работу Воронцова упомянул в статье «О значении профессионального образования при экономических условиях России» Н.А.Каблуков, назвав «Очерки» прекрасными [10, с.75].

Обложка книги В.П.Воронцова «Очерки кустарной промышленности в России»

Обложка книги М.И.Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем»

Время серьезного интереса к сочинению наступило в конце 1890-х гг. При рассмотрении процессов, протекавших в промышленности, наблюдения и выводы Воронцова о состоянии кустарных промыслов оказались востребованы и подверглись существенной критике со стороны авторитетных и уже известных марксистов – М.И.Туган-Барановского и В.И.Ленина.

В изданной в 1898 г. работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем» Туган-Барановский посвятил кустарным промыслам отдельную главу «Борьба фабрики с кустарем». В ней он отметил, что мнение Воронцова о «народном» происхождении кустарной промышленности в России являлось господствующим в общественной мысли. Однако утверждение о появлении кустарной формы производства «из домашнего производства в своей категорической форме совершенно неверно, так как оно игнорирует многие весьма важные промыслы чисто капиталистического происхождения, преобладающие ... во всем центральном промышленном районе России».

Туган-Барановский М.И.

В действительности, по словам Туган-Барановского, «кустарная промышленность превращается во внешнее отделение фабрики» [19, с.274, 515].

По имевшимся статистическим данным, в кустарном ткачестве цена на изделия была сбита донельзя [19, с.438, 439]. Да по-другому и не могло быть, поскольку конкурировать с машинным производством в бумагопрядении, в 20 раз превосходившем ручное, было невозможно. В результате, как считал Туган-Барановский, промышленное объединение рабочих на фабрике заменяло торговое объединение кустарей. А это означало только одно – капитализм вступил в свою высшую (фабричную) фазу [19, с.440]. Фабрика шаг за шагом «оттесняла кустаря от высших сортов товара к низшим благодаря постоянному удешевлению продукта». Верным признаком того, что кустарное ткачество клонилось к упадку, являлось значительное понижение заработка ткачей [19, с.444, 448].

Борьба фабрики с кустарем

Туган-Барановский давал объяснение и тому факту, что с ростом фабрик происходила не концентрация производства, а его раздробление, когда рядом с фабрикой шла и кустарная изба. На первый взгляд это можно было принять за «победу» «народной промышленности» над капиталистической. В действительности же это было этапом в развитии фабрики, когда фабрики делались мельче, мелкие фабрикантики раздавали работу кустарям непосредственно на дом [19, с.454, 453].

Тем самым предприниматели боролись с кустарем. Машинное производство понижало стоимость товара до такой степени, что многие кустари разорялись, а некоторые начинали работать на дому за нищенскую плату [19, с. 454].

Аналогичные процессы были характерны не только для ткачества, но и для гвоздарного, замочного производства [19, с. 456–461]. Опираясь на эти сведения, Туган-Барановский делал вывод, что поглощение мелкого производства крупным может происходить двояким путем. В первом случае фабрика могла возникнуть независимо от существовавшего кустарного производства и путем понижения стоимости товара действовать угнетающим образом на кустарный промысел. В конце концов промысел раздроблялся и исчезал.

Во втором случае крупное производство могло вырасти из самой кустарной промышленности путем естественной эволюции, когда крупные кустарные мастерские за счет использования машинного труда вытесняли более мелкие и поглощали их. Такой вариант событий был возможен, если превосходство фабрики было невелико, а кустарная мастерская постепенно вырастала в фабрику. «Если же превосходство это огромно, то кустарная мастерская распадается, а промысел отмирает» [19, с. 462].

«...промысел отмирает»?..

Для Туган-Барановского было очевидным, что «упадок наиболее важных кустарных промыслов под влиянием крупного производства и вздорожания сырья представляется в общем повсеместным». Однако разрушая одну отрасль кустарного промысла, фабрика параллельно развивает другую. Но уже на следующей стадии вступает в борьбу с вновь появившимися промыслами, которым предстоит погибнуть в результате конкуренции с крупным производством [19, с. 467].

Туган-Барановский предполагал, что число кустарей в России сокращается, но не было бы ничего удивительного в том, если бы их число и росло. «Сила кустарной промышленности в России, – писал он по этому поводу, – заключается в безграничной эксплуатации рабочего, которую он допускает». Так называемая домашняя промышленность демонстрировала поразительную живучесть из-за дешевизны рабочей силы [19, с. 469].

По своей сути это было не чем иным, как особой формой эксплуатации – домашней системой выжимания пота, которая, демонстрируя свою живучесть, задерживала увеличение производительности труда путем уве-

личения эксплуатации рабочего. Юридически свободный кустарь в действительности находился в полной зависимости от посредника [19, с.470].

Туган-Барановский выступал как последовательный и убежденный сторонник прогрессивности фабричной формы производства, которая шла на смену устаревшей и давно отжившей кустарной промышленности. Исчезновение кустарей было лишь вопросом времени. В теоретическом плане выводы Туган-Барановского были вполне обоснованы и опирались на выявленные Марксом законы становления и развития капитализма в Западной Европе. В этом случае привлекаемый статистический материал подтверждал и еще раз доказывал справедливость избранной точки зрения и тот уровень развития капитализма, который был достигнут в России.

Во многом сходными с позицией Туган-Барановского были и оценки Ленина, выдержанные, однако, в более жестких и непримиримых тонах. Так, он отрицал даже правомерность использования термина «кустарная промышленность», поскольку, с одной стороны, это способствовало схоластическим спорам о том, кого можно отнести к категории кустарей. А с другой – в отечественной литературе, и в первую очередь в народнических работах, под эту категорию подпадали «все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах» (чем, в частности, грешил и Воронцов). В результате сознательно или неосознанно на 2 млн человек занижалась численность рабочих, занятых в капиталистической (фабрично-заводской) промышленности. Но самое главное – «складывается один из самых нелепых и вредных предрассудков о противоположности нашей "кустарной" и нашей "фабрично-заводской" промышленности, об оторванности второй от первой, об "искусственности" "фабрично-заводской" промышленности и т. п.». В то время как имеющиеся данные «по всем отраслям промышленности показывают самую тесную и неразрывную связь между "кустарной" и "фабрично-заводской" промышленностью» [11, с.451, 450, 452].

В дальнейшем негативное ленинское отношение к проблеме нашло продолжение в советской историографии, когда термин «кустарная промышленность» был признан недостойным использования в науке, а П.Г.Рындзюнский свой научный труд, не потерявший научного значения до настоящего времени, вынужден был озаглавить «Крестьянская промышленность в пореформенной России».

Не принимал Ленин и часто используемый народническими экономистами (В.П.Воронцовым и Н.Ф.Даниельсоном) термин «капитализация». Его применение еще было оправдано в публицистической литературе,

В.И.Ленин

но он был абсолютно недопустим для анализа различных форм и стадий капитализма, их значения, взаимосвязи и последовательного развития. Термин был слишком неопределенным и размытым, под ним можно было понимать «и наем одного "рабочника", и скупку, и паровую фабрику». В действительности, по мнению Ленина, кустарные промыслы, охватывающие не менее 4 млн человек, – «это обыкновенно всяческие крестьянские и только крестьянские промыслы» [11, с.450, 451].

А одну из задач работы «Развитие капитализма в России» Ленин видел как раз в том, чтобы показать эту «связь и какие именно особые черты техники, экономики и культуры представляет та форма промышленности, которая стоит в России между мелкой промышленностью и крупной машинной индустрией» [11, с.452].

Срединное положение между ними, по мнению Ленина, занимала мануфактура, и многое в состоянии кустарных промыслов зависело от взаимодействия с ней. Кустарные промыслы по типу своей социальной организации довольно близко стояли к «домашней промышленности», которая характеризовалась работой на заказ лишь время от времени. Кустарничество, напротив, уже связано с товарным производством. Для него характерно стремление к употреблению наемного труда и переход к мануфактуре. «Разделение труда ведет к выделению из крестьянства специалистов-мастеровых; образуются неземледельческие центры мануфактуры» [11, с.387]. Свободный ранее кустарь превращался в полузависимого и зависимого наемного работника, а кустарные промыслы – в придаток машинной индустрии.

В целом, по сравнению с Туган-Барановским ленинская критика взглядов Воронцова была более детализирована, полемически заострена и идеологически непримирима. При этом ему было присуще преувеличение господства капиталистического уклада в экономике страны уже в конце XIX в. В связи с этим нам представляется правомерным обратиться к конкретным ленинским высказываниям в процессе рассмотрения взглядов Воронцова. Это тем более необходимо, поскольку в течение долгого времени ленинизм являлся методологической основой

исследования социально-экономического развития России и отечественной общественной мысли.

Обратимся к основным взглядам Воронцова на кустарные промыслы в России, к их обоснованию и аргументации. В «Очерках» он остановился на таких важных и значимых, на его взгляд, вопросах как распространенность и особенности кустарного производства, степени товарного производства и формы кустарной промышленности, участие женщин, детей и стариков в семейном промысле, кустарное производство и кооперация, сбыт кустарных изделий, кредит среди кустарей, качество кустарных изделий, кустарное производство и земледелие.

Распространенность и особенности кустарных промыслов

По наблюдениям Воронцова, сведения о распространении в России кустарных промыслов были отрывочны и представляли различную степень достоверности. К примеру, он ссылался на данные о количестве кустарей в стране, приводимые Е.Н. Андреевым (7 ½ миллионов человек) и С.А. Харизоменовым (4 миллиона) [3, с. 3].

Эти подсчеты Воронцов признавал далеко не точными. По его мнению, «мелким промыслом в России занято по крайней мере в 5–6 раз больше рук, чем крупным» [3, с. 9]. Если исходить из того факта, что его собственная оценка численности фабричных рабочих не превышала 1 млн человек

ИЗДАНИЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Владимиръ Ильинъ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

Процессъ образования внутренняго рынка для крупной промышленности.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейфорта, Бол. Морская 65,
1899.

Обложка книги В.И. Ленина
«Развитие капитализма в России»

[3, с.28], вырисовывалась значительная по отношению ко всему населению страны цифра в 5–6 млн. Безусловно, она была так же приближительна, как и подсчеты других авторов. Но для нас важным представляется то, что Воронцов не преувеличивал число отечественных кустарей в середине 1880-х гг., а пытался подойти к этому вопросу максимально объективно¹.

Этот же принцип был использован им и для определения отличительных черт кустарной промышленности. Среди них Воронцов в первую очередь выделял «связь с земледелием». По его наблюдениям, «работа на рынок существует главным образом в деревнях, тогда как города населены ремесленниками, трудящимися по заказу потребителя» [3, с. 11].

Тем самым работу на рынок городских ремесленников Воронцов рассматривал как исключение из правил и объяснял складывавшуюся ситуацию тем, что в результате наличия большого количества товаров цены на них падали, и выдержать дешевизну товара могли только крестьяне, имевшие кустарные промыслы как подсобное занятие. В связи с этим крестьянин «ценит свой труд дешевле горожанина». В случае же падения цен он может бросить промысел и заняться сельским хозяйством [3, с. 13, 14].

Наблюдения Воронцова о взаимосвязи кустарного производства с земледелием были вполне правомерны и обоснованы. Наличие такой корреляции отмечал и П. Н. Рындзюнский, признанный знаток пореформенного развития капитализма в России. Он писал: «Наличие у кустика еще одной производственной базы, как бы иногда она ни была мала, т. е. средств сельскохозяйственного производства, облегчало выход из промышленной сферы и полное переключение на занятие земледелием, если это покажется выгодным» [17, с. 99].

Если говорить о наиболее характерных чертах русской кустарной промышленности, то, по мнению Воронцова, их «нужно искать не на черноземе, где неземледельческие промыслы развиты очень слабо, а в области исконного распространения мелкой обрабатывающей промышленности», «где земледелие не удовлетворяет всех потребностей крестьянина, так что он ищет подсобного заработка» [3, с. 16, 18]. Таким образом, изначально район наиболее интенсивного развития кустарной промышленности определялся вне пределов относительно стабильного положения крестьян.

¹ Отметим, что вопрос о численности кустарей в России до настоящего времени не получил окончательного разрешения. Так, Г. Р. Наумова отмечает, что в 1870-х гг. кустарей было 7,5 млн, в конце XIX в. – 4 млн (по другим сведениям – 10 млн), накануне 1914 г. – 4 млн [13, с. 1188].

**«Работа в убыток...
нормальное явление...»**

Выделял Воронов и такую черту кустарного производства, как работу в убыток: «Работа в убыток, продажа изделия по ценам, не оку-

пающим издержек производства, рассчитанным по обыкновенному коммерческому методу, составляет, кажется, нормальное явление в сфере русской кустарной промышленности» [3, с. 18].

Продавая свой товар ниже затрат производства (себестоимости), крестьянин рассчитывал на получение дохода от земледелия, поэтому оценивать его труд по коммерческим параметрам было бы неправильно. Промысел был доступен только тем, у кого был материал, но кустарь должен был обязательно обеспечиваться основным заработком. Воронцов писал по этому поводу, что «совмещение различных профессий в одном лице ...составляет характеристическую черту русского кустарного промысла» [3, с. 19, 23].

Более того, Воронцов настаивал на том, что «соединение промысла с земледелием лучше обеспечивает население, чем специальное занятие какою-либо из отраслей обрабатывающей промышленности; оно лучше подходит к промышленной жизни современной России с неустойчивым запросом ее рынков на различные продукты, еще большими колебаниями в предложении последних, с тою зависимостью, в какой находится сбыт товаров кустарного производства от лиц, захвативших в свои руки все дело, и крайней низостью цен кустарных изделий – результатами указанной зависимости, с частыми неурожаями хлебов и т.д.» [3, с.26].

В пользу такого заключения свидетельствовали и климатические условия страны. Земледельческие работы крестьян продолжались в лучшем случае 6 месяцев, и у крестьян оставалось от 4 до 8 свободных месяцев. Сельский житель начинал искать подсобный заработок, который давали ему фабрика, отхожий и кустарные промыслы [3, с.27].

На основе приводимых сведений Воронцов приходил к выводу, что развитие фабричного производства в России шло крайне медленно. И следует отметить, что в этой оценке он также не ошибался. Даже его частное замечание о зависимости русского капитализма от природно-климатических условий страны корреспондируется с выводом Рындзюнского: «Темпы индустриальной революции сдерживались и особенностями географического положения страны: разбросанностью очагов крупной промышленности в массиве мелких примитивно организованных хозяйств, их отрывом от источников сырья и минерального топлива. Длительный зимний период, который стимулировал крестьянина заниматься у себя дома промыслом, также действовал в том же направлении» [17, с.39].

Отмечал Воронцов и еще одну особенность медленного развития крупной промышленности: создаваемые фабрики не поглощали всего освободившегося населения. В результате не использовалась рабочая сила «даже того миллиона безлошадных крестьянских дворов (что составит по крайней мере 2 миллиона рабочих обоего пола), который уже образовался в одной только великороссийской части нашего отечества».

Не могли решить проблему сельского перенаселения и отхожие промыслы, которые были возможны только в летнее время. Напротив, они оказывали негативное влияние на хозяйство крестьян, поскольку земельный участок в пору наиболее интенсивной работы оставался на руках женщин, подростков и стариков. К тому же выгодные заработки (вырубка леса, постройка железных дорог и т. п.) носили временный характер, не гарантировали занятости в дальнейшем: «с развитием обрабатывающей промышленности в тех местах, куда направляются отхожие кустари, ведет к сокращению спроса на многие из отраслей» [3, с.28].

Устойчивость «народного производства»

Оставался только кустарный промысел, которому «крестьянин отдает зиму и минуты, свободные от сельскохозяйственных занятий летом,

земледелию посвящает большую часть лета. Эта солидарность обеих отраслей труда имеет особую важность для нашей страны и нашего времени» [3, с.29]. Эту черту кустарной промышленности России Воронцов особенно подчеркивал, видя в ней залог самостоятельного и относительно независимого существования крестьянского хозяйства.

Дополнительным аргументом в доказательстве устойчивости «народного производства» для Воронцова являлся и тот факт, что соединение промысла и земледелия «почти также крепко, как было сотни лет тому назад» [3, с.35].

На это указывало, по его мнению, и отсутствие специальных промышленных округов, совсем не занимавшихся земледелием. Были только отдельные села. По словам Воронцова, силы закона разделения труда хватило только «на образование специальных центральных пунктов». Но и в них «население мало работает на рынок, а стремится устроиться при занятии, дающем определенный доход или имеющем форму ремесла» [3, с.37].

Кроме того, в «последние годы совершенно явно выразилось стремление промышленного рабочего к хлебопашеству», чтобы избавиться от рыночной зависимости. В совокупности, писал Воронцов, это доказывало «несоответствие обычной формулы промышленного прогресса

условиям русской действительности и гарантирует прочность организации производства, созданной еще в период преобладания натурального хозяйства» [3, с. 41].

В целом, как подсчет численности кустарей, так и выявление отличительных черт кустарной промышленности подталкивали Воронцова к утверждению об особенностях развития отечественной промышленности, о слабой развитости рыночных отношений, о преобладании мелкого производства над крупным фабричным. В определении медленных темпов отечественного индустриализма он был прав, что в очередной раз подтверждается выводом Рындзюнского: «к середине 80-х годов, хотя в меньшем размере, чем в первые пореформенные годы, существовало множество людей, которые не соприкасались с крупными предприятиями и жили в местностях, далеких от значительных центров фабрично-заводской промышленности» [17, с. 105].

Однако в представленном Воронцовым общем абрисе русской кустарной промышленности затушевывался существенный элемент производства – специализация хозяйственной деятельности производителя. Брошенная им фраза о том, что силы закона разделения труда оказались недостаточно для разрушения традиционного уклада крестьянского труда, как ему казалось, подтверждали противостояние и сопротивление «народного способа производства» капитализму в России.

**Кустарные промыслы:
домашняя промышленность
или часть мануфактуры?**

Эта мысль встретила критику со стороны Ленина по вопросу о территориальном разделении труда и отделении земледелия от промышленности. Он не соглашался с утверждением Воронцова, что количество «кустарных уголков» в России незначительно. Напротив, по его мнению, их было очень много. К тому же они возникли давно (их существование определяется десятками, а иногда сотнями лет), отличались «особым укладом техники, экономики и культуры» и «характеризуют особую статью развития капитализма» [11, с. 433].

По мнению Ленина, кустарные промыслы знаменовали переходное состояние промышленного производства к мануфактурной стадии развития. Мануфактура с преобладанием ручного труда, массой мелких заведений, сохранением связи работника с трудом непосредственным образом влияли на узкую специализацию производства, локальность рынка продукции, оторванность от остального мира. Мануфактура и мелкие промыслы не выработали широких районов специализации.

Только «фабрика нарушила их замкнутость и облегчила перенесение в другие места заведений и масс рабочих». Правда, мануфактура способствовала созданию таких сплошных районов, специализации внутри их и широким торговым сношениям [11, с.430, 431].

Еще одной чертой мануфактурной стадии развития производства стала «особая форма отделения земледелия от промышленности». Теперь наиболее типичным промышленником является «не крестьянин, а не занимающийся земледелием "мастеровой"». Занятие преимущественно промышленным производством превращало земледельческие поселения в торгово-промышленные, а мануфактурная техника делала из кустаря-крестьянина мастерового, постоянно совершенствующего свои умения и навыки. Более глубокая дифференциация промышленников при мануфактурной стадии развития неминуемо сказывалась на изменении социального состава деревни, поскольку рекрутирование наемных рабочих не может происходить «из мало-мальски исправных земледельцев». Тем не менее полного отделения промышленности от земледелия мануфактура не производит. «При ручной технике крупные заведения не могут вытеснить совершенно мелких, особенно если мелкие кустари удлиняют рабочий день и понижают уровень своих потребностей: при таких условиях мануфактура... даже развивает мелкие промыслы». Таким образом, мануфактура занимает промежуточное положение между мелким ручным производством и фабрикой. Это явление было свойственно для Западной Европы, а в России процесс отделения промышленности и вовсе затянулся из-за прикрепления крестьян к земле. В связи с этим наиболее типичным для страны было существование неземледельческого центра, притягивающего к себе население окрестных деревень (полуземледельцы, полупромышленники) [11, с.432, 433].

Но даже такое переходное положение от мануфактуры к фабрике свидетельствовало, по мнению Ленина, о прогрессивной роли капитализма, который способствовал повышению в неземледельческих центрах грамотности, росту уровня потребностей и жизни населения [11, с.434].

В общем и целом расхождении Ленина и Воронцова в вопросе о территориальном разделении труда и отделении земледелия от промышленности касались уровня развития кустарных промыслов. Если Воронцов склонен был относить их к стадии домашней промышленности, преуменьшая значение промышленных сел, то Ленин прямо заявлял о них как о составной части мануфактуры, тем самым, на наш взгляд, несколько преувеличивая степень развития капитализма и рыночных отношений в стране.

В. П. Воронцов о трех ступенях товарного производства

Эти расхождения по принципиальным вопросам сказывались и при рассмотрении других аспектов. Например, в исследовании ступеней товарного производства и форм кустарной промышленности. Воронцов выделял три таких ступени, имевших распространение в России. Первой из них являлось домашнее производство, целью которого было непосредственное удовлетворение потребностей самого производителя. Оно существовало повсеместно, но в разных областях его распространение было неравномерно. В промышленных областях, где натуральное хозяйство доживало свой век, встречалось все реже и реже, исчезая под влиянием городской культуры, смены традиционных предметов быта фабричными (одежда, обувь и т. п.). На стагнации домашней промышленности сказывались и другие факторы – повышение стоимости сырья, удешевление товаров фабричного производства, упадок крестьянских хозяйств. В остальной России потребности удовлетворялись по старинке [3, с. 44].

Так, «на деньги ...покупаются по преимуществу предметы роскоши, а также такие предметы необходимого потребления, которые совершенно не добываются и не могут производиться на месте (соль, железо и т. п.)». Самый наглядный пример такого положения дел представляла Черниговская губ., где каждая хозяйственная единица (двор, хозяйство, семья) старалась «сама доставить из собственного материала и собственным трудом все предметы, удовлетворяющие нуждам своих членов». Быт крестьян был глубоко натуральным, «разделение занятий... развито мало», «знание всех ремесел входит в курс практического образования каждого крестьянина». По выражению местных крестьян, «все сами зробили, ...абы було из чего» [3, с. 45].

Первой ячейкой крестьянской производительности являлась семья. Но она не все могла произвести. Когда в чем-то возникала потребность, появлялась вторая ступень кооперации труда – ассоциации нескольких семей («соседские помочи»). Но и выйдя за пределы избы потребителя, домашняя промышленность не сразу приобретала свои характерные черты. «Она еще долго остается в связи с домашним производством, охватывая лишь часть манипуляций, другая же часть остается в руках домашнего производства» [3, с. 46–47].

Эту стадию Воронцов называл ремеслом, когда продукт перерабатывался главным образом на продажу по заказу потребителя и весьма мало на продажу. В 1880-е гг. такая форма встречалась в таких промышлен-

ных отраслях, как мукомольная, маслобойная, красильная, кожевенная, овчинная, шерстобитная, шерстовальная, кузнечная, портняжная.

С течением времени производство на рынок росло, промысел терял характер ремесла. Рынком сбыта оставалась ближайшая окрестность. Но ее размеры расширялись, а вместе с ее расширением росла и промышленность. Создавались условия для непосредственного обращения потребителя к производителю. Ремесло превращалось в кустарную промышленность [3, с.48].

Третья ступень товарного производства характеризовалась тем, что «сбыт продуктов переходит в руки специального класса лиц...; промысел развивается именно там, где находит благоприятные для этого условия», что и дает «начало его территориальному концентрированию».

Таким образом, делал вывод Воронцов, «кустарная промышленность выросла из домашнего производства сельского населения; на всех ступенях превращения домашнего производства в кустарное главнейшими промышленными деятелями были крестьяне же». Однако «степень развития товарного производства в различных местностях России далеко не одинакова» [3, с.49].

В целом, Воронцов совершенно обоснованно приходил к выводу о многоукладности отечественной экономики. За четверть века после реформы 1861 г. капитализм не мог занять главенствующее положение в промышленности. Этому мешало существование кустарного производства. Правда, его Воронцов не склонен был считать составной частью капиталистической эволюции страны. В этом отношении он идеализировал нерыночный характер кустарного производства, в то время как, по справедливому замечанию Рындзюнского, это – «в первую очередь промышленность первых стадий развития капитализма (домануфактурных), распространявшаяся в крестьянской среде», когда кустарные промыслы являются дополнительным занятием для земледельца [17, с.9, 16].

Наряду с этим Воронцов не учитывал и того момента, что «в большой мере свойственная России многоукладность была не только результатом сохранения пережитков прошлого, но и следствием капиталистического развития, его своеобразным проявлением» [17, с.8].

В.И. Ленин о «формах соединения промысла с земледелием»

На этот факт в свое время совершенно справедливо обратил внимание Ленин, когда писал «о формах соединения промысла с земледелием».

К первой из них он относил соединение патриархального (натурального) земледелия и домашних промыслов с барщинной работой на землеуладель-

ца. Она была характерна для средневековья, а в конце XIX в. от нее остались только обломки, т.е. домашние промыслы крестьян и отработки.

Вторая форма подразумевала соединение патриархального земледелия с промыслом в виде ремесла. По своему характеру она близка к первой и отличается только появлением товарного обращения, когда ремесленник получает плату деньгами и появляется на рынке для закупки орудий, сырья и проч.

Третья форма представляла собой соединение земледелия с мелким производством промышленных продуктов на рынок, когда крестьянин превращался в мелкого производителя. Она знаменует собой новый шаг к капиталистическому производству, предполагающему появление мелкого хозяина из зажиточных крестьян и наемного рабочего из числа обнищавших односельчан.

Суть четвертой формы, получившей быстрое и широкое распространение в России пореформенного времени, заключалась в соединении патриархального земледелия с работой по найму в промышленности и сельском хозяйстве. Некогда свободный кустарь начинал работать на скупщика, и тем самым товаром становился не производимый продукт, а – рабочая сила [11, с.378, 379].

Пятая форма состояла в соединении мелкобуржуазного (торгового) земледелия с мелкобуржуазными промыслами (мелкое товарное производство в промышленности, мелкая торговля и пр.). Здесь мелкобуржуазные отношения охватывают не только промышленность, но и земледелие. А значит и наиболее типичны для мелкой сельской буржуазии во всем мире. Однако русские народники-экономисты, писал Ленин, это постоянно отрицают, не видя развития капитализма.

Шестая форма характеризуется соединением наемной работы в земледелии с наемной работой в промышленности.

Закончив рассмотрение различных форм, а по сути типов перехода натурального и полунатурального хозяйства к рыночному, Ленин приходил к выводу, что они весьма разнообразны, включают примитивный хозяйственный строй и высокое развитие капитализма. Но большинство из них являются переходными ступенями между ними. Без их учета невозможно уяснить процесс развития капитализма [11, с.380].

Без всякого сомнения, предложенная Лениным классификация представляла собой не только более подробную, но и точную характеристику капиталистических стадий. И вместе с тем говорить о принципиальном различии в оценках эволюции производственных структур и рыночных отношений было бы неверно. На наш взгляд, Воронцов, пусть и в более упрощенном виде, представил общий вектор проникновения капитализ-

ма в русскую деревню, его влияния на кустарную промышленность. Разница в оценках касалась только степени развития русского капитализма. Если Ленин был убежден в окончательной и бесповоротной его победе, то Воронцов рассчитывал на серьезную сопротивляемость кустарного уклада «трактирной цивилизации».

Сопротивляемость кустарного уклада «трактирной цивилизации»

В этом его убеждало и территориальное распространение кустарных промыслов. Для выделения разных районов их распространения Воронцов предлагал разделить территорию страны на две части – южную (черноземную) и северную (нечерноземную) [3, с. 49].

Южная часть России характеризовалась Воронцовым как находящаяся на низкой ступени работы на рынок по сравнению с нечерноземной. Разделение между земледелием и промыслом происходило только в том случае, когда такая возможность появлялась [3, с. 50, 51]. Но обычно промысел находился на ремесленной ступени. Домашнее производство и ремесло преимущественно обслуживали местное население. Такая ситуация существовала в Самарской, Херсонской, Ставропольской, Саратовской губерниях и в таких городах, как Ростов и Таганрог [3, с. 53, 54].

«Кустарная промышленность развилась преимущественно в центральных, густонаселенных губерниях; отхожие и лесные заработки – на окраине нечерноземной полосы» [3, с. 70].

Воронцов отмечает сходство кустарной промышленности в Черноземном регионе и возле Вятки: она «поднялась ступенью выше и занимает границу между работой на местного отдельного потребителя». Схожа с Вяткой и Костромская губ., где «кустари занимались промышленностью небольшую часть года, получали низкие доходы и едва удовлетворяли потребности местных жителей» [3, с. 74].

Наивысшей степени товарного развития кустарное производство достигло в Московской, Владимирской губ. и в прилегающих к ним частях Нижегородской, Костромской, Тверской, Тульской губ. Здесь развились «всевозможные отрасли крупного и мелкого производства, продукты которых распространяются по всей европейской и азиатской России» [3, с. 75].

Например, в Московской губ. 97% кустарей «имеют дело со скупщиками, работают на отдельного потребителя, на всероссийский рынок». Это сказалося на территориально-географическом распределении (распространении) промыслов. «Кустари сосредоточены в известных местах, населяют более или менее обширные пространства, образуют кустарные районы

с несколькими тысячами работающих». Так, ткацкий промысел в Московской губ. занимал до 50 тыс. человек. Трудящиеся образовали сплошной район, в который входило более половины Московской губ. [3, с. 76, 77].

Высшим выражением товарного производства, по словам Воронцова, являлся заграничный сбыт кустарных изделий. Среди товаров, шедших на экспорт, он называл: продажу мехов арзамасского скорняжного района в Грецию и Турцию, продажу сапог кимрского округа, кожи Богородского района (Нижегородской губ.) в Германию, нижегородской деревянной посуды в Англию, Францию, Индию, ювелирных изделий Костромской губ. в Среднюю Азию и Индию, тульских самоваров в Персию. Кроме того, в Среднюю Азию сбывались мелкие изделия из стекла московских камушников, гончарные гжельские изделия, ножи и замки павловского слесарного округа, льняные и бумажные ткани владимирских кустарей, московские кружева [3, с. 78].

Выявленную Воронцовым картину территориальной расположенности кустарных промыслов целесообразно, на наш взгляд, в очередной раз сопоставить с выводами, сделанными Рындзюнским. По его наблюдениям, восточные районы (Заволжье и Приуралье) на длительное время в некоторой мере стали «внутренними колониями центральных областей России». Эти области с засильем торгового капитала не поспевали за районами, насыщенными капиталистически развивающимися промышленными предприятиями. В «торговых областях» капиталистическая эксплуатация проводилась в наиболее тяжелых для производителей формах, сочетаясь с элементами первоначального накопления. Там на длительный срок сохранялись отсталые формы «средневекового» капитализма [17, с. 111].

В этих областях наблюдался «самый малый прогресс мелкого производства», что, по мнению Рындзюнского, объяснялось «сильным развитием отходничества за счет распада местных промыслов и вообще крестьянских хозяйств, бывшего следствием экономических бедствий крестьян».

«Наоборот, в Пермской губернии число мелкопромысловых свидетельств последовательно увеличивалось». Это было вызвано разложением старой мануфактуры после отмены крепостного права, что уменьшало число рабочих и стимулировало рост мелких промыслов [17, с. 124].

К концу 1870-х гг. в центрально-земледельческом районе из-за феодальных пережитков, малоземелья, плохой развитости транспортной сети наблюдался слабый подъем мелкого производства «с последующим его довольно сильным сокращением» [17, с. 123]. К этому же времени в центрально-промышленных губерниях в связи с развитием крупного производства, обновлением кадров мелких предпринимателей, переходом хозяйств от патриархально-натурального к товарно-промысловому

хозяйству подъем был значительно большим. Однако изживание мелкого производства к началу 1880-х гг. было не столь ощутимым [17, с. 122–123].

Промежуточное положение между центрально-земледельческими и западными губерниями занимали губернии Левобережной Украины. «Слабо развивалось мелкое производство в прибалтийских губерниях» [17, с. 124, 125].

Следует признать, что выводы Рындзюнского как по охвату статистического материала, так и по детализации, выверенности выводов, более содержательны и информационно насыщены. Но по-другому и не могло быть: работа Воронцова была написана в другую эпоху и не была обеспечена, как он и отмечал, всем комплексом необходимых фактов. Изменилась и методология исследования. Однако, на наш взгляд, главную тенденцию в региональном расположении кустарных промыслов Воронцов определил верно. Принципиальные отличия относятся к степени развития капиталистических отношений. В этом вопросе Воронцов был убежденным и последовательным сторонником некапиталистического характера кустарного производства.

Преимущества «семейной ассоциации»

Еще одним аргументом в доказательстве этого мнения для него являлось участие женщин, детей и стариков в семейном производстве. Воронцов считал, что существуют разные переходные формы от чисто семейных мастерских к мастерским, построенным на использовании труда наемных рабочих. Типичной хозяйственной единицей в 1880-е гг. народнический экономист называл семейную мастерскую. Ее отличительной чертой являлось применение не только мужской силы, а соединение ее с взрослыми женщинами, подростками и малолетками обоюбого пола. В качестве классификации разных видов труда Воронцов выделял три варианта использования труда женщин: некоторые производства составляли «достояние женского пола», в других женщины и дети образовывали постоянную часть «рабочего контингента», в третьих – участие женщин допускалось, в других – нет. В последнем случае при допуске женщинам поручались более легкие операции, или, напротив, они могли исполнять тяжелые, чисто мужские задачи [3, с. 79].

Исключительно женским занятием было плетение кружев. В Московской губ. этим трудом было занято 60 тыс. рук.

В некоторых, на первый взгляд, чисто женских промыслах принимали участие и мужчины. Например, в вязании варежек, чулок, рукавиц и т. п.

В совместном производстве мужчин и женщин представительницам слабого пола принадлежала главная роль в операциях, связанных с шитьем. Так, из 1600 человек, занятых изготовлением рукавиц в Горбатовском уезде Нижегородской губ., 1150 (72%) составляли женщины-швеи. Мужчины только кроили и правили рукавицы. В той же губернии из 563 лиц, занимавшихся производством хомутов, 71% составляли женщины [3, с.80].

Постоянное участие принимали женщины и дети (обоего пола) в ткацком промысле, работающем на рынок [3, с.81]. Обучение детей ремеслу начиналось с 9–11-летнего возраста.

Аналогичная ситуация существовала и в прядении веревок. «Женщины исполняют ту же работу, что и мужчины, дети вертят колесо, а иногда выполняют все работы по прядению тонких веревок».

Наряду с мужчинами дети принимали активное участие в стекольном (отхожем) промысле (45% работников), в булавочном (полуфабричном) – 50% [3, с.98].

Вместе с женщинами дети составляли значительное число среди работников в промыслах Московской губ. В игрушечном производстве женщин было 28%. В зеркальном промысле женщин – 4% кустарей, мальчиков – 16%. В плетении корзин из прутьев женщины и дети приближались к 50% (35% и 8%).

Основываясь на этих данных, Воронцов делал вывод о том, что «женщины вмешиваются в занятия, считающиеся исключительно мужскими, главным образом в местностях, не отличающихся особенным разнообразием промыслов и развитием в кустарно-промышленном отношении» [3, с.99].

Конечно, для участия женщин, детей в кустарном производстве, а также в некоторых случаях и стариков требовался определенный уровень квалификации, разделение труда. А по этим параметрам кустари явно уступали фабрике. Но важным в такой организации труда для Воронцова был сам факт участия всей семьи в процессе изготовления продуктов. По его словам, таким образом образовывалась семейная ассоциация, которая использовала простую и сложную кооперацию, и имела «много преимуществ сравнительно с мастерской, образованной наемными рабочими» [3, с.102]. Так, «новая сила, возникающая из соединения всех членов семьи, получается даром..., между тем как в капиталистическом предприятии каждый шаг в деле развития производительности труда требует соответствующей оплаты» [3, с.102–103].

Да и в целом использование труда малолетних и стариков на капиталистической фабрике было бы физически невозможно. «В семье же те и другие могут принимать участие в общем труде по мере своих

сил, работая и отдыхая, сообразуясь с требованиями развивающегося или отживающего организма». Участие ребенка в процессе труда имеет и большое воспитательное значение: «ребенок с самых малых лет незаметно приобретает техническую ловкость». Работая под руководством мастера, он незаметно и сам делается искусным рабочим [3, с. 103].

Дети проникались духом труда, что было возможно только «при семейной организации промысла». Впечатлительность и восприимчивость детей заставляли их «рано браться за инструмент и служат причиной того явления, что в семейной ассоциации начинают работать раньше, чем в крупной мастерской» [3, с. 104]. Немаловажным, по мнению Воронцова, был и тот факт, что детей никто не принуждал к работе, которая для них была наполовину забавой [3, с. 106].

Наряду с перечисленными преимуществами «семейной ассоциации» в кустарном производстве Воронцов указывал, что разделение труда позволяло главе семейства наиболее легкие операции поручить жене и детям, а за собой оставить наиболее сложные работы и тем самым интенсифицировать производство, повысить качество продукции [3, с. 107, 108].

По нашему мнению, нет особой необходимости доказывать, что в вопросе об использовании труда женщин, детей и стариков в кустарном производстве Воронцов не просто идеализировал существовавшие порядки. Он стремился доказать преимущества хозяйственной деятельности кустарей по сравнению с условиями жизни и быта промышленных рабочих. Эти положения выступали аргументами в доказательстве жизнеспособности «народного способа производства» и его дальнейшего развития в кооперативную форму.

(Окончание следует)

Библиографический список

1. Андреев Е.Н. Кустарная промышленность в России. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1882. 31 с.
2. Балувев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 265 с.
3. В.В. [Воронцов В.П.] Очерки кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1886. 233 с.
4. В.В. [Воронцов В.П.] Судьбы капитализма в России. СПб: тип. М.М.Стасюлевича, 1882. 312 с.
5. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алтейя, 2008. 202 с.

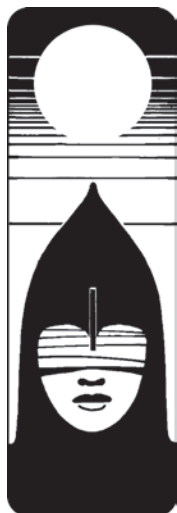
6. Данилов В.П., Тарновский К.Н. Судьба мелкой промышленности России до и после победы революции // Не отступая, быть самим собой. К столетию со дня рождения К.Н.Тарновского. М.: ИРИ РАН, 2021. С.339–384.
7. Жвания Д.Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П.Воронцов, И.И.Каблиц, П.А.Соколовский). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. 313 с.
8. Зверев В.В. Н.Ф.Даниельсон, В.П.Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М.: РКТИ, 1997. 224 с.
9. Зверев В.В. Экономист Василий Павлович Воронцов (1847–1918): новые факты к биографии ученого // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени: сборник научных статей в честь профессора Валерия Васильевича Журавлева. М.: Изд-во ВВЕ МГОУ, 2018. С.57–89.
10. Каблуков Н.А. О значении профессионального образования при экономических условиях России // Русская мысль. 1888. №12. С.50–79.
11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т.3. М.: Изд-во политической литературы, 1971. С.1–609.
12. Мокшин Г.Н. Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. №9. С.57–73.
13. Наумова Г.Р. Кустарная промышленность // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. В 2 т. Т.1 / отв. ред. Петров Ю.А. М.: РОССПЭН, 2008. С.1188–1190.
14. Новые книги: В.В. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886 // Северный вестник. 1886. №3. С.184–187.
15. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 1–5. М.: А.Баранов, 1882–1884.
16. Рачков М.П. Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1993. 188 с.
17. Рындрзонский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М.: Наука, 1966. 261 с.
18. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб: Наука, 1998. 796 с.
19. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем // Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М.: Наука, 1997. С.67–521.
20. Харизоменов С.А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. №11. С.414–441; №12. С.544–597.

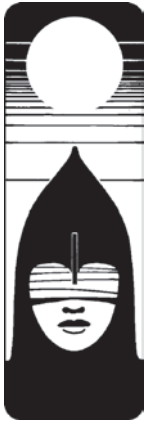
Можно убежать из отечества,
но нельзя убежать
от самого себя.

Гораций

Борьба – вот радость жизни.

Леонид Андреев

Салават Исаков

**АХМЕД ЦАЛИКОВ
В ЭМИГРАЦИИ:
ПАРТИЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ,
ПОЛИТОЛОГ, КАВКАЗОВЕД**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

329.3:297

Статья посвящена взглядам и эмигрантской деятельности одного из северокавказских лидеров первой трети XX века А.Цаликова, социалиста, теоретика и лидера Всероссийского мусульманского совета (1917–1918 гг.), Мусульманской социалистической партии, его эмигрантской деятельности.

The article is devoted to the views and emigrant activities of one of the North Caucasian leaders of the first third of the 20th century A. Tsalikov, a socialist, theorist and leader of the All-Russian Muslim Council (1917–1918), the Muslim Socialist Party, and his emigrant activities.

Ключевые слова: Северный Кавказ; А.Цаликов; национальная политика; Горская республика; эмиграция.

Key words: North Caucasus; A.Tsalikov; national policy; Mountain republic; emigration.

E-mail: rusvref@mail.ru

Одним из ключевых участников борьбы за самоопределение горцев Северного Кавказа был осетин-мусульманин Ахмед Цаликов, уроженец Терской области. Он стал революционером в самом начале XX в., в 1917–1920 гг., как один из лидеров мусульманского движения, охватившего территорию всей бывшей Российской империи, сыграл большую роль в жизни горцев Кавказа, а затем стал политэмигрантом. Хотя он довольно популярная личность в историографии, но в его политической биографии остаются большие пробелы, особенно мало известно о его эмигрантской деятельности.

В 1917 г. в Петрограде Цаликов создал и возглавил собственную Мусульманскую социалистическую партию. Ее делегат присутствовал на совещании представителей социалистических фракций распущенного большевиками Всероссийского Учредительного собрания, которое состоялось 23 января 1918 г. в Петрограде [10, с. 194].

Депутат Всероссийского Учредительного собрания, председатель Всероссийского мусульманского совета А.Цаликов. Помещение Всероссийского мусульманского совета. Петроград, Конногвардейский пер., д.6, кв.4. 12 января 1918 г.

Дальнейшая политическая судьба Цаликова была связана с Кавказом, куда он отправился из Петрограда в начале 1918 г. В 1919 г. он оказался в Тифлисе, столице Грузинской Демократической Республики. Здесь он издавал газету «Вольный горец», в которой 15 ноября 1920 г. был опубликован проект Программы Социал-демократической партии Республики Союза горских народов Северного Кавказа. Но после разгрома большевиками Грузинской Демократической Республики и установления здесь в начале 1921 г. советской власти он покинул Тифлис.

Сначала он приехал в Батум, оттуда перебрался в Турцию, где у него были родственники, которые после завоевания Кавказа в XIX в. не стали подчиняться русскому владычеству и предпочли удалиться в добровольное изгнание. Здесь он стал играть важную роль в делах общекавказской политэмиграции. На совещании политэмигрантов Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа 4 сентября 1921 г. в Стамбуле было решено создать постоянный орган этих стран для взаимного информирования о положении на Кавказе и настроении местного населения. Членом и секретарем этого информационного бюро стал Цаликов. 1 декабря 1922 г. в Стамбуле было создано Информационное бюро Союза четырех республик Кавказа (Азербайджанской, Армянской, Грузинской и Горской). Секретарем этого бюро стал Цаликов [13, с.220, 331]. Так его большой опыт партийного организатора, глубокие знания и обширные связи были востребованы в политической жизни кавказской эмиграции.

В начале 1924 г. Цаликов перебрался в Чехословацкую республику. В апреле 1924 г. в Праге появилась первая политическая организация кавказцев-эмигрантов под названием «Союз горцев Кавказа», который он возглавил. Он также стал первым редактором литературного и научного журнала «Кавказский горец», который издавался этим союзом в Праге в 1924–1925 гг.

Цаликов представлял горцев на различных мероприятиях эмигрантов, которые касались проблем Кавказа и его населения. Так, 14–16 апреля 1924 г. в Праге состоялись лекции русского либерала П.Н.Милокова по национальному вопросу в России, после которых 17 апреля была дискуссия, в которой приняли участие представители ряда народов, в том числе Цаликов. Он раскрытиковал взгляды Милокова [11; 14, 28 апр.]. 6 июня 1924 г. в Русском Доме в Праге Цаликов сделал доклад «Борьба общественных сил на Северном Кавказе». В докладе рассматривался вопрос о горско-казачьих отношениях в 1917–1919 гг. в Терском крае, причинах их столкновений. С точки зрения Цаликова, для нормализации отношений следовало признать право горских народов на самоопреде-

ление, а казакам Кубани и Терека – уступить часть своих чересполосных земель горцам, прекратить господствовать над ними, войти в состав Горской республики в качестве кантона и признать создание Кавказской федеративной республики (Соединенных штатов Кавказа, которые могли бы войти в Федерацию штатов востока Европы) [7, № 1, с. 71; 8, № 19, с. 11–12; № 20, с. 1–2]. Это значит, что он публично озвучил идею такого кавказского государства за несколько месяцев до подписания в октябре 1924 г. в Стамбуле акта об учреждении Кавказской конфедерации, состоящей из Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа.

Активность Цаликова в Праге вызвала недовольство среди части горских эмигрантов. В результате 22 августа 1924 г. в русской эмигрантской газете «Дни» (издавалась тогда в Берлине) была опубликована статья Цаликова, в которой сообщалось, что вследствие возникших среди горских политиков разногласий ему пришлось выйти из правления Союза горцев Кавказа. Для этой газеты он писал на различные темы. В газете (которая с сентября 1924 г. стала издаваться в Париже) печатались его материалы, как правило, под псевдонимом «Джин». Многие другие его публикации означали, что он являлся пражским корреспондентом этой газеты. Важной стороной его жизни в Праге была не только журналистика.

Он продолжал писать различные произведения о Кавказе: в 1924 г. закончил 1-й том записок «Кавказ в огне революции», готовил к печати роман из революционной жизни Кавказа – «Записки кавказца», а также закончил первую часть труда «Горская республика» [7, № 1, с. 71], который являлся физико-географическим, статистическим, этнографическим, лингвистическим, экономическим и политическим очерком.

Время от времени он приезжал в Париж, где встречался с разными кавказскими политэмигрантами. Так, осенью 1924 г. он находился в Париже [12, с. 476]. Здесь в ноябре 1924 г. был создан Кавказский комитет (Комитет освобождения Кавказа), в котором одним из представителей Северного Кавказа стал не Цаликов, а Г. Бамматов, бывший министр иностранных дел горского правительства.

Цаликов, находясь в Европе, внес свой вклад в изучение Кавказа. Важным событием в жизни кавказской эмиграции стало открытие в октябре 1925 г. в Праге Общества кавказоведения, одним из учредителей которого стал Цаликов. Общество, как он объяснял, является строго научным учреждением, не преследующим никаких политических и партийных целей, и ставит своей задачей изучение природы, населения, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа в прошлом и настоящем, а также ознакомление с этими данными общественности европей-

ских и других стран. Цаликов стал членом временного бюро общества и готовился выступить с докладом «Физико-географическое описание территории горских народов Кавказа и этнографические, лингвистические и статистические данные об этих народах» [5, 22 окт.]. Будучи председателем бюро этого общества, он выступил на одном из его заседаний с речью, в которой были указаны цели и задачи общества, а затем сделал доклад, где приводились физико-географические, этнографические, лингвистические, исторические, экономические и другие сведения о Кавказе [5, 11 дек.]. К январю 1926 г. Цаликов завершил работу над физико-географическим, статистическим, этнографическим, лингвистическим, экономическим и политическим очерком «Горская республика».

Помимо этого, он работал над, по его собственному определению, эпопеей из пяти романов: «Брат на брата», «Окровавленные горы», «Семь звезд», посвященных событиям гражданской войны на Северном Кавказе и в Грузии, «Вилла Саид-паши» (о событиях в Турции) и «Правда жизни» (об эмигрантской жизни в Чехословакии) [2, д. 38, л. 9]. Только роман «Брат на брата» был опубликован в Праге в 1926 г., рукописи других романов до сих пор не обнаружены.

Проблемы современного Кавказа были в центре его размышлений как политолога. Он изучал политику советской власти на Кавказе, используя при этом советские источники. Так, в заметке «Казачи, иногородние и горцы» он писал: «Прошло уже шесть лет, как в результате кровопролитной гражданской войны Северный Кавказ был очищен от добровольческой армии и занят большевиками. Пришла новая власть. Сумела ли она изжить национальные и социальные противоречия края? В этом отношении яркие страницы можно найти в только что вышедшем из печати стенографическом отчете краевого совещания по работе среди казачества, происходившем при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б)» (22.VI – 26.VI 1925 г., Ростов-на-Дону). Далее им излагались фрагменты доклада секретаря этого крайкома Н. Ф. Гикало о ситуации на Северном Кавказе. В конце сообщения Цаликов сделал вывод: «Уродливые проявления социальной и национальной вражды могут быть изжиты только в условиях правового демократического строя с его уважением к правам личности, с его свободным простором для общественной самодетельности и борьбы общественных сил, с его широкой возможностью культурного развития» [5, 11 дек.]. Таким он видел будущее жизни горцев Северного Кавказа.

Цаликов хорошо знал жизнь грузинской эмиграции и ее проблемы, о чем свидетельствует, в частности, его написанное в Праге письмо по-

литэмигрантке и публицисту Е. Д. Прокопович-Кусковой, где он отвечал на ее вопрос: «Сейчас под рукой у меня нет грузина, у которого я мог бы взять исчерпывающую для Вас справку, но лично я могу сообщить Вам следующее (думаю, что не ошибаюсь).

Левана Джапаридзе¹ знаю и он ничего общего с с.-д. Джапаридзе² не имеет. Фамилия Джапаридзе очень распространена в Грузии. В Париже бывший национал-демократ Вешапели³ (в Грузии его звали грузинским Пуришкевичем⁴) сменил вехи и стал издавать на грузинском языке орган «Новая Грузия», открывший яростную кампанию против гр[узинских] с.-д. и вообще против правительства Ноя Жордания⁵.

Жордания и К^о издают сейчас в Париже журнал «Брдзола» («Борьба») (на грузинском языке)⁶. Третьим органом грузинским в Париже является орган партии груз[инских] национал-демократов⁷, сохранивших старую политическую позицию. Этот орган также ведет бешеную кампанию против грузин[ских] с.-д., обвиняя их во всех семи смертных грехах.

Национал-демократы издавали в Грузии газету «Грузия» (на русском языке) и «Сакартвело» на грузинском. Это единственная буржуазная партия в Грузии, объединявшая грузинское купечество, промышленников и дворянство – вообще всех феодальных и буржуазных врагов с.-д., не приемлющих идеи социализма. Нужно иметь в виду, что разо-

¹ *Джапаридзе Леван (Лели) Семенович (1897–1934) – с октября 1914 г. учился на юридическом факультете Петроградского университета, летом 1916 г. мобилизован в армию, в 1918–1921 гг. редактор ежедневной политической и литературной газеты «Грузия» (Тифлис), затем член редакции еженедельной литературной газеты «Бахтриони», которая издавалась в 1922–1923 гг. в Тифлисе.*

² *Джапаридзе Сергей Давидович (1870–1937) – присяжный поверенный, меньшевик, депутат Государственной думы Российской империи, в 1918–1921 гг. член Учредительного собрания Грузии. Репрессирован; Джапаридзе Константин Ясонович (1884–1940) – присяжный поверенный, меньшевик, в 1918–1921 гг. член Учредительного собрания Грузии. Репрессирован.*

³ *Вешапели Григорий Георгиевич (1892–1926) – в 1918–1921 гг. член Учредительного собрания Грузии, затем эмигрант. В 1924 г. основал газету «Ахали Сакартвело» («Новая Грузия»), издававшуюся в Берлине и Париже, в которой призывал эмигрантов вернуться в советскую Грузию. 10 июня 1926 г. убит грузинским меньшевиком.*

⁴ *Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – русский политический деятель правых консервативных взглядов, монархист, черносотенец.*

⁵ *Жордания Ной (1868–1953) – в июне 1918–1921 г. председатель правительства Грузинской Демократической Республики, затем в эмиграции во Франции, до 1938 г. председатель Загранбюро Социал-демократической рабочей партии Грузии.*

⁶ *«Брдзола (Борьба) – ежемесячный журнал Заграничного бюро Социал-демократической рабочей партии Грузии. Издавался в Париже в 1925–1928 гг.*

⁷ *Имеется в виду газета «Дамоукидебели Сакартвело» («Независимая Грузия»), издавалась на грузинском языке в Париже в 1926–1939 гг.*

рившаяся часть грузинского дворянства пополняет партию т.н. социалистов-федералистов.

Грузинские национал-демократы – наиболее ярые враги России и русской ориентации. Кто угодно, только не Россия – вот их политический лозунг. Сейчас они видят спасение в английском протекторате.

Выступление Левана Джапаридзе – это махинация большевиков. Это стремление скомпрометировать правительство Ноя Жордания и вообще груз[инских] с.-д., недаром в парижском больш[евистском] представительстве играет такую большую роль Буду Мдивани⁸.

Если у грузин узнаю какие-либо интересные подробности выступления Джапаридзе, то буду рад сообщить Вам» [1, д. 542, л. 1–2 об.].

Как в грузинской политэмиграции, так и в горской политэмиграции был раскол, возникли заметные противоречия между разными ее участниками. Одним из тех, кто претендовал на лидерство среди горских политэмигрантов, являлся внук имама Шамиля Саид Шамиль. У него имелись тесные контакты с польским полковником Т. Шетцелем, военным аташе в Стамбуле. Так, в письме от 4 ноября 1926 г. Шамиль писал ему из Праги, что там состоялся горский съезд, где было решено изменить программу и устав Революционно-демократической партии горцев, созданной недавно в Праге, назвать ее «Народная партия вольных горцев», сформировать комиссию для подготовки новой программы, основать в Стамбуле, Париже и Варшаве ее центры. В письме Шетцелю от 6 ноября 1926 г. Шамиль, которому было тогда 25 лет, писал в отношении Цаликова, который был его старше почти на 20 лет, что тот и ныне является верным членом русской социалистической партии [6, с.121, 127], намекая на то, что тот все еще оставался меньшевиком.

Шамиль, всячески дискредитируя, по существу, Цаликова, пытался создать впечатление у Шетцеля, что именно он и его сторонники являются теми представителями горцев, которые для Варшавы наиболее перспективны для сотрудничества. Однако в Варшаве знали, что Народную партию вольных горцев Кавказа (позднее кратко – Народная партия горцев Кавказа) создавал и возглавлял тогда Цаликов [17, с.256], о чем сообщили в Варшаву известные горские политэмигранты Магомед Абуков, Айтек Намитоков, Таусултан Шакманов, Измаил Шаков [3, д. 233, л. 53].

В 1927 г. в Праге стал выходить новый журнал «Вольные горцы», который являлся печатным органом Народной партии вольных горцев

⁸ Мдивани Буду (Поликарп) Гургенович (1877–1937) – большевик, в 1920–1921 гг. председатель КП(б) Грузии, член Кавказского бюро ЦК РКП(б). В 1924–1928 гг. торговый представитель СССР во Франции. Арестован в 1928 г. за принадлежность к оппозиции.

Кавказа. Никакого отношения к этому журналу Шамиль не имел. В передовице первого номера дословно повторен текст (см. колонку 2), который был принят на упомянутом съезде горцев в начале ноября 1926 г. (см. колонку 1).

1	2
«Народная партия вольных горцев... будет добиваться:	«...Партия вольных горцев добивается
Установления Независимой Федеративной Республики Горцев Кавказа...	организации народа на основе Независимой Федеративной Республики Горцев Северного Кавказа,
Утверждения всех видов свобод...	утверждения всех видов свобод,
Введения всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного... права, без различия пола для всех лиц...	введения всеобщего избирательного права для всех граждан, без различия пола и веры,
Законодательного регулирования всех вопросов труда...	законодательного регулирования всех видов труда,
Национализации недр земли.	национализации недр земли,
Земля трудящимся» [6, с.125–126].	передачи всей земли... народу...» [4, № 1, с. 24]

В каждом номере этого журнала есть цаликовские тексты, в которых он излагал свои взгляды. Так, он писал, что «нынешний коммунизм – это та же старая российская деспотия, перекрашенная в красный цвет, придавившая наш народ, не дающая ему возможности дышать вольной грудью. Демократические свободы – вот единственное завоевание культурного человека и этап, неизбежный на пути в царство социальной свободы и гармонии» [4, № 1, с.14]. В этом же номере сообщалось, что готовится к изданию его роман из революционной жизни Кавказа (продолжение романа «Брат на брата») – «Окровавленные горы».

В мае 1927 г. он в этом журнале призвал осудить парижский горский центр, «претендующий на политическое представительство» [15, с.9].

Здесь речь идет об организации, к которой был причастен его давний соперник Г.Бамматов.

Летом 1927 г. в Праге состоялось собрание, организованное этой партией, на котором с докладом выступил именно Цаликов, который подчеркивал важность пропаганды среди горских народных масс идеи создания общей горской федерации [16, р.27–28].

Из Праги ему, однако, пришлось вскоре уехать в Варшаву. В письме, датированном 7 апреля 1928 г., он писал из Варшавы своему соратнику в Берлин: «Я... почти умирающий человек – тяжело больной, еле дышу, материально необеспеченный... Перебрался из Праги в Варшаву в Восточный институт, где организуется горская секция... Секцию еще нужно организовывать... Тут горская колония более интересная, чем в Праге, где кроме кляуз и ссор в конце концов ничего не получилось. В развале пражской колонии горцев немалую роль сыграл... Кази-хан Бешолты⁹. Ну, Аллах ему судья! Лично я доволен, что покинул Чехословакию, а то в этом болоте можно было кончить жизнь самоубийством. Посмотрим, что даст Варшава и Восточный институт...» [14, с.499–500]. Это был конфликт представителей двух эмигрантских групп горской элиты: демократов-республиканцев с монархистами-консерваторами.

Переезд Цаликова в Варшаву был связан также с тем, что там в 1928 г. была создана «Лига угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»). Показательно, что последняя его публицистическая статья, посвященная общественной жизни горцев Кавказа, была опубликована в августе 1928 г. в парижском журнале «Прометей». В ней он предсказывал, что не за горами время, когда ярмо красного деспотизма рухнет с тем же треском, как и царское, и горцы станут свободными гражданами своих государств [См.: 18, р.14–19]. 2 сентября 1928 г. он умер. Его вклад в создание Народной партии горцев Кавказа был быстро забыт группой горцев, сосредоточенной вокруг Саида Шамиля.

В 1932 г. секретарь Бюро ЦК Народной партии горцев Кавказа Б. Байтуган направил в Варшаву записку «История возникновения и развития Народной партии горцев Кавказа», где было сказано следующее: в Праге в ноябре 1926 г. зародилась Народная партия горцев Кавказа, поручив-

⁹Бесолов (по-осетински Бешолты, Бесолты) Казихан – в 1919 г. адъютант во 2-м Осетинском полку Добровольческой армии, в 1920 г. в Турции, затем активно участвовал в деятельности Союза горцев Кавказа и Народной партии горцев Кавказа, в которой являлся секретарем дипломатического представительства. После Второй мировой войны жил в Стамбуле, где стал одним из учредителей созданного в 1953 г. первого объединения северокавказской диаспоры в Турции – Кавказско-турецкого общества культуры и взаимопомощи. Умер в Мюнхене.

шая Саиду Шамилю образование ее ЦК с одновременным избранием его генеральным секретарем [9, с.20]. Эта распространенная сначала в политэмиграции, а затем в историографии точка зрения не соответствует историческим фактам. Эту партию создал и возглавлял до своего отъезда из Праги в Варшаву профессиональный политик, многоопытный в партийном строительстве социалист-мусульманин Ахмед Цаликов.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5865. Оп. 1.
2. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.2295. Оп. 1.
3. Российской государственный военный архив. Ф.461-к. Оп. 1.
4. Вольные горцы (Прага). 1927.
5. Дни (Париж). 1925.
6. За свободу и независимость Кавказа. Прометеевское движение в секретных документах и материалах участников, наблюдателей и противников. Париж – Баку: Jeko-Print, 2020, 452 с.
7. Кавказский горец (Прага). 1924.
8. Казачий путь (Прага). 1924.
9. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б.Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. №5. С.3–31.
10. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 799 с.
11. Огни (Прага). 1924.
12. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т.5. М.: РГГУ, 2010. 753 с.
13. Топчибаши А.М. Парижский архив 1919–1940. В четырех книгах. Кн. 2. М.: Художественная литература, 2016. 576 с.
14. Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 544 с.
15. Цалыккаты А. Разъединение и объединение // Вольные горцы (Прага). 1927. №2. С.9–10.
16. Prométhée. 1927.
17. Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012. 356 s.
18. Tsalkkatı A. La vie sociale des montagnards du Caucase // Prométhée. 1928. №21. P.14–19.

Наличие идеологии так же
плохо, как и ее отсутствие.

Анхель де Куатьэ

Без критики нет взаимного
понимания, а следовательно,
и нет объединения.

Фридрих Энгельс

Андрей Юрганов

О ВОСПРИЯТИИ И ТРАНСЛЯЦИИ ПЕРВОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ СТАЛИНА

В САТИРИЧЕСКОМ
ЖУРНАЛЕ
«КРОКОДИЛ» (1928)**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

930.02

В статье рассматривается идеологическая кампания Сталина, направленная на то, чтобы утвердить «критику и самокритику» как основу существования диктатуры пролетариата в советском обществе. На практике она становилась кампанией по ужесточению дисциплинарного режима складывающейся тоталитарной системы с однопартийной властью. Сталин впервые в широком масштабе использовал при проведении этой кампании особые методы устрашения при помощи идеологических манипуляций, доводя общественное сознание до погружения в иррациональный страх перед всякой критикой власти. Официальной сатире требовалось (с опаской и страхом перед возможной ошибкой) выразить то, что было сказано вождем партии как бы «между строк». Журнал «Крокодил» не только иллюстрировал кампанию по «самокритике», но и пытался на свой лад адаптировать ее под восприятие массовой аудитории.

This article examines Stalin's ideological campaign to establish "criticism and self-criticism" as the basis for the existence of the dictatorship of the proletariat in Soviet society. In practice, it became a campaign to tighten the disciplinary regime of the emerging totalitarian system with one-party rule. For the first time, Stalin used special methods of intimidation on a large scale in this campaign through ideological manipulation, driving the public consciousness into an irrational fear of any criticism of authority. Official satire was required (with caution and fear of a possible mistake) to express what was said by the leader of the party as if "between the lines". The Crocodile magazine not only illustrated the "self-criticism" campaign, but also tried to adapt it in its own way to the perception of the mass audience.

Ключевые слова: сталинизм; журнал «Крокодил»; кампания критики и самокритики; И.В.Сталин; объединенная оппозиция; М.Н.Рютин; Н.И.Бухарин; А.И.Рыков; «правая оппозиция».

Key words: Stalinism; "Krokodil" magazine; campaign of criticism and self-criticism; Stalin; united opposition; M.N.Ryutin; N.I.Bukharin; A.I.Rykov, "right-wing opposition".

E-mail: iurganov@ya.ru

**Стилизация документов сохранена, пунктуация и орфография приведены к нормам современного русского языка.*

***Окончание. Начало см. №1–2022. С.136.*

**«Критикуемый»
и «критикующий»**

В майском номере «Крокодила» был опубликован очерк Савелия Октябрева «Гигиена партактива» [10, с.2], в котором были специально разведены два понятия: критикующий и критикуемый. Поскольку самокритика – это зачастую критика не себя, а другого, то следует обратить внимание на то, как взаимодействуют между собой две стороны, – сторона критикующая и сторона критикуемая.

– Что это у вас за сокращение?.. В порядке рационализации?..

– Нет, в новом: в порядке самокритики.

«Крокодил». №20. С.2

В очерке рассказывается о партактивисте, который подвергается «партперегрузке». Ему наносит ущерб «так называемая самокритика». Значит, активиста критикуют со стороны! Так и сказано в очерке: «В большинстве случаев его (партактивиста. – А.Ю.) критикуют другие, а это расстраивает нервную систему *критикуемого* (курсив мой. – А.Ю.), портит ему аппетит, самочувствие, а иногда карьеру. Профилактические (предупредительные) меры против этого зла состоят в том, чтобы не давать повода к неприятной критике, но они далеко не всегда выполнимы. Но если нельзя предотвратить болезнь, то нужно захватывать ее в самом начале и лечить симптоматическими средствами».

«Критикуемый» – это партактивист! Так сказано в очерке. Дальше смысл текста искажается то ли сознательной ошибкой, то ли бессозна-

тельной – мы не знаем: автор очевидно сам запутался в словах. Он написал: «Но если нельзя предотвратить болезнь, то нужно захватывать ее в самом начале и лечить симптоматическими средствами. Лучшее из них сводится к тому, чтобы отозвать критикуемого (? – А.Ю.) в стонку и негромко, но внушительно сказать ему:

– Ты что же это?.. *Уж от кого-кого, а от тебя-то не ожидал такой солидарности с партоппозицией. Лично я, конечно, не обижаюсь ни за какую критику, но уклончик-то твой* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.) – вот что, товарищ дорогой, мне не нравится!.. После этого аппетит и самочувствие начинают портиться у *критикующего, а к критическому партактивисту* возвращается здоровье и благополучие» [10, с.2].

Очевидно, что партактивист не может быть в роли критикующего! Поэтому он подошел с угрозами не к критикуемому, а к критикующему! Ошибка симптоматична. Она показывает, что если «критика» означает (чаще всего) критику себя, а самокритика (чаще всего) критику другого, то взаимообмен «критикующего» и «критикуемого» не выглядит даже особой ошибкой. Язык деформируется в силу деформации смысла. Перемена значений критики и самокритики – пусть даже в простой ошибке – следствие нарастающего страха в сознании людей, не уверенных ни в чем.

«Уклончик» – словечко, нагруженное такой семантикой, что достаточно его предъявить как обвинение в солидарности с оппозицией, и говорящий (критикующий) приходит в чувство без всяких дальнейших объяснений.

Концовка очерка возвращает нас к правильному разделению функций: «Указанное средство является рациональным и сильнодействующим, если *критикуемый – секретарь ячейки, а критикующий – рядовой товарищ* от станка или беспартийный. Из других средств от недомоганий, порождаемых так называемой самокритикой, назову: совет "не выносить сора из избы", замечание, что критикующий "двух слов связать не умеет, а туда же лезет" и т.п. Они тоже иногда помогают, и пренебрегать ими не следует» [10, с.2].

В уже упомянутом очерке Савелия Октябрева «О недочетах самокритики», опубликованном в июльском номере «Крокодила», персоны критикующего и критикуемого обретают реальность диалога в условиях самокритики: связь между ними та же, что и раньше – *взаимный страх*. Если до июньской статьи Сталина упоминался лишь «уклончик», то теперь он подрос до состояния «вредного уклона»: «...критикуемый связан директивами, как бы веревками; он лишен права преследовать, понижать в разряде или увольнять рабочих и служащих за критику. На это

ответу вопросом: зачем же за критику?.. Критикующий может быть обезврежен и ввергнут в состояние беспомощного ничтожества за:

- а) нарушение правил внутреннего распорядка;
- б) проявленный в выступлениях и разговорах ВРЕДНЫЙ УКЛОН;
- в) подрыв труддисциплины;
- г) несоответствие должности, требующей особого доверия;
- д) небрежное и недобросовестное отношение к обязанностям и так далее, вплоть до исчерпания всех букв русской азбуки» [12, с.3].

УГОЛОК САМОКРИТИКА

Самокритика тем больше приближается к демагогии, чем ближе к 17-му разряду личность критикуемого.

★

Опытный бузотер всегда сведет бузу на самокритику, точно так же как неопытный самокритик легко сводится на бузотера.

★

Увольнять за самокритику—прием устарелый и чреватый. Гораздо рациональнее пригласить на службу родственника критикующего.
Ипа.

«Самокритика, невзирающая на лица» (Виды самокритики)

с точки зрения критика, а не самокритика.

Само это высказывание в заголовке – верный признак умственной аберрации. Ведь «не взирая на лица» в критике можно только

ЗА ДИРЕКТИВОЙ

Рис. И. Мочалова

– Как прикажете сегодня критиковать-с:
благожелательно или невзирая-с?

«Крокодил». №29. С.7

В очерке Савелия Октябрева «Образцы самокритики» [13, с.8], опубликованном в майском номере, разбирались разные виды критики. Именно жанр басни позволял передать народными образами неуловимую сущность высказываний товарища Сталина. Задача журнала «Крокодил» состояла в том, чтобы развить мысль о различиях в позициях критикующих – это то, на чем настаивал Сталин.

ГОРОДНИЧИЙ: – Подумаешь, – самокритика, самокритика! Это и у нас бывало, – вот вам: унтер-офицерская вдова Пошлепкина сама себя высекла. Вот это – самокритика!

«Крокодил». №18. С.4

«Самокритика, невзирающая на лица» была передана басней «Слон и моська».

«Увидевшая слона собачка упомянутой породы

"ну на него метаться и лаять, и визжать, и рваться.

"Соседка, перестань срамиться, –

Ей Шавка говорит: – "Тебе ль с Слоном возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет вперед

И лаю твоего совсем не примечает!"

"Эх, эх! – ей Моська отвечает: –

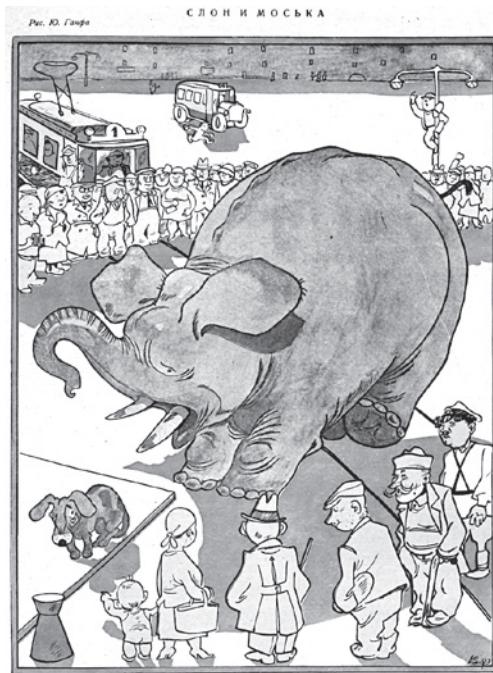
Вот то-то мне и духу придают!"

Дальнейшие слова Моськи не имеют прямого отношения к самокритике, и басню смело можно закончить вышеприведенным ответом» [13, с.8].

Дальнейшие слова, исключенные из басни о самокритике, показывают, что у Моськи нет прав на драку:

*«Эх, эх! – ей Моська отвечает, –
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забяки»* [13, с.8].

Другие виды «самокритики» также позволяют раскрыть силлогизмы Сталина – хотя бы в шуточной манере. Это «критика благожелательная», «критика по существу», «деловая самокритика», «критика бестактная».

– Батюшки, за что же слон
моську-то обляял?!

– А так, здорово живешь:
в порядке самокритики!

«Крокодил». №30. С.5

«Критика благожелательная» рассмотрена через призму басни «Ворона и лисица». Тут важно, что автор очерка не только уловил веселую

тональность, но и, как полагается в басне, пришел к нравоучительному итогу.

«Образец таковой самокритики находим мы в басне "Ворона и лисица". Лисица, усмотрев в вороньем клюве сыр, "с вороны глаз не сводит и говорит так сладко, чуть дыша:

*"Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!"*

В наших условиях под критикуемой вороной надлежит подразумевать ответственных хозяйственников (курсив мой. – А.Ю.). Критикующую лисицей может быть кто угодно: благожелательная критика не возбраняется никому» [13, с.8].

«Критика по существу» – басня «Зеркало и обезьяна»:

«Самокритика по существу.

Пример ее видим в басне "Зеркало и Обезьяна":

*"Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
Тихонько Медведя толк ногой:
Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой,
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа!"* [13, с.8].

«Деловая самокритика» – басня «Кот и повар»:

«В популярной басне "Кот и Повар" мы встречаемся с образцом и этой, столь необходимой самокритики. Содержание басни общеизвестно. Некий повар (подразумевается, вероятно, видное должностное лицо) отлучился из поварни, а стеречь оставил Кота (подразумевается подчиненное, но облеченное доверием должностное лицо). Воспользовавшись отсутствием начальства, Кот начал поедать вверенное ему достояние (растрата, хищение, злоупотребление служебным положением), и Повар, вернувшись, подверг его резкой критике:

*...Ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
Кот-Васька плут, Кот-Васька вор!..
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест)...*»

Критика, приведенная в басне, является вполне деловой и обоснованной. Правда, результаты ее неудовлетворительны (А Васька слушает да ест), но это потому, что в лице Кота мы, по-видимому, имеем дело с явно-разложившимся элементом» [13, с.8].

«Критика бестактная» – басня «Кукушка и Орел».

«Этот род самокритики представлен в басне «Кукушка и Орел»:

Орел пожаловал Кукушку в соловьи.

Кукушка в новом чине.

Усевшись важно на осине,

Таланты в музыке свои

Высказывать пустилась!

Глядит – все прочь летят,

Одни смеются ей, а те ее бранят...

Такую самокритику нельзя приветствовать, ибо по существу она направлена не столь против Кукушки, сколь против действий Орла и подрывает идею назначенства» [13, с.8].

– Интересно, как звери к самокритике относятся?

– Так же, как люди: львы рычат, мелкота пищит...

«Крокодил». №33. С.5

В номере 22 журнала «Крокодил» был опубликован фельетон Вл.Павлова «Отчаянный»; в нем рассказывается, что некто Силин заявил, что выступит с критикой администрации. Реакция была такой, как будто Силин собрался совершить геройский поступок. Его выступление, в духе «деловой самокритики», вызвало замирание зала от удивления и страха, однако ответной реакции не последовало, и Силин продолжил свою работу. Из героя он превратился в изгоя, – люди были разочарованы прозаичностью исхода. Конечно, эта ситуация придумана. Но нельзя придумать страх ожидания расправы за критическое выступление, нельзя придумать веру, что работника уволить ничего не стоит, нельзя придумать бесправие, если его нет. Сатира только тогда смешна, когда она ухватывает нечто глубоко реалистическое в жизни людей. Граница между «деловой самокритикой», «благожелательной критикой» и критикой враждебной настолько размыта, что никто не может быть уверен в исходе дела, – отсюда и разочарование людей: тонко подмеченное состояние ожидания, что все кончится плохо, а кончается ничем.

«Ты Силин, конечно, имеешь право, как бюро не вынесло постановления, – говорил секретарь, – но, в случае чего, на меня и бюро не надейся. Вот что!

– Молодчина, Силин! Так их и надо! Деловая самокритика вообще, как указано у товарища Сталина. В общем и целом, – держись!

Беспартийный приятель Силина Андрюшка Кирпичев давал деловые указания:

– Знаешь, Силин, что скажу: он, Петраков-то, красный, красный, да и поднесет тютю! Ты вот что устрой: под псевдонимом выступай, вроде рабкора! Назавтра Петраков схватится увольнять, а в списках-то тебя и нет. Понял?!

Жена, в общем и целом поддерживая Силина, беспокоилась только об одном:

– Новую работу бы приискал пока, до выступления-то. Все-таки спокойнее! Там что будет, а работенка уже готова, на бирже трепаться не надо...

Секретарь завкома учил по-своему:

– Ты, Силин, конечно, не робей, – не расстреляют за это, может, даже и в партии останешься! А только ты так действуй: "То и то, мол, надо исправить, тут и тут непорядки. Но мы, мол, уверены, что красная энергия нашего дорогого директора..." Понимаешь?! Потрепись, потре-

пись, да и приятное ему что-нибудь вверни! Вроде страховки на случай. Может, конечно, и обойдется, но на всякий случай...

Наконец, известный прогульщик и пьяница Никишка Терехин тоже совет подал:

– Плюнь на все, Силка! Крой их, подлецов, и в хвост и в гриву! Захвати с собой на собрание полдиковинки да перед выступлением и дербалызни без закуса, – смелость в тебе будет, – отдай все, да мало! После собрания – опять хватани до отказа! Наутро проснешься уволенный, а тебе и горя мало, думать будешь об опохмелиться, потому в голове треск, а не об увольнении, – на работу-то и не потянет. Помяни мое слово...

Перед началом собрания все считали своим долгом подойти к Силину и пожать ему руку, все посматривали на него с уважением и с опаской.

Секретарь партиячейки вполголоса подтвердил:

– В случае чего – на меня и на бюро не надейся. Вот что!

Когда очередь дошла до Силина, – *собрание смолкло внезапно, как громкоговоритель среди передачи. В омертвевшем помещении слова Силина раздавались гулко и отчетливо* (курсив мой. – А.Ю.). Красный директор Петраков слушал внимательно и кое-что записывал, главный инженер – тоже. Бухгалтер иронически улыбался, а собрание не дышало.

Силин кончил. Собрание облегченно вздохнуло. Пока Силин пробирался на свое место, – ему шептали сочувственно:

– В случае чего – на меня и бюро не надейся. Вот что!

– В общем и целом – держись!

– Было б тебе под псевдонимом...

– Нашел бы работку-то раньше...

– Про красную энергию-то забыл?!

– Плюнь, Силка. На, хватани, – запас для тебя!!!

Силин оттолкнул полбутылки, которую ему дружески протягивал Никишка, улыбнулся и сел... Собрание продолжалось своим порядком.

Когда Силин в понедельник вышел на работу в свою третью смену – он сразу заметил, что отношение к нему со стороны товарищей резко изменилось: секретарь ячейки сухо кивнул головой, член бюро ячейки Тяпов даже не поздоровался, Андрюшка Кирпичев неодобрительно хмыкнул, секретарь завкома заговорил, как с незнакомым, "на вы"» [15, с.2].

В ПАНКЕ

Рис. Н. Елисеев

– Что ты спрятался? Грозы боишься?
– Какой там грозы! Самокритики!
«Крокодил». №24. С.4

«Самоучитель самокритики»

После грозной июньской статьи Сталина возросла потребность «учиться» правильной «самокритике». Так возник ироничный и вместе с тем вполне адекватный ответ на диалектические упражнения Сталина. Савелий Октабрев объявил в июльском номере журнала серию статей под названием «Самоучитель самокритики» [14, с.2]. Были придуманы «уроки». С одной стороны, эти уроки, конечно, следует воспринимать с чувством юмора, но если приглядеться к ним, к тому, как они формулируются, то юмора особенного, искрометного, не найти, а вот серьезных нравоучений – сколько угодно. Внешне придуманная ситуация нужна была пропаганде не для того, чтобы просто смешить читателя, а для того, что в самом деле учить «самокритике», не выходящей за рамки сказанного Сталиным. Не случайно появляются негативные фигуры «бестактного низового самокритика», «недопустимого, бестактного, раздражающего самокритика». Это смешно? Да! Но – в такой же мере и серьезно, потому что, смеясь над подобными персонажами, нельзя высмеивать требования к критике, которые предъявлял товарищ Сталин.

«Допустим, что на заводе явственно наблюдается бесхозяйственность. Из-за халатности администрации запаздывает доставка сырья. Новые машины стоят на дворе и ржавеют.

Административные штаты раздуты. Капли достижений бесследно растворяются в луже безобразий.

На производственном совещании выступает *бестактный низовой самокритик* и говорит:

– Товарищи, на достижениях нечего и останавливаться: их даже в микроскоп не разглядишь! Но недостатки кричат и бьют в глаза, товарищи! А кто виноват? Надо сказать прямо и открыто, товарищи: виноват директор. Ведь более тупого, невежественного, бездарного и ленивого администратора даже и представить себе нельзя, товарищи! Где были глаза у тех, которые его сюда назначали?.. Куда смотрит союз, почему молчат парторганы?.. Почему молчите все вы, товарищи, вы, на глазах у которых из-за одного бесхозяйственника разрушается целый завод!?..

Конечно, такая критика совершенно неприлична, недопустима и отнюдь не ведет к благим результатам. Она возможна в тишине уборной или глаз-на-глаз с женою, но никак не на производственном совещании. На производственном же совещании самокритик, сообразительный и тактичный, построит свою критическую речь совершенно иначе.

– Товарищи, – скажет он, – я не буду останавливаться на достижениях: они очевидны, бесспорны и говорят сами за себя! Отмечу лишь, что ими мы в значительной степени обязаны энергии и боевой работе нашего тов. Директора. Если бы не он, то кто знает, что вообще случилось бы с нашим заводом?.. Но, товарищи, наряду с крупными достижениями у нас имеются и некоторые недостатки. Чем они объясняются? Да тем, что, разумеется, одному тов. Директору, будь он хоть семи пядей во лбу, за всем не уследить и на все стороны не разорваться. И скажу я вам, товарищи, что мы, коллектив, обязаны не молчать, а довести до сведения тов. Директора обо всех этих недостатках, за которым ему одному, даже при двадцатичетырехчасовой работе в сутки, никак невозможно досмотреть. Ведь отвечает-то за все он, товарищи! И если мы будем молчать, то при ревизии или после нескольких замечаний в печати он же, которому завод так многим обязан, в первую очередь и пострадает! Из-за чего? Из-за преступного равнодушия коллектива, из-за того, что рабочие не пришли на помощь директору, товарищи!

Самокритика, построенная таким образом, допустима и весьма полезна, ибо благожелательна и тактична. Она не подрывает авторитета администрации и не раздражает ее, а потому не вызовет ни противодействия, ни мер воздействия. Критик едва ли будет уволен после своего выступления "за нарушения правил внутреннего распорядка": наоборот – его деловая активность будет поставлена ему в заслугу. А между тем он укажет на те самые недостатки, на какие указал бы и *недопустимый, бестактный, раздражающий самокритик...*

Автор льстит себя надеждою, что из этого первого урока самоучащиеся самокритики сумеют извлечь правильную линию критического поведения для всяких общих собраний и широких совещаний. Ее надлежит положить в основу самокритических выступлений...» [14, с.2]

Сатирический фельетон П. Черенкова «Герой», опубликованный в двадцать четвертом номере журнала, – небылица: человек донес сам на себя, так сказать, в порядке самокритики, чтобы все увидели его принци-

ПОЛЕЗНЫЙ УРОК

Рис. К. Елисеева

– Директива о самокритике должна быть выполнена! Это вам не режим экономии, это вам не борьба с накладными расходами, это вам не снижение цен!

«Крокодил». №32. С.8

пиальность, и снова выбрали на должность предзавкома. Он поместил в стенгазете такое объявление:

«У нас на заводе есть головотяп, отсталый человек, предзавкома. Это нижеподписавшийся я, он, нижеподписавшийся, имеет казенное отношение к пролетариату... РКИ, где ты, чтобы унять зарвавшегося нижеподписавшегося? Почему вы, активные члены славного профсоюза металлистов, молчите? Нижеподписавшийся предзавкома Увязалов» [18, с.10].

Каков же исход?

«Вот это человек! – произнес секретарь партячейки. – Сам себя прогнул в стенгазете. Кто за то, чтобы он был опять предом завкома? Раз, два... Вполне единогласно!» [18, с.10].

Но «секретаря завкома все-таки выбрали нового»: без комментариев, объясняющих, почему «все-таки» и как эта ситуация была исправлена. Выучился самокритике не так, как надо, – поправили. История эта, ко-

– Шеф приехал. Просит его критиковать... А как?! Первый раз за три года увидели!..

«Крокодил». №29. С.8

нечно, придумана от начала до конца, но всеилие партийного аппарата придумывать не надо, никто в этом не сомневается.

Н А О Т Д Ъ Х

Рис. Ю. Гамфа

– Ну, теперь на целый месяц никакой самокритики, некого критиковать будет: наш хозяйственник в отпуск едет.

«Крокодил». №35. С.4

«В порядке самокритики»

Анекдотично выглядит история, рассказанная в фельетоне А. Светлова «Алиментарная самокритика», опубликованном в ноябрьском номере журнала [16, с.11]. Батрачка Татьяна Егорова поступила на работу к кулаку Климу Яковлевичу в качестве домашней работницы. Она была, как сказано, «честной женой законного своего мужа», «никаких боковых помыслов не имела». Как утверждалось в суде: хозяин ее соблазнил, она забеременела и потом родила ребенка. Близкие кулака Клим Яковлевича говорили, что он «жене своей верен, как собака» и с прислугой заводить шашни не будет, – «все это враки и бабья дурь».

Так возникло «дело» – слушалось оно в суде при большом стечении народа в селе Суворово, что в сорока верстах от Одессы.

Весы правосудия были загружены почти равными гирями, и стрелка стояла на мертвом балансе. Момент был критический. Но в этот критический момент суворовский судья не растерялся. Он вышел на середину зала, взял из рук батрачки дитя и, обратившись к широким народным массам, сказал голосом, который обрывался от напряжения и ответственности:

– Товарищи, – сказал он, и граждане, которые собравшись!.. В минуточку неслыханной путаницы и полной дезорганизации фактов я буду этот проклятый вопрос ставить ребром... В ответственную минуточку самокритики приходится, дорогие граждане, сила-неволей, ставить дела так. Факты, стало-быть, есть, но отсутствует, как бы выразиться, анализ. Верить, значит, нельзя ни одной, ни другой стороне. Тогда, порядком самокритики, будем подымать руки кто-за, а кто и напротив, и решим тогда в чью пользу идет кодекс, то есть, на кого, очень просто, дите сдает в своих невыразительных личностях – чи на Клима, чи на Тарана.

В порядке «самокритики» проклятый вопрос, имевший от роду шесть недель, был тут же поставлен на голосование.

- Кто за то, что дите сдает на Клима?
- Кто за то, что оно бросает тень на Тарана?

Зрительный зал загудел от истошных криков, от глоток, которые спорили в этом великом споре:

- На Клима!.. На него, сукина сына!.. Как две капли!..
- На Тарана!.. Тарановы штучки!..
- На Кли!..
- На Тара!..

И в протоколе было точно зафиксировано, что нарсуд села Суворово единогласно признал отцом ребенка Клима Яковлевича. Приговор суда, направленный в высшую инстанцию, начинался словами:

"В порядке самокритики..." [16, с.11].

Казалось бы, при чем здесь идеологическая кампания по развертыванию самокритики, случай-то бытовой?! Но автор фельетона старательно ведет читателя к мысли, что самокритика – это внесудебная процедура, без каких-либо юридических гарантий. Это смешно? Конечно! Но в тезисах товарища Сталина нет ни одного слова о юридических гарантиях соблюдения хотя бы элементарных прав советских граждан.

«Уволенные самокритики»

С РАЗНЫХ ТОЧЕК...

Текст В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

1. — В клубах, в газетах,—ведь, посмотрите-ка: Тут—самокритика, там—самокритика. К слову порадовался людям и я сам,— Преня, собравня, беседам, докладам.

Носится с критикой несколько месяцев— Прямо от скуки можно повеситься! Зачем уделить ей столько внимания? Ну, самокритика... Чем же тут заниматься? Кампания — как кампания. Провели — и basta.

2. Сердце вздрагивая очками, Крута испуганным зрачком, Сулиха всплескивает руками, Шипит свистящими тевором: — Скоро сосиски не будет сладки! От самокритики — не продохнуть! Зачем? Зачем? Кому это надо Вступать на вредный, опасный путь?

Вы забываете про Европу-с! Что говорить будут наши враги? Нет! Вы не смейте! Тут, знаете, пропасть! Тут, понимаете, перегаб!

Да, да, да, да! Перегнули палку! Ужас! Не знаю, как там у вас, А в и такую пошла перепалку. — Прямо хоть службу бросай сейчас. Чем все похочется,—неизвестно, Как ны введешь все это в русло? Уж и сейчас, приналось честно, От самокритики дух свежо.

3. Раньше рабкоры писали, — Пишут они и сейчас. Раньше в газетах ругали,— Ругают и нынче нас.

Только теперь газетчики Новым играют слогосом. Носятся с ним, как деточки, С этиками важным лицом.

Новым словечком драгнитесь: Ах! Самокритика! Ах! Пусть же. Какая разница? Дело-то ведь не в словах.

Нам не страшна самокритика, Рабкор — он и есть рабкор. Стоит сказать: — Сократите-ка! Вот и весь разговор.

4. — Слушай, Сергей, у нас в учреждении, — Я ушлакла вчера от брата,— Предполагается расширение Штата?

Вводит какую-то там самокритику, Ну, и, конечно, расширяет отделы. Нелзя ли будет пристроить Митеньку К этому делу?

5. — Получили отношение, Рассмотрел задание, Устроил заседание, Вынесли решение: Учи ресурсм Разного рода, — С будущего года Открыть курсм Самокритического подхода К делу Имени товарища Заоняра, Секретаря Гублогаса. Довода о сем до сведения ЦК, Просим утвердить смету. А помю Никаких мероприятий нету.

С Т О Л П

Товарищ Попов чуть-чуть не от пауга.
Чуть не от станка и сохи.
Он — даже партией, но он перепутан,
брюзжит баритовым сухим:
«Раскрось газетнику,— в критике вся,—
любая колеблется глэмб.
Кроют. Кого? Аж волосы
встают от фамилий дымбом.
Ведь это — подрама, подкол ведь это.—
Критику осторожнолюбо должно вести.
А эта — критикуют, не шады авторитета,
ни чина, ни стажа, ни должности.
Критика синзу — это яд.
Сверку — вот это лекарство!
Ну, можно ль позволить низам, под рид,
всем! — заниматься критиканством?!
О мерзостях наших трубин и поэм.
Иди и в газетах срамись и!
Ну, и обшбсь,— там в тресте и,
в носм,
имеется ревизионная комиссия.
Ведь можно и, не задвая столбом,
в кругу своих, братишек, —
вызвать, сказать: — Товарищ Попов,
Орудуй!— тово,—
потинсь,—
Присягаи до тошноты, до рвот.—
Облизывают кастюлю густою.
Товарищ, ведь это же и подорвет
государственные устои.
Кого критикуют? — вопит, возомни,
аж голос визжит тевором, —
вчера — Иванова, сегодня —
а завтра — меня,
совпарком!». Товарищ Попов,
оставьте скулеж. Боятювя о подрымах —
люм! Мм всех лозим,
чтоб в лоб, а не питьсь,
критика дришь кослял,
И это лучше из доказательств
нашей чистоты и слям. В. Мажковский.

„ПРОШЛИ ЗОЛОТЫЕ ДЕНЕЧКИ...“

Рис. В. Козлянского

– Нет ли у вас работки?
Я служащий исправный,
старательный! В критике
начальства не замечен...
– К сожалению, теперь
нам таких не надо...

«Крокодил». №37. С.8

В очерке П. Черенкова «Модные люди» [18, с.10], опубликованном в специальном номере №36, посвященном «самокритике», сатирически изображена ситуация, когда срочно потребовались «самокритики», то есть те, кто критикует администрацию. Они особенно нужны по требованию высших партийных властей – но их нет: уже уволили...

«Человек со стограммовым носом спрашивает:

– Что вы, Владимир Гаврилыч, грустны?

У директора вырывается клочок искреннего вопля:

– Самокритика!..

– Ужасная штука! – соглашается управдел.

– Сами вы ужасный. А я – член партии. Меня закидали партдирективами о самокритике... Мне нужно, чтобы была самокритика, но где самокритики, но где самокритики? Где боевой Сеня Кутков?..

– Уволен за невыдержанное измерение пространства ответственного человека (курсив мой. – А.Ю.).

– То есть?

– Обозвал вас директором без пяти минут. Уволили...

– А Горшков?..

– Сокращен...

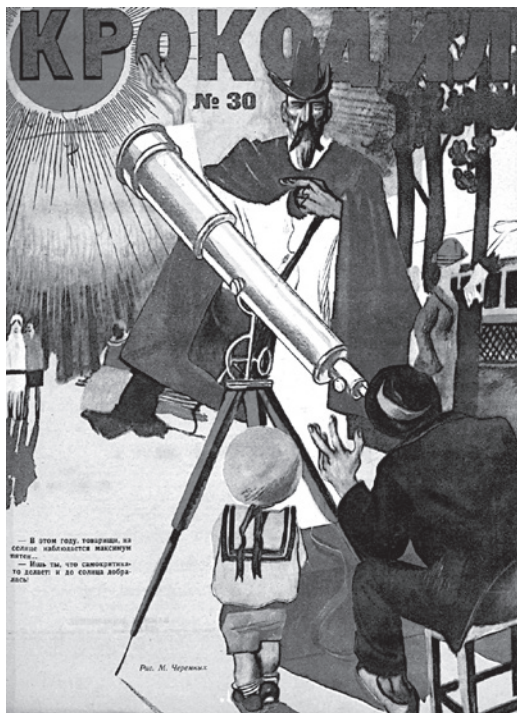
Директор взволновался:

– И к вчерашнему моему отчету на заводе остались одни подхалимы и профтихони! Некому критиковать. И партдиректива о самокритике будет не выполнена! Товарищ управдел, чтоб завтра вы достали, где хотите, десять самокритиков.

Управдел поклонился:

– Достанем!

Утром коричневый управдел, встав раньше, пересек на автобусе московский центр и подошел к порядочному, всем известному зданию Рахмановского переуллка. Поднялся вверх. Его встретил зав:

– В этом году, товарищи, на солнце наблюдается максимум пятен...

– Ишь ты, что самокритика делает: и до солнца добралась!

«Крокодил». №30. С. 1

– Зачем вы это на биржу труда пожаловали? Рабочие нужны? Сле-саря? Отопленцы? Фрезеровщики?!

– Нет! – отвечал управдел. – Дайте мне десять самых лучших са-мокритиков...

Зав, у которого до сих пор этой квалификации не спрашивали, уди-вился, но потом резонно рассудил:

– А вы хорошо сделали, что за ними к нам приехали... У меня на бир-же – хоть пруд пруди уволенными самокритиками! Вам каких дать: тех, что вы уволили, или с других заводов? На другой день самокритики были на заводе» [18, с.10].

* * *

В ноябре 1928 г. состоялся пленум ЦК партии, первым выступил А.И.Рыков. Он, как и многие в этот момент, высказывался решительно против «правой опасности», которая может стать полноценным «укло-ном» и завести страну в «мелкобуржуазную стихию». Рыков показал своим выступлением, *насколько он далек от иезуитской сталинской по-становки вопроса о критике и самокритике*. Он сказал буквально сле-дующее: «...эту решительную борьбу с уклонами нужно вести так, чтобы не убить самокритику» [5, с.52]. Большинство партийных деятелей смо-трело на эту кампанию рационально, как на возможность критиковать свои или чужие неверные решения. Но борьба с «правой опасностью» обрастала липкой паутиной *сталинской неопределенности*, которая ста-новилась настоящей ловушкой для «вождей», по словам Сталина, ото-рвавшихся от народных масс.

Рыков эту опасность, настоящую, не придуманную опасность, почув-ствовал, но у него не было рецепта, как ей противодействовать.

Он говорил на пленуме:

«...эту *решительную борьбу с уклонами нужно вести так, чтобы не убить самокритику* (курсив мой. – А.Ю.). Я сегодня вам доклады-вал по вопросу о том, что, если нам западноевропейские капиталисты предложат кредит, мы ввезем готовые товары сюда. Я уверен, что ес-ли бы это кто-нибудь сказал в партийной ячейке, то его обвинили бы в *правом уклоне* (курсив мой. – А.Ю.).

Г о л о с. Сказали бы, что и троцкизм, и товарная интервенция.

Рыков. Я бы им попытался доказать, что такие обвинения в данном случае просто глупость. Мы ввезем и готовые товары широкого потреб-

ления, если будет возможность, если будут достаточно выгодные и достаточно долгосрочные кредиты. И никакого уклона в этом не будет.

Мы добьемся преодоления тех трудностей, которые стали теперь на пути развития производительных сил страны, только в том случае, если рабочий класс, весь массив партии как следует разберется во всех этих трудностях, причинах их и методах борьбы с ними. Если рабочим недодать иногда хлеба, но если они будут понимать, откуда, как и почему это проистекает и как с этим партия борется, то рабочие нас поддержат целиком и полностью. Но для этого должна быть гарантирована та демократия и та самокритика, которые обеспечивают должное обсуждение всех этих вопросов» [5, с.52].

Кампания критики и самокритики давала Сталину возможность манипулировать как партийным, так и общественным сознанием. Целью этих хитроумных манипуляций было создание такой ситуации, когда никто, кроме Сталина, не мог быть уверенным в своей правоте. В массовом сознании слово «самокритика» выражало непреодолимый людской страх, оторопь; в высшем звене партийной власти Сталин расставлял ловушки в виде разных «уклонов» – и не уклониться нельзя было. Потому что даже тот, кто искренне не хотел быть ни в каком уклоне, обвинялся в не менее страшном прегрешении, чем сам уклон влево или вправо – в «примиренчестве» к уклонам...

В 1928 г. секретарь Краснопресненского райкома партии М.Н.Рютин позволил себе осторожную критику некоторых решений партии. Начались проверки деятельности райкома партии. Рютин защищал глава московской организации коммунистов Н.А.Угланов, который тоже не был доволен разворотом сталинского руководства в сторону военно-коммунистических методов регулирования сельского хозяйства.

Сталин выступил в духе кампании по критике и самокритике.

Он говорил: «Во всех резолюциях, кроме пресненской, дана определенная политическая установка, вполне соответствующая линии партии и Коминтерна. Это нам теперь необходимо для того, чтобы, ввиду подъема мелкобуржуазной стихии, дать партийцам ленинскую закалку и указать им, откуда идет опасность. Во всех резолюциях всех активов, кроме актива пресненского, указывается на то, что имеется возрождающийся троцкизм, с которым нужно бороться, имеются откровенные оппортунисты, с которыми тоже нужно бороться, а вот насчет одного течения, которое называется течением нейтралитета к этим колебаниям, ничего не сказано в резолюции краснопресненского актива. Это дело, по-моему, немаловажное. Вопрос о примиренчестве, вопрос о прими-

ренческом отношении к уклонам от ленинской линии служил предметом специального обсуждения VI конгресса Коминтерна. Долго об этом говорили на конгрессе и приняли жесткую резолюцию, говорящую о том, что нужно предостеречь рабочих не только против правого и левого уклона, но и против тех, которые под флагом примиренчества укрывают под своим крылом либо один, либо другой уклон» [2, с.266–267].

Сталин привел пример, которым пытался объяснить, что его настойчивая борьба с «примиренчеством» – не новость, а ленинская традиция. Как обычно, он манипулировал цитатами. Вспомнил Иннокентия Дубровинского, с которым Ленин порвал из-за его примиренчества: «Почему? Потому, что Ильич знал, что невозможно преодолеть оппортунизм, не ведя борьбу против примиренчества, укрывающего оппортунистов под свое крылышко. Тогда именно и дал Ильич лозунг о "непримиримой борьбе с примиренчеством". Ильича называли за это некоторые товарищи "узким", "слепым", "крайним фракционером" и бог знает еще чем. Однако линия Ильича целиком оправдала себя, и он поставил партию на ноги. Если мы этот и подобные ему эпизоды из истории партии забудем, то чего стоим и какие же мы большевики. Мы должны проводить ильичевскую линию во всей чистоте. Если в Московской организации нашелся (вы знаете тов. Мандельштама), который открыто заявил...» [2, с.267].

Сталина перебил тов. Михайлов: «Он на второй же день отказался».

Ответ: «...я знаю, что отказался, но очень характерно, что Агитпроп Московского Комитета такую статью пишет в "Правде". Если я говорю, в МК нашелся такой товарищ, который *проповедует допустимость отклонения от ленинской линии*, то надо понять, что нельзя обходить в резолюции пресненского актива вопрос о борьбе с примиренчеством, когда все другие районы громогласно говорят об этом» [2, с.267].

Михайлов вновь возразил: «Он выпустил книжку, где говорит о другом».

Сталин ответил: «Насчет книг он всегда путался. И во время борьбы с троцкизмом, когда он обвинял Троцкого не в том, в чем надо было обвинять, нам приходилось краснеть за него, за его ошибки, и теперь опять путает тов. Мандельштам, и нам вновь приходится краснеть за него. Бюро МК поправило тов. Мандельштама, и это очень хорошо. Но такие ошибки нельзя считать случайностью. Наша установка – это предостережение рабочих от уклона от ленинской линии и от тех, кто считает такие уклоны законным явлением...» [2, с.267].

Слово получил М.Н.Рютин. Он говорил об ошибке Мандельштама, о том, что это была случайность.

Сталин прервал его и напомнил о неслучайности самого явления примиренчества. Рютин спросил прямо: «Что, я примиренчески отношусь?» На это Сталин ответил: «Нет, не примиренчески. Есть одна группа примиренцев, из которой некоторые укрывают троцкистов, а некоторые укрывают Фрумкиных. Есть такие примиренцы» [2, с.268].

Рютин согласился: «Конечно, есть».

Сталин тут же перехватил инициативу, вводя своего оппонента в положение, из которого уже нет выхода, если не отрицать всю эту сталинскую мифологию уклонов: «А вы не ведете борьбу с этим течением и не отстаиваете, стало быть, линию ЦК. Может быть, вы человек смелый и искренний, но очень трудно поверить, чтобы ваша политическая ошибка была случайностью» [2, с.268].

Михайлов, который уже возражал Сталину, вновь откликнулся, и его слова выражают настоящее отчаяние тех, кто понимал, что они в ловушке, из которой не знают, как выбраться: «...это создает очень скверную атмосферу. Может быть, и есть примиренцы, но, товарищи, к чему мы идем?»

Сталин пошутил: «К социализму. (Смех)».

Михайлов продолжал недоумевать: «Я знаю, что мы идем к социализму. Идем к социализму, а создаем такое положение. Действительно, если политика требует, чтобы всегда о примиренцах говорить...»

Сталин перебил: «Все районы сказали, а он забыл».

Тов. Михайлов: «...тов. Сталин, я всегда привык говорить, что думаю. Создалась такая обстановка, то есть ряд товарищей, которые ходят с цитатами из Сталина, с цитатами из Ленина, из XV, и как изгородкой огородились этими цитатами. Это нехороший метод. У нас нездоровая атмосфера в этой плоскости...» [2, с.269]

Как и в крокодильских очерках – почти во всех – побеждает воля администрации, когда речь заходит о самокритике, так и в высших эшелонах партии «самокритика» нужна была только для того, чтобы Рютин, Угланов и подобные им, *самокритично покаялись*, признали свои ошибки перед волей ЦК, которую осуществлял Сталин.

Однако, даже признавая ошибки, они не уходили сами – их планомерно заменяли другими людьми, более послушными.

16 октября 1928 г. М.Н.Рютин был освобожден от должности секретаря Краснопресненского райкома партии. 27 ноября 1928 г. был освобожден от должности Н.А.Угланов, заменен на В.М.Молотова. За четыре

месяца пребывания в должности главы Московской партийной организации Молотов заменил четырех из шести заведующих отделами МК [2, с.273–274].

Сталин в рамках кампании о критике и самокритике добивался своего – обнажения политических уклонов и «ошибок примиренчества» у тех, кого считал своими противниками.

Так возникал сталинизм – особое состояние иррационального поведения людей в обстановке создаваемого тотального страха, когда *никто* не мог уйти от обвинений в несогласии с «генеральной линией» партии. И не существенно в этой ситуации, – обычный ты читатель журнала «Крокодил» или высший партийный начальник, вождь.

Библиографический список

1. Авилов В. Захолустное // Крокодил. 1928. №18. С.7.
2. Анфертьев И.А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920–1930-е годы: критический анализ. М.: ИНФРА-М, 2017. С.266–267.
3. Б.Самокритические зарисовки // Крокодил. 1928. №18. С.8.
4. Гельцер А. Автоматы // Крокодил. 1928. №18. С.6.
5. Как ломали энп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1828–1929 гг. В 5-ти томах. Том 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М.: МФД, 2000. С.52.
6. Крышкин Н. Человек с понятием // Крокодил. 1928. №36. С.3.
7. Крышкин Н. Коса на камень // Крокодил. 1928. №42. С.2.
8. Митницкий Л. «Слушали – постановили» // Крокодил. 1928. №18. С.7.
9. Нерар Ф-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. С. 107.
10. Октябрьев С. Гигиена партактива // Крокодил. 1928. №18. С.2.
11. Октябрьев С. «Лицо» и критика (Вроде басни) // Крокодил. 1928. №18. С.2.
12. Октябрьев С. О недочетах самокритики // Крокодил. 1928. №25. С.3.
13. Октябрьев С. Образцы самокритики // Крокодил. 1928. №18. С.8.
14. Октябрьев С. Самоучитель самокритики // Крокодил. 1928. №26. С.2.
15. Павлов Вл. Отчаянный // Крокодил. 1928. №22. С.2.
16. Светлов А. Алиментарная самокритика // Крокодил. 1928. №41. С.11.
17. Сталин И.В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С.29.
18. Черенков П. Герой // Крокодил. 1928. №24. С. 10.
19. Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

...Только герой обретает
мужество следовать
своей судьбе.

Герман Гессе

Можно закрыть глаза
на действительность,
но не на воспоминания.

Станислав Ежи Лец

Трус – это человек,
который в минуту опасности
думает ногами.

Джозеф Аддисон

Все замечательное
рождается столь же трудно,
сколь и редко.

Бенедикт Спиноза

Андрей Марчуков

ГЕРОИ И ДЕЗЕРТИРЫ:

ОДИН ЭПИЗОД ОБОРОНЫ ДОНБАССА (ОСЕНЬ 1941 ГОДА)*

УДК

93/94

В статье на примере 383-й стрелковой («шахтерской») дивизии рассматриваются социально-психологические аспекты таких явлений, как массовый героизм и массовое дезертирство, продемонстрированные в ходе обороны Донбасса осенью 1941 года. Проблема анализируется в контексте социально-экономического и политического состояния СССР в целом, а также УССР и Донецкого региона в предвоенные годы и в первые военные месяцы, в том числе в период осуществления эвакуации.

Using the example of the 383rd Rifle ("miner") division, the article examines the socio-psychological aspects of such phenomena as mass heroism and mass desertion demonstrated during the defense of Donbass in the autumn of 1941. The problem is analyzed in the context of the socio-economic and political state of the USSR, the Ukrainian SSR and the Donetsk region in the pre-war years and in the first months of the war, including the evacuation.

Ключевые слова: оборона Донбасса; Великая Отечественная война; дезертирство; героизм; эвакуация; социальная психология.

Key words: defense of Donbass; the Great Patriotic War; desertion; heroism; evacuation; social psychology.

E-mail: marchukov@mail.ru

*Стильстика документов сохранена, пунктуация и орфография приведены к нормам современного русского языка.

С первых минут Великой Отечественной войны Красная армия оказывала захватчикам упорное сопротивление. Известно много примеров героизма и стойкости наших войск, их успешных и организованных действий. И весь народ не дрогнул, вынес выпавшие на его долю тяжелейшие испытания. И потому наша страна победила в той страшной войне, ставкой в которой была не просто независимость, а и само ее существование.

Но далась эта победа нелегко и не сразу. Далеко не всегда наша армия и власти действовали умело и организованно, не всегда соблюдались выдержка и твердость духа. Иначе враг не смог бы дойти до Москвы, Ленинграда, Волги и Кавказского хребта. Наряду с объективными причинами поражений начального периода войны, связанными с состоянием армии и экономики страны, заметную роль сыграли причины субъективные – просчеты в планировании и управлении, ошибки, неорганизованность.

Примером тому может служить один эпизод обороны Донбасса в октябре 1941 года, а именно инцидент с 383-й стрелковой дивизией (сд), входившей в состав 18-й Армии Южного фронта. В нем, как в зеркале, отразились и просчеты советского командования, и обстановка, сложившаяся на Донбассе в те осенние дни, и последствия социально-экономических и политических процессов, происходивших в предвоенное десятилетие в советском обществе и государстве, в том числе в донецком регионе.

Речь идет о массовом дезертирстве, имевшем место в частях и соединениях 18-й и 9-й Армий Южного фронта, и в первую очередь в 383-й сд. Так, в донесении Политического управления Южного фронта «О боевых действиях, политико-моральном состоянии частей фронта и партийно-политической работе» от 6 ноября 1941 года, направленном в Военный совет фронта, отмечалось распространение этого чрезвычайного явления в частях 296-й, 339-й, 383-й и 395-й стрелковых дивизий. «В результате слабой воспитательной работы, в частях этих дивизий имелись случаи сдачи в плен врагу и массовое дезертирство. Например, в первые дни боев (то есть в середине октября. – *А.М.*) части 383 сд потеряли дезертировавшими и пропавшими без вести 2989 человек» [2, л.545, 547]. Утверждение иллюстрировалось конкретными примерами. А в Постановлении №004 Военного совета 18-й Армии от 4 ноября 1941 года по делу 383-й сд приводились еще более внушительные цифры. За октябрь пропавшими без вести эта дивизия потеряла 1830 человек, «отсутствуют

по другим причинам (преимущественно дезертировало)» 3038 человек и более 100 «перешло на сторону врага» [3, л.508].

В фонде 383-й стрелковой дивизии, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, есть несколько дел, в которых приведены поименные списки безвозвратных потерь (по полкам и прочим частям), понесенных ею в ходе обороны Донбасса. В них указаны биографические данные военнослужащих, место жительства и причина выбытия. Причем наряду со списками погибших и пропавших без вести имеются отдельные списки дезертировавших. Так, в числе последних там значатся не менее 2013 человек (по списку – 2014) и еще 61 отмечен в числе «лиц, перешедших на сторону врага и осужденных Военным трибуналом 383-й стрелковой дивизии» (за период с 1 октября 1941 года по 1 мая 1942 года). Итого 2074 (2075) человек [11, л.25–67, 84–98 об., 100–119 об., 121–134 об., 136–143, 242–244]. А в числе пропавших без вести по этим документам значатся не менее 3141 человека [12; 13]. Подавляющее большинство случаев дезертирства приходится на октябрь 1941 года. Имелись таковые, как и случаи сдачи в плен, и в последующие месяцы пребывания дивизии на Донбассе, но их было гораздо меньше [11, л.229–234].

Командир 383-й сд К.И.Провалов
(снимок 1944 г.)

Итак, факт массового дезертирства налицо, и его тогда никто не думал скрывать. Однако в советское время в военно-исторической литературе, в том числе посвященной «шахтерским дивизиям», по понятным причинам об этом умалчивалось. Нет соответствующих упоминаний и в мемуарах бывшего командира этой дивизии К.И.Провалова и комиссара М.С.Корпяка [17; 25; 22]. В российской историографии приводятся свидетельства на этот счет, хотя количество дезертировавших указывается неверное [20, с.23–24; 19, с.74]. На Украине факт массового дезертирства при обороне Донбасса стараются преподнести как нежелание населения

Украины воевать за «большевистскую Москву» и советский строй или как свидетельство низких моральных качеств жителей Донбасса (завышая цифры). В западных работах вообще рассказывается (с опорой на украинские эмигрантские издания) о двух «взбунтовавшихся» шахтерских дивизиях, мятеж которых ускорил захват области, а его участники-военнослужащие разошлись по домам с оружием [23, с.376, 377]. В большинстве же работ донбасских авторов говорится лишь о героизме воинов «шахтерской» дивизии, а о дезертирстве либо не упоминается, либо оно трактуется как «байка», выдуманная «борцами с коммунизмом», или как инсинуация украинской стороны [18, с.147–148].

Между тем факт массового дезертирства заслуживает внимания не только с точки зрения изучения военной истории, но и с точки зрения изучения массовой психологии, социального поведения, оккупационного режима, а также политической и социально-экономической истории донецкого региона, УССР и СССР в целом.

Этот эпизод приобрел политическое звучание потому, что основную массу воинов дивизии, как и дезертиров, составляли уроженцы Донбасса. Так, из упомянутых списков дезертиров видно, что не менее 1697 человек были жителями именно этого региона (Сталинской области). Среди перешедших на сторону врага и осужденных, соотношение иноземцев («не местных») 45 человек (из которых 25 уроженцы Закавказья).

Надо сказать, что наблюдавшееся осенью 1941 года в соединениях и частях 18-й и 9-й Армий Южного фронта дезертирство не стало для командования чем-то неожиданным. Дезертирство было, есть и будет всегда – в любой армии мира, особенно в период военных неудач и отступлений. И Красная армия тут не исключение. К тому же, отнюдь не все, кого объявляли дезертирами, таковыми являлись. Люди могли погибнуть, но без свидетелей, попасть в плен не по своей воле, оказаться в окружении или просто отстать от своих частей и так и не догнать их или попасть в другую часть.

Это негативное явление отмечалось на фронте с самого начала войны. Однако летом 1941 года основную массу дезертиров составляли уроженцы Бессарабии и Северной Буковины, лишь в 1940 году вошедших в состав СССР. Жители этих регионов, главным образом молдаване, западные украинцы (буковинцы), румыны, в массе своей не воспринимали Советский Союз как свою родину. К тому же, порой происходили нарушения директив Генерального штаба и, вопреки «классовому подходу», в армию призывались «социально чуждые элементы» (сектанты, «кулаки», члены буржуазных партий, вплоть до бывших офицеров румын-

ской армии). Понятно, что основная масса таких призывников не хотела воевать и стремилась вернуться домой.

Так, с 22 июня по 10 июля 1941 года в соединениях и частях Южно-го фронта было зафиксировано 698 случаев дезертирства (в том числе группового). Например, 30 июня 40 красноармейцев-молдаван 591-го стрелкового полка (176-й стрелковой дивизии) перебежало к противнику. 1 июля при отходе полка дезертировало 200 солдат-молдаван. В 128-м отдельном разведывательном батальоне той же дивизии бежало 55% пополнения из числа местных жителей. В 60-й горнострелковой дивизии (гсд) дезертировало до 4 тысяч уроженцев Черновицкой области, в 96-й гсд – до одной тысячи. То же самое происходило в 218-й мотострелковой дивизии. В донесениях Политуправления фронта отмечалось, что мобилизованные буковинцы и бессарабцы составляют категорию, которая «дезорганизует части и подразделения, вносит панику в ряды бойцов и изменяет родине». Факты дезертирства и измены убеждали в том, что «пребывание в частях фронта красноармейцев, призванных из Бессарабии и Северной Буковины, становится нетерпимым» [1, л.26, 27, 49, 66, 76].

Советское командование это хорошо понимало и вскоре стало принимать меры по линии военных трибуналов, прокуратуры и особых отделов, призванные укрепить дисциплину и пресечь дезертирство. Были организованы заградительные отряды, в функции которых входило поддержание порядка в ближнем тылу, в том числе поиск и задержание дезертиров. Вводились новые принципы комплектования: мобилизованные из Буковины и Бессарабии в частях заменялись «пополнением, призванным с территории Украины» [1, л.30]. Принимались и меры по изъятию из частей Действующей армии (с последующей отправкой в тыл) уроженцев Западной Украины, Бессарабии, Прибалтики и Западной Белоруссии, равно как и представителей ряда национальностей (немцев, финнов, румын, болгар и др.) [5, л.86].

Но не только бессарабцы и буковинцы оказывались дезертирами. Войска вели тяжелые бои. В конце июля – в первых числах августа в окружении под Уменью погибли 12-я и 6-я Армии Юго-Западного фронта. В результате наши войска были вынуждены спешно отойти к Днепру, а 9-я и 18-я Армии Южного фронта чуть было не оказались в окружении в его низовьях. Это не могло не отражаться на боевом духе, толкало нестойких и засомневавшихся людей на путь дезертирства.

На цифры, характеризующие это явление, влиял и субъективный фактор. Зачастую командиры и политработники, составляя сводки потерь,

не вдавались в подробности и помещали выбывших по неустановленным причинам в графу «дезертировавшие», хотя войны могли погибнуть или выбыть по совсем иной причине. «В ряде частей очень плохо поставлен учет личного состава, особенно после боя, – отмечалось в донесении Политуправления Южного фронта от 10 сентября 1941 года. – Не зная истинного положения о потерях, некоторые командиры и политработники огульно относят потери личного состава за счет сдавшихся в плен». Так, военный комиссар 968-го стрелкового полка (266-й сд) батальонный комиссар Столяров доложил о 500 сдавшихся в плен бойцах. Эти сведения поступили в Политотдел 6-й Армии, оттуда (29 августа) – в Главное политическое управление Красной Армии. Однако проверкой Политуправления Южного фронта (в состав которого тогда входила эта армия) было установлено, что командование полка и дивизии не знали точное количество оказавшихся в плену, а «большинство тех, кого считали сдавшимися в плен, явились в полк» [2, л. 326, 327].

Однако случай с 383-й стрелковой дивизией стоял особняком. Ее личный состав был совершенно другим, дивизия была только что сформирована и в летних боях не участвовала.

18 августа 1941 года вышло Постановление Государственного комитета обороны ГКО №506 с. Оно давало разрешение Народному комиссариату обороны СССР «призвать в ряды Красной Армии 40000 рабочих шахтеров Донбасса». Мобилизованными шахтерами предполагалось «в первую очередь» укомплектовать четыре стрелковые дивизии: 383-ю с дислокацией в Сталино, 393-ю с дислокацией в Славянске, 395-ю с дислокацией в Ворошиловграде и 411-ю с дислокацией в Харькове [15, л. 70]. Использовать эти дивизии предполагалось в районах их комплектования или поблизости: защищать они должны были Донецко-Харьковский промышленный район. Предполагалось, что дивизии войдут в состав 10-й Резервной армии, начало формированию которой положила директива Ставки ВГК от 30 сентября. Очевидно, считалось, что такой «территориальный» принцип комплектования будет способствовать укреплению боевого духа и стойкости воинов – ведь защищать им надлежит родной край, свои дома и семьи. Однако в этом подходе крылся просчет, позднее обернувшийся неприятными последствиями.

Начало формированию 383-й стрелковой дивизии положили Приказание (директива) Народного комиссара обороны СССР № ОРГ/2/538996 от 11 августа и распоряжение командующего Харьковским военным округом (ХВО) № ОМ/003128 от 25 августа 1941 года [7, л. 1; 8, л. 2]. Командиром дивизии был назначен участник боев на КВЖД и Хасане, Ге-

рой Советского Союза полковник Провалов Константин Иванович (звания Героя он был удостоен за события на озере Хасан). В должность он вступил 21 августа [9, л. 1].

Комплектовать дивизию надлежало, исходя из озвученного в Постановлении ГКО «территориального» принципа. В указании штаба Округа (за подписью полковника Москвина и начальника организационно-мобилизационного отдела майора Шевченко) командиру дивизии, окружному интенданту, начальникам политуправления, отдела кадров, Особого отдела и прочих отделов и управлений Округа значилось следующее. «Боевые расчеты строевых частей укомплектовать исключительно за счет призываемых из запаса обученных военнообязанных – шахтеров младших возрастов, по соответствующим военно-учетным специальностям. Тыловые части дивизии укомплектовать за счет старших возрастов и менее обученных. Укомплектование частей произвести за счет русских, украинцев и белорусов». Командирам и военным комиссарам предписывалось «организовать тщательное изучение во всех отношениях прибывшего в части пополнения» и «обратить особое внимание» на подбор и расстановку людей по их «деловым и политическим признакам» [8, л. 1, 2]. Приписной состав от красноармейцев до помощников командира взвода включительно следовало набирать из числа недавно отслуживших (не более трех лет тому назад), командный состав – из кадровых военных [26, с.4].

Так как дивизию формировали из шахтеров центральной части Донбасса, за ней закрепилось неформальное наименование «шахтерской». Сохранилось оно и в дальнейшем, пусть даже со временем шахтеров в ней осталось мало [7, л.2]. Помимо уроженцев Сталинской области, среди ее военнослужащих были жители близлежащих областей (Ворошиловградской, Харьковской, Ростовской, Днепропетровской), а также ряда других областей УССР и РСФСР. 84% воинов дивизии составляли рабочие, 9,5% – служащие, 6,5% – колхозники. Что касается национального состава, то среди ее военнослужащих оказались не только славяне, но и немногочисленные представители других этнических групп. Значительное количество бойцов «нерусских национальностей» – армян, азербайджанцев, грузин (уроженцев закавказских республик и даже Турции; последних было как минимум двое – армянин и турок) – прибыло в дивизию уже в декабре 1941 года в составе пополнения [8, л.27; 11, л.84–98об., 110–114, 136–143].

Завершить формирование дивизии предполагалось к 15 октября, однако резко изменившаяся обстановка на фронте внесла коррективы, и формирование пришлось завершить на две недели раньше.

После ликвидации окруженных восточнее Киева пяти армий Юго-Западного фронта немцы получили возможность начать наступление на стратегически важном южном участке: занять Донбасс и вдоль Азовского побережья выйти к Ростову-на-Дону, чтобы прорваться на Кубань и Северный Кавказ с целью захвата промышленных объектов и месторождений Донецкого бассейна, а также кавказских нефтепромыслов.

29 сентября противник перешел в наступление, стремясь окружить войска Южного фронта. 1-я Танковая группа неприятеля (с 6 октября – 1-я Танковая армия) ударом из района Краснограда и Новомосковска потеснила войска 12-й Армии и, прорвав 4 октября фронт на стыке 12-й и 18-й Армий, развивала наступление на юго-восток и юг (к Бердянску). Южнее, в Таврии, началось наступление войск 11-й немецкой и 3-й румынской армий, а вдоль побережья двигалась моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». 7 октября севернее Мелитополя противник окружил наши 9-ю и 18-ю Армии, однако значительной части их состава удалось вырваться из «кольца» [21, с. 622, 623, 624]. Командованию Южного фронта пришлось в срочном порядке сначала сдерживать прорыв противника, а затем восстанавливать фронт.

Как отмечалось в «Историческом формуляре» 383-й стрелковой дивизии, «не закончив полностью формирования, не доукомплектована полностью матчастью, недостаточно обученная», она 1 октября «выступила в район боевых действий» (хотя официально передача ее Округом Южному фронту состоялась 8 октября) [7, л. 2; 8, л. 24]. В ее состав входили Управление, 691-й, 694-й и 696-й стрелковые полки, 966-й артиллерийский полк, 690-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 465-я отдельная мотострелковая разведывательная рота, 684-й отдельный саперный батальон, 854-й отдельный батальон связи, 304-я отдельная авторота, 488-й отдельный медсанбат, дивизионный ветеринарный лазарет, а также 257-я полевая хлебопекарня, 761-я полевая касса, 1414-я полевая почтовая станция, отдельный стрелковый взвод Особого отдела НКВД и сам Особый отдел, военная прокуратура, военный трибунал и гурт скота. На 8 октября дивизия насчитывала (по списку) 11657 человек, что оказалось даже больше, чем полагалось по штату (11636 человек). Коммунистами были 783 воина (6,7%), комсомольцами – 391 (3,4%) [8, л. 17, 25, 27].

Несмотря на интенсивную подготовку, сокращение сроков формирования сказалось на готовности дивизии и ее оснащении. Так, в «Акте проверки состояния дивизии» и других отчетных документах отмечались недостаточная «сколоченность» штабов и подготовка батальонных командиров, что «сильно снижает оперативную и тактическую мобильность дивизии», а также «слабая подготовленность командного и политического состава подразделений». Дивизия не получила противотанковую артиллерию (18 45-мм орудий), 122-мм полковые минометы (18 штук) и огнеметы. Не хватало автотранспорта (он набирался из городского хозяйства Сталино): на 8 октября имелось 146 автомобилей разных типов, пять тракторов и шесть мотоциклов (по штату полагалось, соответственно, 211, пять и семь). Ощущалась необходимость «в срочном текущем ремонте» машин, запчастях и резине [8, л.23, 29, 30, 33, 44; 7, л.29]. Впрочем, далеко не все было плохо.

«Нас хорошо одели, обули, снабдили продовольствием, – вспоминал командир дивизии К.И.Провалов. – Но самое главное – дивизию хорошо вооружили», артиллерийские системы «были еще в заводской смазке и упаковке». Во время боев в Донбассе не было недостатка и в различных боеприпасах. Пополнение имело неплохую подготовку, 80% личного состава выполнили стрельбы на «хорошо» и «отлично» [26, с.13–14, 49].

На 8 октября в дивизии имелось 129 станковых (разных калибров) и 168 ручных пулеметов, 54 батальонных (82-мм) и 81 ротный (50-мм) миномет (полный комплект), все восемь 122-мм гаубиц, 22 (из 28) 76-мм орудия, четыре 37-мм зенитные автоматические пушки (из 10). Конским составом дивизия была укомплектована на 97% (2683 лошади из 2745, положенных по штату) [7, л.29; 8, л.29, 30]. Все это свидетельствовало о том, что оснащению дивизии командование уделяло большое внимание.

В «Акте проверки» указывалось, что дивизия «в целом вполне боеспособна». Политико-моральное состояние личного состава характеризовалось как «здоровое»: люди «горят желанием идти в бой, обещая мужественно и героически защищать нашу Великую социалистическую родину» [8, л.28]. Однако сокращенные сроки формирования сказались и тут: командиры и политработники, сотрудники специальных органов не успели досконально ознакомиться с личным составом.

1 октября 383-я сд выдвинулась на северо-запад и запад от Сталино, в район Гришино – Улаклы, войдя в подчинение командующего 12-й Армией. На следующий день она заняла рубеж Красноармейское–Се-

лидовка. Однако противник (1-я ТГр) пошел не на Сталино, а повернул на юг, что потребовало изменить дислокацию. Дивизия «совершала передвижения по фронту, производя одновременно окопные работы», с 9 по 13 октября находясь в подчинении 9-й Армии [6, л. 147; 16, с. 73, 249]. А после того, как 18-й Армии удалось вырваться из окружения, дивизия вошла в ее состав и заняла новый рубеж обороны в районе Солонцовки – Васильевки. В бой она вступила 14 октября в районе населенных пунктов Успеновка, Александринка, Елизаветовка, Ново-Михайловка (юго-западнее Сталино). Отведенный ей участок фронта был широк, более 60 километров, что превышало предписываемые уставом нормы. На своем правом фланге 383-я сд имела противником 3-ю итальянскую кавалерийскую дивизию (3-я Подвижная дивизия «Челере», входившая в состав Итальянского экспедиционного корпуса в России), на левом и в центре – немецкую 4-ю горнострелковую дивизию 49-го горнострелкового корпуса.

С 15 по 22 октября 383-я дивизия, как отмечало ее командование, вела «очень сильные бои» в районах Елизаветовка – Екатериновка – Константиновка, Александровка – Марынка, Георгиевка – Максимил-

Итальянские мотоциклисты-берсалеры из 3-й подвижной дивизии в пригороде Сталино. Октябрь 1941 г.

лиановка, Мандрыкино – Авдотьино, Андреевка и Сталино [6, л. 147]. И дралась стойко и героически, вплоть до рукопашной. Так, 15 октября воины 694-го стрелкового полка, которым командовал капитан Ш. И. Кипиани, уничтожили и пленили 400 итальянцев (из 3-го кавалерийского полка «Савойя»). 691-й стрелковый полк (командир майор С. Е. Ковалев) два дня дрался «почти в полном кольце», «до конца защищая гор. Сталино» [7, л. 2].

В донесении Политуправления Южного фронта «О боевых действиях, политико-моральном состоянии и партийно-политической работе в войсках фронта» от 31 октября 1941 года отмечалось, что с 15 по 22 октября части 383-й сд уничтожили до 5500 человек пехоты и кавалерии, 16 станковых пулеметов, 16 мотоциклов, девять автомашин, четыре танкетки, до четырех минометных и две артиллерийские батареи противника [2, л. 502]. Танкетки – это по всей видимости, итальянские L3/33. Даже если данные о потерях живой силы оказались сильно завышены (это распространенное явление для любой армии), ущерб врагу все равно был нанесен немалый, и его в течение нескольких дней удавалось сдерживать. О том, что наступление на Донбасс не стало легкой прогулкой, подтверждал и противник. «Наше продвижение вперед сопровождалось непрерывными интенсивными и ожесточенными боями, когда инициатива переходила из рук в руки», – вспоминал командующий итальянским корпусом Джованни Мессе [24, с. 130].

Успешные действия 383-й сд были отмечены начальством. В Приказе командующего Южным фронтом генерал-полковника Я. Т. Черевиченко (№26 от 17 октября) среди прочего говорилось, что эта «молодая, недавно сформированная из горняков Донбасса» дивизия в бою 16 октября «проявила образцы стойкости и мужества. Отразив неоднократные атаки противника и нанеся ему значительные потери в этом бою, дивизией захвачены трофеи¹: одно орудие, несколько пулеметов, мотоциклов и взяты пленные, в том числе и офицеры». От имени Военного совета фронта всему личному составу, участвовавшему в бою, была объявлена благодарность. Отличившиеся бойцы, командиры, политработники и командир дивизии, подлежали награждению [16, с.98–99].

Но и собственные потери оказались велики. Уничтожив в районе Елизаветовки – Екатериновки более двух батальонов немцев (по нашим данным), почти полностью погиб батальон 691-го полка. Из его состава уцелело всего 20 человек. 16–17 октября в бою у деревни Елизаветовка и хутора Веселый Гай пал 2-й батальон 696-го стрелкового полка

¹ Так в тексте.

(командир полка подполковник М.И. Мартынов). Сдерживая атаки противника и ведя бой в окружении, он свою задачу выполнил, уничтожив при этом свыше 300 немцев, подбив танкетку, бронемашину и несколько мотоциклов. Но к своим смогли выйти лишь шесть человек: раненый комбат, младший командир и четверо бойцов. 18 октября с 5 часов утра до 18 часов вечера полк вел бой в районе Александровка – Максимилиановка. В упорном бою, по данным штаба дивизии, было уничтожено до полутора полков пехоты немцев (на деле, очевидно, меньше). Но и наши утраты были значительны. В 696-м полку осталось 800 человек, он лишился многих единиц вооружения, в том числе до 14 станковых пулеметов. 19 октября в районе Марьевки и Александровки полк был обойден с флангов и после десятичасового боя вышел из «мешка» еще более ослабленным. В ходе боя погибли полковые документы, в том числе по учету личного состава. Всего же за эти дни дивизия потеряла убитыми и ранеными более трех тысяч человек [6, л. 147; 11, л. 176; 2, л. 473].

По приказу вышестоящего командования, дивизия отошла и 19 октября заняла оборону на окраинах Сталино (от Горняка до Авдотьино). Но отстаивать столицу Донбасса не пришлось. Войскам Южного фронта уже был определен новый боевой рубеж: от Красного Лимана через Артемовск, Горловку, Иловайск, Амвросиевку и Мамаев Курган до Таганрога. Однако дивизия вступила в бой на окраинах Сталино и под Ясиноватой. Потери противника оценивались советской стороной в размере до полутора тысяч пехоты (немцы) и эскадрона кавалерии (итальянцы), до 20 танков и бронемашин [2, л. 473]². В ночь на 21 октября дивизия оставила город, отойдя через промежуточные рубежи к реке Миус.

Несмотря на общий итог боев, 383-я дивизия сражалась упорно и храбро. Как и дравшиеся южнее 38-я кавалерийская и 395-я стрелковая (тоже «шахтерская») дивизии, она сыграла важную роль в обороне Донбасса и срыве стратегических планов противника. А потом случилось то, что случилось – массовое дезертирство, в количественном выражении равное боевым потерям. Почему же так произошло?

«Звоночки» о том, что с моральным состоянием некоторых военнослужащих дивизии не все в порядке, были и раньше. Помимо упоминаний о «нездоровых настроениях» по поводу плохой организации питания в пути и антиеврейских высказываниях, отмечалось, что еще в период формирования (7–21 сентября) 42 человека предстало перед

² В своих мемуарах Провалов указывал куда большее количество уничтоженных танков и бронетранспортеров: несколько десятков в боях за Сталино, 57 – на его окраинах, а всего к 9 ноября – до 100 одних только танков [26, с. 40, 58, 79]. Однако эти цифры сильно завышены.

судом. Из них 21 – за дезертирство, в том числе 15 было приговорено к высшей мере наказания, шестеро – к 10 годам заключения (с отсрочкой до окончания войны и отправкой на фронт). Разные сроки (на тех же условиях) получили и 14 человек, совершившие самовольные отлучки, а также один, обвиненный в разжигании национальной вражды (антиеврейской). Еще шестеро получили высшую меру за антисоветскую агитацию и контрреволюционную пропаганду [8, л.28, 42, 52].

В донесении Политуправления Южного фронта «О боевых действиях, политико-моральном состоянии и партийно-политической работе в частях Южного фронта» от 10 сентября начальник Политуправления бригадный комиссар М.И.Мамонов отмечал следующее. «Не имея по существу никакого руководства со стороны Харьковского военного округа, командование дивизии и частей распустило личный состав, который своим поведением в городе Сталино дискредитирует Красную Армию. За последнее время со стороны многих военнослужащих этой дивизии проявляются случаи хулиганства, антисоветских и антисемитских действий, мародерства, доходящих до бандитизма» [2, л.333]³.

Так, 27 августа в поселке «Стандарт» пьяная группа военных (включая двух лейтенантов) в магазине №46 потребовала папиросы, а когда заведующий попытался его закрыть, разбила стекла, забрала папиросы и бутылки вина. 28 августа инцидент случился в магазине №4 поселка Шахты №1–2. Началось все с требования нетрезвых военнослужащих немедленно выдать им хлеб. Завмаг попросил подождать, пока хлеб разгрузят, но дебоширы разбила двух продавцов. Инициаторы конфликта сопровождали свои действия антисоветскими и антисемитскими выкриками. Виновники были арестованы и доставлены в суд. 5 сентября в Рутченково военными был избит заведующий пивной лавкой, у него отняли 500 рублей. Один из хулиганов был задержан. А 6 сентября военные напали на милиционера, конвоировавшего задержанного. Задержанный был отбит, толпа численностью свыше 100 человек явилась к отделению милиции, разбила камнями начальника паспортного стола Галкина и обезоружила работника уголовного розыска Кутько.

Мамонов утверждал, что «Политуправление ХВО совершенно безответственно относится к формированию 383 сд и не принимает никаких мер к наведению порядка в ней, не проводит партийно-политической работы в дивизии и должно нести ответственность за состояние дивизии» [2, л.333, 334, 335].

³ В тексте документа номер дивизии ошибочно указан как «283».

Большие потери, понесенные 393-й дивизией, повлекли разбирательство. В объяснительной записке (от 29 октября), которую командир дивизии полковник К. И. Провалов, военный комиссар старший батальонный комиссар М. С. Корпьяк и начальник штаба полковник И. А. Шевченко направили на имя начальника Отдела укомплектования 18-й Армии, потери объяснялись несколькими причинами. Во-первых, подчеркивалась тяжесть боев. Во-вторых, обращалось внимание на непрерывный двухнедельный переход (2–15 октября), предшествовавший боевым действиям, а затем отход «под сильным натиском противника» на широком фронте (в 18–20 километров), что затрудняло действия командования («управлять было почти невозможно»). Люди были утомлены, отставали, часть из них потом догоняла свои части.

А в-третьих, указывалось на дезертирство. Провалов, Корпьяк и Шевченко объясняли его двумя причинами. В первую очередь, социальными обстоятельствами и ошибками, допущенными при формировании подразделений. «Дивизия была сильно засорена в прошлом кулацкими элементами, – отмечали они. – Еще в момент комплектования в дивизии было произведено до 50 арестов за различную антисоветскую деятельность (террористические настроения, подготовка к сдаче в плен и др.)». 300 человек (бывших кулаков, уголовников, контрреволюционеров) «было уволено без репрессий». Однако «часть из них осталась и в период боевых действий» дезертировала [6, л. 147].

Такое положение стало следствием социально-экономических процессов, происходивших в стране в конце 1920-х – 1930-е годы. Прежде всего, речь идет о коллективизации и сопутствовавшем ей раскулачивании, что обострило социальные противоречия и спровоцировало новый раунд «классовой борьбы». Кроме того, надо иметь в виду усиление репрессивной политики государства по социальному и политическому принципу. В условиях начавшейся индустриализации на шахты и заводы Донбасса, на стройки пятилеток хлынул поток людей. Были среди них и те, кого власть рассматривала как «социально чуждый элемент»: «кулаки», выходцы из «чуждых» социальных групп и классов, «лишenci», представители духовенства, репрессированные, члены их семей. На шахтах, стройках, заводах можно было затеряться от ока государства и его «органов», а приобретя статус «рабочего» – рассчитывать на социальные преимущества. Наконец, на Донбассе, как и в любом промышленном и урбанизированном регионе, наблюдалось такое явление, как повышенный уровень социального напряжения, который выливался в хулиганство и преступность.

НКО-СССР
Ш т а б 388 Стрелков.
Д и в и з и и
29.10.41
№ 4/45

Сов. секретно
экз. № 1

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА УКОМПЛЕКТОВАНИЯ 18-й АРМИИ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

РАСКОМПЛЕКТОВАНО

Дивизия 1-го октября вышла в район боевых действий /ГРИШИНО-УЛАКЛЫ/ вступив в подчинение 10-й Армии. Начиная с 2-го октября вследствие складывавшейся обстановки дивизия все время совершала передвижение по фронту производя одно-временно окопные работы. К 14-му октября дивизия заняла оборону СОЛНЦЕВКА, АЛЕКСАНДРОВКА по фронту более 60 км. Все эти передвижения в чрезвычайно сложных условиях исключительно сильно отразились на физическом состоянии бойцов. 14-го октября дивизия начала вести бои с 8-й итальянской дивизии на правом фланге и 28-й немецкой мотодивизией на левом фланге. С 15 по 22 октября шли очень тяжелые бои в особенности в районе ЕЛИЗОВЕТОВКА- ЕКАТЕРИНОВКА -КОНСТАНТИНОВКА, АЛЕКСАНДРОВКА- МАРЬИНКА, ГЕОРГИЕВКА- МАКСИМИЛИАНОВКА, МАНДРИНО- АВДОТЬИНО, АВДЕЕВКА, СТАЛИНО.

В результате непрерывных сильных боев, длительных маршей и отходо в дивизия понесла большие потери в людском составе и материальной части.

1. В непрерывных боях дивизия потеряла более 3.000 убитыми и ранеными. Например: - в районе ЕЛИЗОВЕТОВКА- ЕКАТЕРИНОВКА, где было уничтожено более 2-х батальонов немцев, полностью погиб батальон 691 сп со всей материальной частью, вышли из боя только 20 чел. В районе АЛЕКСАНДРОВКА-МАКСИМИЛИАНОВКА 18-го октября оборонялся 696 сп -бой длился с 5.00 до 18.00. Полк упорно оборонял рубеж на который наступала 23-я немецкая мото-дивизия. В этом бою было уничтожено до полутора полка пехоты немцев. Одновременно 696сп потерял до 14-ти станковых пулеметов, много ручных и другого вооружения, людей в полку осталось 800 чел.

2. Второй причиной больших потерь в людском составе является: непрерывные переходы со 2-го октября и с 15-го октября отход под сильным нажимом противника. Полки отходили на фронте 18-20 км., управлять было почти невозможно. Люди, в результате непрерывных боев и маршей, настолько были переутомлены, что падали от изнеможения и отставали от своих частей, часть из них впоследствии догоняла свои части.

3. Третьей причиной потерь является дезертирство. Дивизия была сильно засорена, в прошлом, кулацкими элементами. Еще в момент комплектования в дивизии было произведено до 50 арестов за различную антисоветскую деятельность, террористические настроения, подготовка к сдаче в плен и др./ 300 человек было уволено без репрессий /в прошлом кулаков, уголовников, контрреволюционеров/. Однако часть из них осталась, которая в период боевых действий дезертировала.

- 2 -

Большое количество дезертиров объясняется еще и тем, что дивизия действовала в своем районе комплектования. Верный шахт, водопроводов, отсутствие снабжения семей сильно отразились на моральном состоянии личного состава. Все это усугублялось еще и тем, что местные власти преждевременно бежали не эвакуируя мужское население.

Считаю, что эти причины являются основными в потерях личного состава. Что касается материальной части в особенности автоматике то она была уничтожена в бою. До 18го октября дивизия потери имела очень незначительные.

При сем прилагаются сведения о потерях по ф. №В и 1Л за период с 10 по 22 октября.

Приложение: упомянутое на _____ листах.

КОМАНДИР 383 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
ПОЛКОВНИК

/ ПРОВАЛОВ /

КОМИССАР 383 СД
СТ. БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР

/ КОРИЯК /

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 383 СД
ПОЛКОВНИК

/ ШЕВЧЕНКО /

29.10.41 г.

Слева и сверху – объяснительная записка командования 383-й сд
о причинах потерь. ЦАМО РФ. Ф. 18 А. Оп. 6372. Д. 4

Уголовный элемент, за редким исключением, асоциален, даже во время войны. А что касается «социально чуждых» и репрессированных, то многие из них, отторгнутые коммунистическим государством, таили на него обиду или злобу. Не все были готовы простить личные обиды и увидеть разницу между строем и Родиной, на которую напал враг, а кто-то мечтал вернуть имущество и положение, рассчитаться с обидчиками. Не все верили тому, что говорилось о бесчеловечности захватчиков, считая это пропагандой. Немало нашлось людей (не только на Донбассе), наивно полагавших, что немцы остались такими же, как в 1918 году, что они никого (может, за исключением коммунистов и евреев) не станут притеснять и истреблять. Или что немцы вообще пришли для

того, чтобы освободить Россию от коммунистов. О том, что эти надежды наивны и беспочвенны, становилось ясно вскоре после прихода немцев.

В Постановлении Военного совета 18-й Армии №004 от 4 ноября по делу 383-й сд упоминалось, что дивизия сформирована «из контингентов, проживающих в Сталинской области», где и вступила в сражения. Это «требовало от командования и в особенности от партийно-политического аппарата исключительно ответственной работы и твердости, чего в самом деле не было», констатировалось далее. Дивизия была укомплектована «в основном хорошими шахтерскими кадрами, но без достаточно строгого контроля за составом призывников, в результате чего в ее ряды проникло немало бывших кулаков, репрессированных и антисоветских элементов, что требовало от командования, политорганов, Прокуратуры и Особого Отдела дивизии особой ответственности за изучение людей, усиление бдительности и работы по очистке» ее рядов. И такая работа проводилась. Но, «несмотря на изъятие из дивизии около 300 человек, в дивизии остались еще невычищенные и неразоблаченные антисоветские элементы», говорилось в Постановлении [3, л. 508].

Но командование дивизии объясняло массовое дезертирство (как следствие падения боевого духа и низкого морального состояния воинов) и другой причиной, о которой вышестоящее начальство предпочло не упоминать. А именно обстановкой, сложившейся в регионе в октябре. Подрывы шахт, заводского оборудования, железнодорожных путей, водопровода, электростанций, уничтожение добытого угля (чем занимались и подрывные команды 383-й дивизии), перебои или отсутствие снабжения населения, в том числе семей военнослужащих, – все это отразилось на моральном состоянии личного состава. Об этом докладывали Провалов, Корпьяк и Шевченко [6, л. 148]. На моральное состояние влияло и присутствие женщин-солдаток (жен, матерей, родственниц воинов), которые толпились у штаба дивизии еще до ее убытия на фронт, прося и требуя объяснить происходящее, успокоить. Появлялись женщины в ее расположении и потом – на позициях (для помощи) и при отступлении [26, с. 21, 32, 33]. Нервное состояние «усугублялось еще и тем, что местные власти преждевременно бежали, не эвакуируя мужское население», отмечало командование дивизии [6, л. 148].

Просчет командования Харьковского военного округа состоял в том, что дивизию оставили воевать в районе ее комплектования. На решение повлияла изменившаяся обстановка на фронте, но ошибка была заложена изначально. Между тем, об опасности такого принципа было известно.

Об этом Военный совет извещал начальник Политуправления фронта бригадный комиссар М.И.Мамонов в донесении «О боевых действиях, политико-моральном состоянии и потерях начальствующего состава в войсках Южного фронта» от 12 сентября 1941 года. «Опыт боев показывает, – писал он, – что комплектование частей людьми из районов, оккупированных противником (местностей, недавно освобожденных от врага в результате контрударов. – *А.М.*), нецелесообразно, так как призванные из этих районов в части Южного фронта люди, семьи которых остались на территории, занятой противником, в ряде случаев в бою ведут себя плохо. Имеют место и много случаев сдачи в плен врагу. Целесообразно было бы людей, комплектуемых на территории Южного фронта, особенно тех районов, которые оккупированы противником, направлять на другие фронты, а с других фронтов и областей присылать пополнение для Южного фронта. Это в значительной степени сократило бы случаи сдачи в плен и переход на сторону врага» [2, л.346]. И, добавим, дезертирство.

Однако отказаться от ввода в бой «шахтерских» дивизий то ли не успели, то ли не сочли нужным. Сформированная в Ворошиловграде 395-я сд воевала южнее, в полосе 9-й, а затем 18-й Армий, а Ворошиловградская область еще не была занята противником. 411-я и 393-я дивизии были направлены в состав 6-й Армии Юго-Западного фронта на Харьковское направление. А вот 383-я воевала прямо у себя дома. Пока не стало понятно, что Донбасс придется оставить, стойкость сохранялась. Но то, что произошло при поспешной эвакуации региона и оставлении Сталино, сказалось на боеспособности соединения и сыграло злую роль в судьбе самих дезертиров и их семей, а также в судьбе их соседей и земляков, сохранивших верность Родине, присяге и совести.

Донецкий регион был настолько важен для экономики страны, что о его сдаче не хотелось и думать. «Все были убеждены, что немцы сюда не дойдут», – вспоминал В.Е.Семичастный, видный государственный деятель (в 1961–1967 гг. председатель КГБ СССР), в описываемый период занимавший должность секретаря узлового комитета комсомола в городе Красноармейское Сталинской области (с 1962 года – Красноармейск). И даже когда фронт подошел вплотную, «печать и радио успокаивали: "Донбасс не отдадим! Ни шагу назад!"». Эвакуация началась накануне появления немцев, проходила спешно, и это «была трагедия для Донбасса» [27, с.62, 63, 64].

Государственные и партийные органы, военные проделали огромную работу по эвакуации промышленных мощностей, материальных ценно-

стей и людей, в том числе с территории Донбасса. Но сделать удалось далеко не все. Неожиданный прорыв противника показал, что эвакуация объектов и населения Сталинской области началась запоздало. К примеру, Военный совет Южного фронта отдал приказ об эвакуации заводского оборудования и других материальных ценностей лишь 8 октября, менее чем за две недели до захвата главных центров Донбасса. В Мариуполе и вовсе оказалось захвачено в полной исправности большое количество предприятий с продукцией и запасами сырья. Оттуда не успели эвакуироваться даже партийный актив и до 10 тысяч коммунистов [2, л.407].

Однако нередко бывало и так, что первыми уезжало как раз начальство и актив – и в рамках эвакуации, и самостоятельно. Подобное уже отмечалось (при приближении противника и даже когда он был еще далеко) в Молдавской ССР, Одесской области, Запорожье, Днепропетровске и др. С одной стороны, тревога партийных и руководящих работников понятна: их самих и членов их семей враг уничтожил бы в первую очередь. Но, с другой, – начальник не имеет права терять самообладания, бросать вверенных ему людей и объекты на произвол судьбы.

В донесении Политуправления Южного фронта «О ходе эвакуации оборудования, материальных ценностей и работе местных советских и партийных организаций» от 28 октября 1941 года отмечалось, что «некоторые руководители местных партийных и советских организаций вместо того, чтобы организовать эвакуацию населения и государственных ценностей, спешат вывезти свое личное имущество и семьи, и в числе первых уезжают сами. Нередко выезды руководителей носят характер панического бегства» [2, л.443].

Случалось, что на произвол судьбы бросалось ценное имущество и документы. Так, секретарь Добропольского райкома партии Сталинской области Ильин сбежал, «когда линия фронта была еще в 30–40 километрах». В пустом здании райкома, наряду с двумя мешками пороха и охотничьими пробками, были «обнаружены списки партийных организаций района, список секретарей первичных организаций, учетные бланки кандидатов [в члены] партии и разные каучуковые штампы» [2, л.443]. Все это досталось бы (а нередко и доставалось) врагу. Такие случаи были не единичны.

Отмечалось, что «отдельные руководящие работники местных органов используют для эвакуации своих семей и имущества вагоны, предназначенные для вывозки определенных государственных ценностей». Люди, ожидавшие эвакуации, «открыто выражали свое возмущение бег-

ством» начальства. Отмечалось, что у мобилизованных в армию «неудовлетворительная подготовка эвакуации» вызывает «тревогу за судьбу их семей» и выливается в «нездоровые настроения у отдельных военнослужащих» [2, л. 443, 444]. «Резко выраженное недовольство» населения эвакуацией семей «руководящих производственных и партийных работников» и их самих констатировали и сотрудники НКВД [3, л. 423].

В донесении Политуправления фронта от 6 ноября указывалось, что эвакуация предприятий, уничтожение оборудования, материальных ценностей и продовольственных товаров (которые эвакуации не подлежали) в условиях неопределенности, тревоги, неразберихи, плохой разъяснительной работы среди населения и нередкого бегства начальства вызывали «недовольство отдельных групп населения и даже противодействие мероприятиям по уничтожению оборудования». А у бойцов и командиров, которым плохо разъяснялись причины отступления, – появление «неясных и неправильных суждений как по текущему моменту, так и по вопросам наших перспектив в борьбе с фашизмом» [2, л. 548].

Отмечалось и то, что во многих районах партийные и советские организации «забросили работу с населением, оставляя его без руководства и обслуживания» (впрочем, и сами коммунисты, в том числе руководящие работники, нередко оставались неинформированными о состоянии дел). Указывалось, что они слишком рано (когда враг был еще далеко, а предприятия не были эвакуированы), рассчитывали работников, оставляя их без средств к существованию. Или, наоборот, не выплачивали причитающегося (как и пособий семьям военных). Скажем, заведующий финансовым отделом Донецко-Амвросиевского района «сбежал, оставив рабочих и служащих мелких предприятий без зарплаты». Порой причиной тому становилась не только неразбериха, но и участвовавшие под ее прикрытием хищения. Останавливался подвоз продуктов и муки, выпечка хлеба. Это озлобляло людей. «В результате, – делался вывод, – создаются условия для паники, бесчинств, грабежей, начинают поднимать голову контрреволюционные элементы» и уголовники. Фиксировались случаи мародерства и даже вооруженных нападений на эвакуируемое имущество, в частности, на угоняемые в тыл стада скота [2, л. 444, 445, 446; 4, л. 264].

Развивавшиеся на фоне указанных обстоятельств тревога и паника дополнялась тяжелыми мыслями о беспечности сопротивления, слухами о падении Москвы. А еще – погодой, влиявшей на душевное состояние: затяжными осенними дождями, слякотью, свинцовым небом. Бойцы 383-й дивизии, «измотанные до предела», «уставшие и злые»

[26, с. 45] от понесенных потерь и того, что оставляют врагу родные места, проходили мимо своих домов, где находились их семьи, родные. Основная масса дезертировавших родилась до революции и даже до начала Первой мировой войны, то есть им было около тридцати лет или за тридцать. Крик и плач женщин и детей, слезы, упреки, увещевания. И многие – до трети от первоначального состава дивизии – остались, избрав судьбу дезертиров.

Имелись таковые не только в 383-й сд, но и в других соединениях (например, 296-й сд, 419-м эвакуолазарете, 479-м ветлазарете, тыловых частях 18-й Армии и др.) [2, 520, 521]. Много было местных жителей, уклоняющихся от призыва. К примеру, военком 269-го артиллерийского полка АРГК батальонный комиссар Смирнов докладывал в Военный совет Южного фронта о том, что в Станично-Луганском районе «много имеется дезертиров, которые скрываются по оврагам и в колхозных стогах, много имеется случаев, когда на призыв не являются из сел по 100–200 человек, которые также скрываются на территории района». Отмечались даже случаи дезертирства коммунистов [4, л. 401]. В Сталинской и Ворошиловградской областях в «поселках и городах много людей призывных возрастов, много дезертировавших мобилизованных с оборонных работ». В немалой степени в такой ситуации были повинны уезжавшие работники военных комиссариатов. Как сообщал командующий 18-й Армии генерал-майор В. Я. Колпакчи, в большинстве населенных пунктов Сталинской области «остались годные к службе ресурсы». В одном Орджоникидзе удалось собрать примерно тысячу человек [4, 264, 267].

«Случаи дезертирств в некоторых частях принимают массовый характер. Борьбе с этим злом... необходимо... уделить большее внимание со стороны заградительных отрядов и органов прокуратуры», – отмечали работники Политуправления фронта [2, л. 522]. Необходимо было наладить работу военкоматов и «усилить борьбу с дезертирством, шпионажем, провокаторами, паникерами и другими преступными элементами» [4, л. 268]. И меры принимались. Что касается 383-й сд, то в ее частях «за контрреволюционные выступления, дезертирство и другие преступления военным трибуналом осуждены 41 человек, из них 21 человек приговорен к расстрелу», – отмечал 20 октября заместитель начальника Политуправления Южного фронта полковой комиссар Л. И. Брежнев [2, л. 433]. Борьбу предписывалось вести путем усиления политической и разъяснительной работы с военнослужащими и гражданским населением. Подчеркивалась необходимость объяснения причины отступле-

ния и оставления Донбасса, а также настоятельная потребность наведения порядка в эвакуационных мероприятиях и укрепления дисциплины в среде представителей гражданских властей.

Справедливости ради надо отметить и обратный дезертирству факт: с дивизией отступали не только отбившиеся от своих частей и маршевых рот военные, но и сотни гражданских лиц, члены семей военнослужащих. Многие из них вступали в строй [10, л. 119; 26, с. 65, 66, 93, 94].

На совещании руководящего состава дивизии, состоявшемся 9 ноября, были вскрыты ошибки ее командования, командиров и бойцов в организации и ведении боевой работы, работе тыла (состояние которого влияло на моральное состояние воинов), но было отмечено, что дивизия ни разу не отошла без приказа, а бойцы и командиры «в своей массе дрались очень хорошо» [26, с. 79, 80].

Ситуацию в дивизии оценило и вышестоящее начальство. Выяснилось, что Особый отдел и прокуратура 383-й сд получили «ряд сигналов» об имеющихся антисоветских настроениях и высказываниях и даже «о наличии террористических групп». И эти группы действовали. В Постановлении Военного совета 18-й Армии указывалось, что в разведвзводе 465-й отдельной мотострелковой разведывательной роты в отношении его командира лейтенанта Д.В.Коровина (погиб), военкома роты политрука Д.И.Коновалова (пропал без вести) и уполномоченного особого отдела Сухарева был совершен теракт, после чего совершившие его «перешли с оружием на сторону врага». Однако, несмотря на наличие сигналов, представители упомянутых органов не приняли надлежащих мер.

Даже тогда, когда дезертирство стало принимать массовый характер, («в особенности в период нахождения частей в пунктах жительства мобилизованных»), дезертиров, трусов и паникеров не судили и не расстреливали, хотя командование дивизии и принимало меры (но «недостаточные») к расстрелу таковых на месте. Не вел работу (по своей линии) и Политотдел дивизии. Вместе с тем вскрылось самоуправство начальника Особого отдела младшего лейтенанта госбезопасности Дралина, который проводил «не вызывавшиеся необходимостью расстрелы по самим им составленным постановлениям, содержал без следствия длительное время арестованных, затягивая дела» [3, л. 508, 509]. Нельзя исключить того, что такое самоуправство могло у кого-то спровоцировать «антисоветские настроения» и подтолкнуть к дезертирству.

Были приняты кадровые решения: «за бездеятельность, потерю большевистской бдительности и невыполнение своего дела, в ре-

зультате чего имели место тяжелые последствия», сняты с должности, арестованы и отданы под суд прокурор дивизии, военюрист Загорулько и начальник Особого отдела Дралин. Как «не справившегося» и не обеспечившего работу сняли с должности с понижением начальника Политотдела дивизии батальонного комиссара С. Ф. Олейника. Начальнику Особого отдела и прокурору 18-й Армии было дано указание пересмотреть состав оперативных работников с целью укрепления дивизии и наладить их работу.

Военком дивизии старший батальонный комиссар М. Корпьяк получил выговор со строгим предупреждением. В отношении командира дивизии, полковника К. Провалова, Военный совет постановил ограничиться строгим предупреждением. На решение повлияло то, что к боевой работе соединения претензий не было, более того, отмечалось, что ее личный состав «стойко сражается с врагом», а командование воинского формирования и сам комдив приняли «ряд решительных мер к укреплению боеспособности дивизии» [3, л. 507, 509–510]. Последнее касалось не только пресечения дезертирства, но и установления его точных размеров. Приказом командования соединения №36 от 30 октября все командиры должны были представить в штаб и военную прокуратуру дивизии «списки с подробными анкетными данными на всех дезертиров» (начиная с 1 октября) и о «каждом последующем случае побега военнослужащего немедленно доносить» указанным адресатам с целью организации розыскных мероприятий и предания суду [9, л. 13].

Не обошли вниманием и вышестоящих начальников, ответственных за случившееся: помощь, оказанная дивизии политотделом и штабом 18-й Армии, была признана недостаточной. Для исправления ситуации в 383-й сд предписывалось направить туда группу ответственных работников, а также 600 человек пополнения из резервов Армии. В Постановлении №004 фактически признавалась и ошибочность «территориального» подхода к вводу в бой соединения. Командующий 18-й Армией генерал-майор В. Я. Колпакчи, члены ее Военного совета полковой комиссар А. С. Кузин и А. П. Кириленко просили Военный совет Южного фронта дать еще хотя бы 1500 бойцов и 50 командиров из числа «неместных контингентов» [3, л. 510].

Но что стало с дезертирами, как они жили в условиях оккупации? Раскаялись ли они в своем поступке или озлобились? Когда и как наступила (и наступила ли) расплата: после освобождения Донбасса или при немцах, когда совершенный малодушный или опрометчивый поступок повлек за собой новое предательство? Или они (или их часть) в 1943 году

вновь были призваны в Красную Армию и искупили свою вину перед Родиной? Ответ на этот вопрос выходит за рамки данной работы.

Немцам удавалось достаточно эффективно бороться с советским подпольем, в том числе на Донбассе. С этой целью они использовали местных коллаборационистов, сознательно или вынужденно пошедших на службу в полицию и административные органы. Сеть их, особенно в условиях многочисленных донецких городов и поселков, была велика. А их сотрудники знали не просто местные нравы, но и самих людей – своих соседей и знакомых: кем они были, чем жили. А если вспомнить, что фашистам доставались важные документы, списки коммунистов, а то и лиц, оставляемых для подпольной работы, то общее представление противника о скрытом противостоянии существенно расширялось.

Своим поступком дезертиры из 383-й и других дивизий, – местные уроженцы, уже были виновны перед Родиной и советской властью, а у «социально-чуждых элементов» это усугублялось (согласно законам того времени) их дополнительной «виной». Попавшие в безвыходную ситуацию, такие люди оказывались «на крючке» у оккупантов.

Сколько бывших военнослужащих 383-й сд пополнили ряды коллаборационистов? Подробные списки дезертиров есть. В том случае, если имеются аналогичные данные на полицаев и прочих лиц, сотрудничавших с врагом, это сравнение будет хотя и трудоемким, но вполне возможным исследованием.

Что касается дальнейшей судьбы 383-й стрелковой дивизии, то она продолжила свой боевой путь. Уже в донесении Политуправления фронта от 25 октября говорилось, что «наиболее стойко и решительно дерется с врагом 383 сд». В донесении от 31 октября подчеркивалось, что в боях 29-го числа «показали героизм и бесстрашие» воины 38-й кавалерийской и 383-й стрелковой дивизий [2, л.472, 502]. Последнее из упомянутых воинских подразделений сначала удерживало рубеж Чистяково – Снежное – Новый Донбасс, а с 29 октября закрепилось на реке Миус. Совместно с другой «шахтерской» дивизией (395-й), 383-я сд остановила наступление 198-й пехотной и 4-й и 1-й горнострелковых дивизий противника, удержав район Красного Луча. А главное – факт дезертирства не повлиял на исход боев за Сталино и отступление к Миусу.

На 26 ноября в 383-й сд числилось 5230 человек. В декабре за счет пополнения (в основном, из Закавказья) ее численность увеличилась, к 25 декабря достигнув 10261 человека. В числе арестованных на 13 декабря значилось 122 человека, на 21-е – 80 (по-видимому, это было эхом октябрьских событий). Дезертирство случалось, но гораздо

реже. Так, 22 ноября произошло три таких случая (из них в одном это был азербайджанец, в другом – местный житель) [14, л. 15, 16, 106; 13, л. 103, 104, 105].

25 декабря вместе с войсками фронта 383-я сд перешла в наступление, освободила ряд населенных пунктов Донбасса и удерживала эти рубежи до июля 1942 года. После начала летнего наступления противника дивизии вновь пришлось отступать – на Дон, Кубань, но в августе – сентябре она встала насмерть на подступах к Туапсе, не пустив врага к черноморскому побережью. А потом она наступала: освобождала сначала нашу землю (Кубань, Крым), затем Польшу и закончила войну в Германии [7, л. 2–6].

В октябре 1943 г. 383-я стрелковая дивизия была удостоена ордена Красного Знамени, в феврале 1945-го – ордена Суворова II степени. В 1944–1945 гг. за отличия в боях и проявленные при этом доблесть и мужество она получила почетные наименования «Феодосийская» и «Бранденбургская». А три ее полка – почетное наименование «Севастопольских». За годы войны 33 воина дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, а семеро стали полными кавалерами ордена Славы.

В общем, воевала дивизия стойко, храбро, умело и героически. Эпизод с дезертирством по понятным причинам не был упомянут в ее «Историческом формуляре». Но в истории дивизии, в истории войны, в истории обороны Донбасса этот факт, к сожалению, был. Без учета подобных обстоятельств невозможно объективное понимание трагических событий, которые довелось пережить советскому народу в годы Великой Отечественной войны. Иначе будет неполным ответ на такие вопросы, как: почему мы отступали и терпели поражения, почему враг сумел прийти на нашу землю и осуществлять политику угнетения, ограбления и геноцида. Достоверное научное знание о драматичных страницах нашего прошлого поставит заслон попыткам фальсификации истории.

Библиографический список

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228 (Южный фронт). Оп. 747. Д. 3.
2. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 747. Д. 3/1.
3. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 747. Д. 7.
4. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 747. Д. 15.
5. ЦАМО РФ. Ф. 18 Армии. Оп. 6372. Д. 2.

6. ЦАМО РФ. Ф. 18 Армии. Оп. 6372. Д. 4.
7. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 1. Д. 1.
8. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 1. Д. 97.
9. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 1.
10. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 5.
11. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 8.
12. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 4.
13. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 5.
14. ЦАМО РФ. Ф. 383 ед. Оп. 2. Д. 87.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7.
16. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 42. М.: Военное издательство МО СССР, 1960. 360 с.
17. Андриянов В.И. Повесть о шахтерских полках. Донецк, Донбасс: 1970. 150 с.
18. Бунтовский С.Ю. История Донбасса. Донецк: Донбасская Русь, 2015. 402 с.
19. Донеччина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Известные и неизвестные страницы истории. Донецк: АОЗТ «Издательство «Донеччина»», 2008. 432 с.
20. Жирохов М.А. Сражение за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2011. 319 с.
21. Исаев А.В. От Дубно до Ростова. Операции вооруженных сил на Юго-Западном направлении в июне – ноябре 1941 года. М.: АСТ, Гранзиткнига, 2005. 710 с.
22. Корпьяк М.С. Шахтерские залпы: воспоминания комиссара 383-й шахтерской стрелковой дивизии. Донецк, Донбасс: 1978. 127 с.
23. Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі. Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Київ: Основи, 2002. 510 с.
24. Мессе Дж. Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М.: Книжный мир, 2009. 288 с.
25. На рубежах шахтерского края: статьи, очерки, хроникальные материалы об оборонительных боях в Донбассе в начальный период Великой Отечественной войны / сост. Акульшин Д.Ф. Донецк, Донбасс: 1975. 140 с.
26. Провалов К.И. В огне передовых линий, М.: Воениздат, 1981. 351 с.
27. Семичастный В.Е. Спецслужбы СССР в тайной войне. М.: Алгоритм, 2016. 494 с.

Олег Волобуев

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЯЛТА. 1948–1950*

УДК

929

Очередной фрагмент воспоминаний посвящен рассказу о трудном послевоенном времени, когда автор учился в Ялтинском сельскохозяйственном техникуме. В тексте имеется ряд бытовых деталей, передается дух и настроения тех лет в восприятии юноши, описана производственная практика в одном из колхозов Судакского района. Большое внимание уделяется людям, которые в той или иной степени оказали влияние на формирование личности автора. Отдельные сюжетные линии посвящены его друзьям и сложной судьбе отца. В разделе «Трио книголюбителей» показано, как общие интеллектуальные интересы способствуют и личной дружбе, и творческому развитию в юные годы.

Another fragment of memoirs is devoted to the difficult post-war period, when the author studied at the Yalta Agricultural College. The text contains a number of everyday details, conveys the spirit and mood of those years in the perception of a young man, describes an industrial practice in one of the collective farms in the Sudak region. Much attention is paid to the people who influenced the formation of the author's personality. Some storylines are devoted to his friends and the difficult fate of his father. The author holds the idea that common intellectual interests contribute to both personal friendship and creative development in adolescence.

Ключевые слова: послевоенная Ялта; сельскохозяйственный техникум; преподаватели и учащиеся; друзья; литературные интересы; судьба отца.

Key words: post-war Yalta; agricultural college; teachers and students; friends; literary interests; father's fate.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

Продолжение. Начало см.: Журнал «Россия XXI». 2021. №№2; 5–6.

Возвращение в родные пенаты

Путь из Симферополя в Ялту вился по петляющей на горных склонах дороге. Меня укачивало, видимо, с непривычки, чего до войны

со мной не случалось. В Ялте нашел тетю Люсю, она работала в бухгалтерии какой-то организации и жила на улице Чехова. Стала совсем плохо слышать. Остановился временно у нее. И опять сюрприз: ночью меня искушали москиты, чего раньше тоже не бывало. В течение короткого времени то ли я привык к москитам, то ли они отстали от меня. Но это не повлияло на мое отношение к Ялте, от нее веяло чем-то родным. Набережная лишилась своих ресторанов-поплавков, и многого другого, не все дома на ней были восстановлены. Не восстановлен был морской вокзал. Однако элегантности и привлекательности город не потерял. Припортовая улица теперь была переименована в улицу имени американского президента Рузвельта. Черчилль такого почета не удостоился.

Ялта не только изменилась внешне. Из города интернационального, как все портовые города Северного Причерноморья, она стала моноэтнической, одноцветной. Были выселены и высланы в дальние края крымские татары, греки, армяне, болгары. Последние были отправлены на историческую родину. Почти не осталось евреев, большинство их теперь покоилось в расстрельной балке за Массандровским парком. Менялась топонимика: Дереккой стал Ущельным, Ай-Василь – Васильевкой. Сохранились, однако, названия средневекового греческого происхождения: Ялта, Алупка, Гурзуф, Симеиз, Кореиз. Речка Учан-су стала Водопадной. Базары потеряли прежнее фруктовое и овощное обилие, они больше не пахли айвой и персиками. На улице от рынка до Набережной исчезли продавцы чебуреков с их блестящими жестяными давулами¹. Ох, как я любил в детстве эти уличные чебуреки. С выселением татар ассортимент местных продуктов заметно обеднел. Чайки не собирались стаями вдоль береговой линии Набережной. Их перестали кормить кусочками булочек. Хлеба не хватало людям.

Ялта – город, который навечно (на мою заканчивающуюся вечность) врезался в память, сегодня напоминает женщину, потерявшую обаяние молодости. А вместе с обаянием молодости – привлекательность и притягательность. Он стал, как все наши «новострой». Когда-то на Набережной были специалисты, вырезавшие из черной плотной бумаги профили

¹ Давул – так называли переносную жестяную жаровню, двухуровневую конструкцию в виде барабана с тлеющим древесным углем на нижнем ярусе и с теплыми чебуреками или пирогами «янтък» – на верхнем. Давул носили на ремне через плечо, а ставили, помнится, на деревянный треножник.

приезжих, желающих оставить эти незатейливые сувениры на память о романтическом курорте. И мне кажется, что Ялта – словно кем-то вырезанный профиль, фигура без содержания, мумифицированный профиль.

Ялта ушла в свое крымское прошлое. Историческое время измеряется не только и не столько количеством лет. Оно измеряется тем, что после себя оставляет: монументы или каменную крошку, надгробные памятники или заброшенные могилы.

Года полтора после возвращения в Ялту я почти ежедневно совершал прогулки туда и обратно через весь город: от общежития (улица Красноармейская) на заречной стороне города, за Учан-су, до Массандровской слободки, где вскоре после моего приезда обосновалась тетя Люся. Путь пролегал через Набережную, с ее веерными пальмами, магнолиевыми деревьями у городского сада² и пушистыми ленкоранскими акациями³ на бульваре у порта, и вел к подножию приморской части Поликуровского холма. Именно с этого холма начиналось средневековое поселение, получившее название – Ялта (Джалита, Гиалита, Каулита и даже Эталита). Сейчас этот путь не показался мне столь долгим, как в детстве, когда от Поликуровской тетя Люся ходила со мной на улицу Санаторную, где в однокомнатной квартире жили бабушка и две тети по отцовской линии.

С детства я интересовался тем, откуда и как возникло то или иное название. И, конечно, запомнились объяснения, рожденные народным творчеством. Позже выяснил, что происхождение названий «Ялта» и «Поликур» ничего общего не имеют с народной этимологией – от «ялос» (что значит на древнегреческом «берег») и от фамилии Поликур (версия, слышанная мной в детстве, скорее всего, придумана по аналогии с микропонимией улиц Одессы в честь дюка (герцога) Ришелье, Дерибаса, Ланжерона). Название Ялты вписывается в топонимические ряды древнегреческого происхождения: Марсанда (современная Массандра), Никита (Сикита), юстиниановские Горзувиты (Гурзуф) и Алустон (Алушта), а также иные южнобережные названия с одинаковыми окончаниями – на «та». Другой топонимический ряд включает Поликур с его древнегреческой «хорой» (она стала произноситься как «кур»), что означает «местность, земля, урочище, округа античного полиса». Аналоги – Ко-

² *Этих магнолиевых деревьев, мне кажется, сейчас нет.*

³ *Ленкоранская акация, она же альбиция, имеет и другие наименования – Константинопольская акация, шелковое дерево. Последнее название получила из-за кроны с пушистыми венчиками цветов очаровательного розово-белого окраса.*

реиз (Куреиз, Хурэис, Кюриз), Мисхор (Месохори – средняя местность), Капсихор (возможно «горелое место», Судакский район)⁴. Кстати, один из ялтинских оврагов именовался Физхур. Вслед за авторитетными историками считаю, что название Поликур – это несколько переименованное Палеохора, т.е. старое место⁵.

Конечно, приехав в Ялту, я сразу побывал на ул. Санаторной у бабушки Марии Никифоровны и двух моих тетей – Ольги и Марии. В их квартире я встретился с отцом, который после демобилизации устроился на работу поваром в учительский санаторий «Кастрополь». От бабушки и тети Оли я узнал, что у отца очередная семья. Обиды не чувствовал, считал себя взрослым. Мне было 16 лет, у меня был паспорт, я помнил, что отец начал трудовую жизнь в те же 15–16 лет.

Кастрополь, бывшее имение московских инженеров Петрушиных, после революции, в 1924 г., стало учительским санаторием. Отцу Кастрополь был дорог светлыми воспоминаниями. Там он работал в 1930–1933 гг. и провел, надеюсь, лучшие годы своей жизни. Отец, вспоминая те счастливые крымские дни, проведенные с моей матерью, запечатлел свои чувства в поэтических строках:

*Моя маленькая змейка, моя девочка святая,
То, что с нами раньше было,
То не будет никогда.*

Если следовать китайской традиции считать человеческую жизнь со дня зачатия, то локализация дня моего рождения, думаю, падет на Кастрополь.

В первую же встречу после длительной разлуки отец предложил поехать с ним в его дорогой Кастрополь. Выбрались из Ялты в конце дня. Рейсовые автобусы тогда в такие глухие уголки не ходили, автобусом добрались до Симеиза, а затем двинулись вдоль берега моря. Семь–восемь километров вечерней прогулки по живописным и заброшенным в ту пору местам, и у меня с отцом устанавливается первое взаимопонимание. Мы нашли друг друга.

⁴Капсихор, по моему мнению, точнее переводить как «место обжига», ведь здесь обжигалась в большом количестве керамическая посуда. Но пусть этим займется кто-то из знатоков средневекового греческого (византийского) языка в его понтийском варианте. В таком переводе совмещаются лингвистическая и археологическая интерпретация.

⁵Городок с названием Палеохора имеется на юго-западном побережье Крита. А на греческом острове Эгина имеется урочище Палеохора с остатками древнего городища. На островах Эгейского моря можно найти аналоги крымских топонимов.

С жильем после войны было туго. (А когда в нашей стране с ним и со многим другим, необходимым для жизни, было легко?) Отец со своей новой женой, работавшей продавцом в единственном в Кастрополе магазинчике, имели одну комнату в небольшом доме в бывшем имении Жуковка, соседнем с Кастрополем. Встретила меня мачеха приветливо, познакомила со своей дочерью, возрастом младше меня. Определили спать на свежем воздухе. А южнобережный воздух, пропитанный парком и морем, был чудесным.

Самым волнующим вопросом для меня тогда стал выбор дальнейшего пути. Ни тетя Люся, ни отец по сложившимся обстоятельствам не могли стать мне опорой. Больше всего хотелось закончить среднюю школу, десятилетку. Но в трудные послевоенные годы не только я, но и многие другие ребята стремились поскорее приобрести специальность, причем не особенно отрываясь от дома, где как-никак, а кусок хлеба найдется. Надо было получать профессиональное образование. К моему сожалению, в Ялте незадолго до моего возвращения в Крым перестала функционировать школа юнг, куда я хотел поступить. Оставалось на выбор три техникума: сельскохозяйственный, медицинский, фармацевтический. Я выбрал первый. В медицину меня не тянуло. Может быть, был бы я в жизненном отношении опытнее, то пошел бы в фармацевтику. Не только я, но и многие другие ребята в трудные послевоенные годы стремились поскорее получить специальное среднее образование, стать, как говорится, на свои ноги.

Ялтинский сельскохозяйственный техникум южных спецкультур был создан в 1930 г. на базе Никитского училища садоводства, виноградарства и виноделия (основано при Никитском ботаническом саду в 1868 г.). Он располагался в построенном в 1914 г. здании в начале улицы Гоголя, недалеко от гостиницы «Интурист». Это когда-то был так называемый доходный дом Н.В.Савича (в начале XX в. в России широко развернулось строительство таких домов), имевший широкие лестницы и коридоры и ненамного уступавший по интерьеру ялтинским гостиницам того времени. К зданию примыкал небольшой дворик, где была оборудована волейбольная площадка. Просуществовал техникум в этом здании до начала 1960-х гг., когда был переведен в с. Маленькое Симферопольского района, где превратился в обычный сельскохозяйственный техникум (одна из глупостей хрущевского времени). На его месте ныне одна из городских средних школ.

В техникуме было три отделения: виноградарства и виноделия, садоводства и полеводства со специализацией по табаководству. Я подал

Ялта, ул. Гоголя, №8. Здание сельскохозяйственного техникума.
На первом плане в нижней части снимка русло реки Водопадной

заявление на отделение виноградарства и виноделия, но завуч техникума определил меня на отделение табаководства, ссылаясь на то, что по виноградарству мест на втором году обучения нет. Деваться было некуда, и я смирился с участью. Срок обучения составлял три года, но мне предстояло провести в техникуме два, что очень устраивало.

Как и в запорожском техникуме, занятия по специальности в основном вели высококвалифицированные преподаватели. Особенно уважаем был В.В.Скибин, преподаватель виноградарства и виноделия, влюбленный в свое дело специалист из дореволюционного поколения интеллигентов. Он учил, как дегустировать вина, и мы под его руководством проходили практику в подвале на территории научно-исследовательского института «Магарач», расположенного на склоне холма выше административного здания института⁶. Из других преподавателей не могу не упомянуть энтомолога А.П.Иловайского (с почтением и восхищением относившегося к любому жучку) и хромавшего С.С.Назарова, читавшего курс «мичуринской биологии». У него был «тяжелый» учебный курс по-

⁶ Магарач – в прошлом название греческой деревни и урочища на нынешней территории Ялты.

сле осуждения генетики как лженауки на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (акроним ВАСХНИЛ) в августе 1948 г. Подозреваю, что Назаров относился к мичуринской биологии весьма сдержанно, так как учился в свое время у генетиков, но, понятно, что вел курс согласно «указаниям сверху» и не позволял себе вольных высказываний (не то время было). Историю СССР преподавали по «Краткому курсу», учащиеся относились к ней без интереса и почтения. Учился я без энтузиазма, но и без троек, преимущественно «на отлично».

Жили учащиеся техникума в общежитии на ул. Красноармейской вблизи футбольного стадиона, в Заречье (правый берег речки Водопадной, она же Учан-су). Часто, сокращая путь, ходили через парк Месаксуди (теперь он называется «Пионерский парк»). Двухэтажный дом и усадьба-минипарк (дача Кучук-сарай) принадлежали Г.К.Месаксуди, сыну бывшего крупного крымского промышленника, владельца известных табачных фабрик в Керчи и Феодосии К.Месаксуди. Послевоенный парк был неухоженным, а строения выглядели заброшенно и сиротливо. Юрий Левитанский (позже) очень тонко уловил атмосферу усадьбы [2, с.244]:

*Дышит в саду запустелом ночная прохлада.
Мы старомодны, как запах вишневого сада.
Нет ни гостей, ни хозяев, покинутый дом.*

Наше общежитие располагалось в доме, напоминавшем казарму. Населено оно было разновозрастным «юношеством»: от пацанов только-только после семилетки до молодежи, участвовавшей в Великой Отечественной. Были среди студентов и семейные пары с маленькими детьми. Среди учащихся СМЕРШ как-то обнаружил даже «бывшего», служившего у оккупантов полицейского.

От общежития утром учащиеся добирались до техникума по Красноармейской, а затем вдоль речки Водопадной по ул. имени Гоголя. Я больше любил переходить на противоположный берег речки и идти к техникуму по другой ее стороне, красивому бульвару, который окаймляли декоративные гранатовые кусты. Порой заходил на небольшой рынок. Часто обедал в расположенной рядом с ним столовой (по-моему, она называлась «чайная»). На первое обычно можно было взять суп (преимущественно перловый) с небольшим кусочком жесткой жилистой конины. Каждый такой кусочек отдельно порционно взвешивался. Мясо было

ценным продуктом. Насчет второго не помню, но в то время можно было порой напасть и на макароны по-флотски (со скудным мясным фаршем).

Тетя Люся вскоре потеряла работу, а вместе с тем и положенную по службе комнату, и перешла по инвалидности на пенсию. На производстве не хотели мириться с ее открытой религиозностью. В большие церковные праздники она не выходила на работу. Я продолжал жить в общежитии, а ей удалось снять крохотную частную комнату в одном семейном дворе на улице Средне-Слободской (дом 11), расположенной в Массандровской слободке.

Семейный двор, точнее – дворик, принадлежал трем сестрам Крячко, каждая из которых жила в отдельном домике. Детей было много. Несмотря на тесноту, жили бедно, но дружно. У нашей хозяйки (ее муж был выслан как грек из Крыма) имелся сын Виктор. У ее сестры было две дочери (старшая, моя ровесница, была немножко равнодушна ко мне). У самой младшей из сестер (незамужней) было четверо детей – два сына и две дочери. Она, пока не запретили, держала корову-кормилицу (еще одна «жилица»). Больше всего я общался со своим сверстником, ее сыном Шурой Агеевым, который был учащимся фармацевтического техни-

1949 г. Шура Агеев, слева его товарищ. На обороте надпись, датированная 1951 г.: «Олегу от Александра. Вспоминай "дикий домик", где были мы вместе, где проходили юные годы»

кума. Шура играл на пианино. Раньше это было наше пианино, которое зимой 1942 г. мы обменяли на мешок зерна. От Шуры я узнал, что существуют радиостанции «Би-би-си» и «Свобода» (значит, кто-то слушал). Впрочем, тогда мне это было ни к чему. Прошло много лет, прежде чем я приобрел радиоприемник. К сожалению, оба парня, Виктор и Шура, уже будучи женатыми, рано ушли из жизни. Виктор, заядлый мотоциклист, погиб в аварии. Шура спился. Последний раз я его видел, кажется, в конце 1950-х гг. рано утром в начале Набережной у бочки-цистерны «с сухарем» (разливное сухое вино, которое продавалось в пивных бокалах).

Почти каждый день я после занятий ходил через всю Ялту в Масандровскую слободку к тете Люсе. Иногда я менял путь и шел не по ул. Дражинского, а через территорию церкви св.Иоанна Златоуста на Поликуровке, выходя на улицу своего детства. Около церкви под кипарисами был тогда небольшой вещевой рынок, где продавалось всякое барахло. Продавались и книги. Один раз я видел там даже Коран. Но больше мне нравился путь с ул. Дражинского, который выводил на площадку перед церковью. Подниматься на холм можно было по прилепившейся к скальному склону лестнице. С этой стороны Поликуровский холм, господствующий над пристанью, был неприступен. Лучшего места для поселения, с точки зрения его обороны, нельзя было найти. Оборонительную стену можно было построить там, где проходит ул. Свердлова вплоть до ул. Нагорной. Древнее поселение (небольшое по размерам), скорее всего, полагаю я, находилось на территории нынешней ул. Поликуровской, с ее скальной стороны, а средневековая усадьба Константинопольского патриархата занимала место вокруг современной церкви.

Из прежних жителей дома на Поликуровской я видел только юрисконсульта Турчинского. От него у меня осталась память: путеводитель «Крым», 1924 г. издания. Из разговоров с ним запомнил только его оценку достижений советской власти, которые дореволюционный юрист видел, прежде всего, в образовании населения. После смерти Турчинского его жена, беспомощная Евгения Сабинаовна, попала в дом престарелых. Я теперь, в постсоветское время, глубже понимаю, как трудно человеку из прошлого приспособиться к совершенно другой новой жизни, к другой не только бытовой, но и социальной среде. Печально, что этого часто недопонимают власти, форсируя введение новаций без продумывания последствий, делающих такую адаптацию мучительной для многих людей. И тетя Люся, и бабушка Еля провели десятилетия, так и не приспособившись к новому социальному укладу.

Срок обучения в техникуме (как я уже упоминал) составлял три года. Я был зачислен сразу на второй. После его окончания я проходил производственную практику в совхозе «Красная роза» (недалеко от Зуи, по Феодосийскому шоссе). Это было опытное хозяйство Института эфиромасличных и лекарственных растений. Эфиромасличные были еще одной нашей специализацией, наряду с табаководством. Совхоз окружали поля розы, лаванды, шалфея. Ближайшие села носили соответствующие названия – Цветочное, Ароматное. От отца получил как-то письмо с шутивным четверостишием:

*Вот показалась и Зуя,
Живу в совхозе «Крымской розы».
Грызу гранит науки я,
И занимаюсь только прозой.*

Гранит науки я, конечно, не грыз. В период производственной практики работал на эфиромасличном заводе аппаратчиком по выжимке эфирного масла из цветов. Оно выжималось не только из роз, но также из лаванды и шалфея.

Как-то группа учащихся-практикантов, в том числе и я, заблудилась вечером в степи: в степи тоже можно заблудиться, если нет ориентиров и все окружающее пространство словно застыло в вечной неизменности. Но после долгих блужданий показали огоньки, и мы, наконец, вернулись на свой эфиромасличный завод. Честно говоря, нам в степном раздолье было тогда очень не по себе.

Летние каникулы я провел в Кастрополе. Те каникулы для меня памяты: я третий раз (подрывался на mine, сбрасывали с подножки поезда) за свои 17 лет избежал случайной смерти (а может, увечья), которая дышала мне в лицо. На этот раз виновником случая стал новый товарищ Володя Кудинов, сын санаторного экспедитора. Будучи в квартире моего отца, он начал играть со снятым им же со стены охотничьим ружьем. Я был уверен, что ружье не заряжено. Мы куда-то собирались, и я нагнулся, надевая обувь. В тот же миг прозвучал выстрел, и над моей головой просвистел заряд. Вова, балуясь, нажал на курок. Так как расстояние от дула ружья до раскрытого настежь окна составляло всего несколько метров, дробь шла сгустком, и это спасло меня от попадания. Но главная моя удача – случайность: вовремя нагнулся, шнуруя обувь. Когда поднял голову, первое, что я увидел, было неподвижно бледное лицо Володи. И сам он был какой-то застывший, не знающий, как себя вести и что

сказать. А на заданный мной вопрос, как бы он поступил при возможном трагическом исходе своей оплошности, был получен ответ: бежал бы...

В техникуме я первый раз в жизни ухаживал за девушкой. Звали ее Валя Еремина, познакомился я с ней, кажется, не в техникуме, а в клубе-кинотеатре. Она там подрабатывала билетершей. Я написал ей длинное стихотворное признание (конечно, не шедевр). Кроме поэзии, соблазнять больше было нечем. И вдруг что-то получилось, но ненадолго. Я был по-мальчишески не готов к тому, что называют любовью. Мог только увлечься, обижаться, ссориться.

Уже в старости я как-то вспомнил себя в те ялтинские годы и, предавшись ощущениям юности, написал стихотворение «Ялта, 1950». В нем все бытовые детали не выдуманы, как и налет наивного романтизма.

На Набережной цветут магнолии.

А я, от запахов шальной,

С утра на пляже волейболил

И в полудень бегу к чайной.

Мне по карману суп с кониной,

Поет романсы мой карман.

А та конина, что резина.

Хлеб – не парижский круассан.

Мои штаны вконец изношены,

На смуглой коже синячки.

На платье девушки горошины,

Как будто в море светлячки.

А я смущен и огорошен:

Ведь у нее!

Да, у нее!

Под солнцеветрием горошин

Магнольной свежести белье.

Последний год обучения, после гибели отца и без его поддержки продуктами и деньгами, был особенно тяжелым в материальном отношении. Учебный год, наконец, подошел к концу, и выпускной курс был отправлен на вторую производственную практику. На этот раз каждый проходил практику индивидуально в одном из колхозов. Мне досталось далеко не самое лучшее место: село Переваловка, расположенное на ответвлении от Керченско-Феодосийского шоссе дороги, ведущей в Судак. От этого горного села, о чем говорит его название, начинается спуск

на приморский склон крымских гор. Это было небольшое и не очень привлекательное тогда село со специализацией по табаку и фруктам. Жители его в конце 1940 г. были переселенцами с Кубани, завербованными в Крым, где надеялись начать новую жизнь. Нередко в селах после выселения татар, греков, болгар оставались все же единичные русские семьи.

Председатель колхоза подселил меня к многолетней женщине и выписал на мое имя определенное количество продуктов. Продукты я отдавал хозяйке, и они пополнили «общий домовый котел». За время скитаний я привык к бедности, но такая скудость существования детей в мирное послевоенное время проняла даже меня.

Не скажу, что я с успехом проявил себя на посту то ли помощника агронома, то ли бригадира. Мне не хватало знания сельской производственной жизни (опыт пастуха не в счет) и главного – знания «тайн» управления людьми. Мой слишком мальчишеский облик тоже не внушал доверия. В общем, не начальник. В конце концов мне дали особое поручение: заготовить виноградные чубуки как посадочный материал. В советское время при плановом хозяйстве обычно выполняли установки (они же приказы) по разверстке, без учета конкретных природных и других обстоятельств. Получил по разверстке указание заложить виноградники и колхоз в Переваловке.

Короче говоря, я получил задание и командировку в те судакские села, где выращивали виноград (а он рос в районе везде, кроме Переваловки и, может быть, села Лесного). Первой моей целью было попасть в село Междуречье (Ай-Серез), где проходил практику мой сокурсник и сокомнатник по общежитию Анатолий Потоман. Анатолий, в отличие от нас, пацанов, был человеком с армейским и житейским опытом. Я был уверен, что он подскажет и поможет. Короче, человек надежный.

Село Междуречье (Ай-Серез, название в переводе «Святой Сергий») было расположено недалеко от Судака, в довольно глубокой долине (длинной 5 км), прорезанной в горах речкой одноименного названия. Чтобы не делать дорожный крюк, я решил добраться до села Веселого (Кутлак, в 10 км от Судака, вблизи известного центра виноделия Новый Свет). А там, перевалив через гору, попасть в долину речки Ай-Серез.

Ездили тогда чаще всего так: просто «голосовали» поднятием руки, и какой-нибудь грузовичок тебя подбирал (автобусов в ту пору на дорогах почти не бывало). Вместе со мной голосовала какая-то девица. Уже в кузове (открытая грузовая платформа) грузовичка я ее расспросил, как пройти горной тропой в Ай-Серез, куда, как оказалась, и она держала

путь. Путь-то девица показала, но после того, как мы поднялись на гору и попали в густой туман, она исчезла: преднамеренно, не доверяя попутчику, или случайно. Туманы в горах, если ты в незнакомой местности, опасны: можно сорваться со склона, а там – как повезет. Мне повезло, в Ай-Серезе я нашел Анатолия, и он устроил ночлег. А спустя денек–второй отправились с ним в село Зеленогорье (Арпат), где проходил практику еще один выпускник Владимир Злобин, большой поклонник творчества Чехова. Для нас, крымчан, да еще в послевоенные годы, пешие путешествия от села к селу (10–15 км) не были чем-то непривычным.

После окончания техникума Анатолий Потоман некоторое время работал агрономом в том же Ай-Серезе, где, видимо, пришлось, как говорится, ко двору. Там же он женился на девушке из Ай-Сереза, которая была на короткое время моей спутницей по грузовику. Я с ним встречался, когда он уже перебрался на житье в более крупное село Приветное (Ускут).

Вернувшись из командировки в Переваловку, я, получив чубуки (черенки годовалой лозы, обычно от 10 до 70 см длины), руководил закладкой «виноградной школки» по выращиванию саженцев. Не знаю, стали ли мои саженцы полноценными виноградными кустами в климатической зоне Переваловки, но это единственное, что я мог бы поставить себе в заслугу. Выданная мне председателем колхоза как практиканту производственная характеристика была обидной, хотя я старался, но справедливой. Правда, не помню, входила ли отметка по производственной практике в оценочный листок, который прилагался к диплому.

Зато отыгрался я на выпускных государственных экзаменах. Каждый раз или почти каждый раз мои ответы на вопросы государственная комиссия отмечала как одни из лучших. Председателем комиссии была интеллигентная женщина по фамилии С.Корпусова (председатели всегда назначаются из профессионалов, приглашаемых из других организаций), которой явно мои ответы нравились (чем не знаю, но думаю начитанностью и неким как бы научным подходом). Предполагаю, что она была или из какого-то вуза или органов сельхозуправления. В результате я получил диплом с отличием, но не совсем, как оказалось позже, правильный. В нем «с отличием» было прописано тушью от руки, хотя положено было в таких случаях писать все на официальном бланке, где «с отличием» выделялось типографским красным шрифтом. Дипломы «с отличием», что я выяснил позднее, выдавались техникуму поштучно (с отчетностью). Получения такого диплома я не ожидал, так как раньше никогда не гонялся за высшими «баллами».

Кроме того, мне вместе с дипломом, как одному из лучших учеников, вручили две «бесценные» книги – «Краткую биографию» И.В. Сталина и «Агробиологию» Т.Д. Лысенко. И это было одним из знаков исторического времени. Состоялся и выпускной вечер в кафе на ул. Гоголя. Я пришел точно вовремя, но все места были заняты, и я, обидевшись, решил на нем не присутствовать. Обида была глупостью, ведь никто не хотел меня обидеть. Позже, намного позже я стал понимать, что чрезмерная обидчивость может очень подпортить жизнь.

ИЗЯСЛАВ, ЭДУАРД И Я: трио книголюбителей

К книгам с детства у меня сложилось особое отношение: они для меня были многофункциональны: чтение как источник эмоционального и интеллектуального удовольствия; источник познания людей и природы; наконец, источник приобщения к тому, что сейчас называют виртуальной реальностью, воображаемым миром, заменяющим жестокую и греховную жизнь. Книга развивала когнитивные способности, и она же вводила в мир грез.

В Ялте у знакомых сохранились жалкие остатки нашей библиотеки. Часть книг я по нужде относил букинистам, например, роскошное издание поэзии Байрона. Часть книг (как, например, дневники Достоевского, публицистика Михайловского и Скабичевского) были неходовыми. Да и я, тогдашний, до них еще не дорос. Но среди книг не было таких, которые я хотя бы не перелистал.

Проходя по Набережной, я порой не мог удержаться от того, чтобы не заглянуть в городскую библиотеку на ул. Морской или книжный магазин. В библиотеке я скоро стал завсегдатаем. Книжный фонд библиотеки был невелик, но кое-что можно было взять для чтения. Иногда попадались редкие книги, как, например, так называемые интеллектуальные романы (романы идей) Олдоса Хаксли «Шутовской хоровод» и «Контрапункт», переведенные на русский язык в 1920 гг. В связи с этими романами примечательный штрих к характеристике духовной атмосферы конца 1940 гг. Когда я, спустя примерно год, захотел их перечитать, книг в библиотеке уже не оказалось. На все расспросы расположенная ко мне библиотекарьша отвечала не очень вразумительно. Позже я выяснил: романы стали жертвой изъятия «вредных» книг из библиотек по спускаемым сверху спискам. Сейчас есть ходовое выражение «зачистка». Почему бы его в подобных случаях не применять?

Читал я запоем. Научился даже читать книги на ходу. И немало страниц пробегал глазами, пока пересекал Ялту, добираясь до Массандровской слободки. Представляю, какое это было зрелище: заморыш военных и послевоенных лет, согбенно бредущий, уткнувшись в книгу.

Любовь к книге помогла мне приобрести долговременных друзей. До тех пор, пока не сложилось наше студенческое братство из трех в странном сочетании наших имен, я не имел своей дружеской компании. В селе Ново-Ивановка был просто одним из неместных, принятых в группу «низовых» пацанов Ивана Дороша – вожака группы, старше меня по возрасту, – которого я, если так можно сказать, чтил за ум и хватку. Но он был вне круга тех, кто мог бы стать другом. В Пологах я нашел друга, но с моим отбытием в Каменку Днепровскую, постепенно переписка с Виктором Латышевым заглохла. В детдоме у меня друзей не было. В Запорожском техникуме сельхозмашиностроения – также. И, только вернувшись в Ялту, я обрел свой «ближний круг».

Ялта. 1950 г. Слава Татарский
после окончания техникума

Лидером нашей компании был Изяслав Татарский. Высокий блондин, он по всем статьям мог бы сойти за чистокровного представителя арийского племени, если бы не некоторая скуластость. Изяслав! – больше этого имени я ни у кого не встречал. Но, конечно, для всех он был Славой. Слава обладал организованным умом и командирским характером. Позже, уже после окончания техникума, я его возвел в ранг «Мой лейтенант». Под этим именем он и живет в моей памяти. Мой лейтенант – это значит он был ведущим в нашей компании.

Эдуард Удовенко: знатный чуб и глаза серые, как и у Славы Татарского. Отличная мужская фигура. Прекрасно играл в волейбол. Научился читать по-польски. И с удовольствием учил английский.

Эдуард! – носил английское имя (собственно древнегерманское), имея отчество – Иванович. Жил он на полпути от нашего общежития до тех-

никума. Хотя Эдик и был моложе меня, но выглядел постарше. Слава обращался к Эдику – Маэстро. Почему не знаю, может быть, потому, что тот был, как нам казалось, образом мужской внешности. Но прозвище привилось – Маэстро!

Сплотила нас любовь к литературе. По сравнению с техникумовскими ребятами мы были начитанными парнями. Но это было вовсе не свидетельством нашей исключительности. В условиях ограниченности других источников информации к книгам тянулись все ищущие познать окружающий мир и получить удовольствие от художественных сюжетов и образов. Но, конечно, большинство ребят не имело возможности в то суровое время читать книги. Они были ориентированы на добывание хлеба насущного.

Наш узкий литературный кружок сложился в последний год обучения. Собирались мы обычно вечерами у Эдика дома. Вся ночь была в нашем распоряжении. Мать Эдика, полька по национальности и католичка по вероисповедованию, работала в близлежащем санатории и часто дежурила по ночам. Она оставляла нам ужин, состоящий из санаторной еды, которая доставалась персоналу после кормления отдыхающих. На крымском Южном берегу это было не редкостью. Отец Эдика пребывал в заключении, что нас не удивляло: дело в те времена обыденное. За что, я не знал, но знал твердо, если не говорят сами, то спрашивать не принято. Вернулся в семью отец только в 1950-е годы. Работал, кажется, плотником.

Эдик был ухожен и хорошо воспитан. Похоже, воспитан и в религиозном духе, но никогда это не демонстрировал. Разговаривать по-матерному в нашем трио не было принято.

Увлекались мы поэзией. Кумиром нашим был Маяковский. Его стихи знал наизусть каждый из нас. И декламировали их мы друг другу взаимно. Что нас привлекало в Маяковском? Его яркость и оригинальность

1952 г., декабрь. Изяслав Татарский
после окончания Одесского
артиллерийского училища

на фоне серой пафосности советской послевоенной поэзии. Конечно, были Твардовский с его «Теркиным», Симонов с его «Жди меня», были и другие достойные поэты.

В статье «Как делать стихи» Маяковский приводил образец поэтической гениальности – четверостишие Пастернака из стихотворения «Марбург». На поставленный вопрос и сам поэт мог бы ответить своим не менее гениальным четверостишием:

*Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложно.
От слов таких срываются гроба
Шагать четверкою своих дубовых ножек [3, с. 349].*

Гроба не просто сдвигаются с места, они срываются и шагают. Волшебство слов порождает чувство восхищения образами и метафорами.

И еще вспоминается стихотворение Маяковского «Сергею Есенину»: «У народа, у языкотворца, умер звонкий забулдыга подмастерье» [4, с.347]. Так вот народ-языкотворец – это прежде всего его поэты и песенники. И Маяковский, и Пастернак, и Есенин – все они прежде всего языкотворцы, причем каждый из них говорит на своем языке. Маяковский очаровывал и увлекал силой слов. Даже когда писал рекламу для Моссельпрома.

Отрывки из поэмы «Хорошо» не входили в наш репертуар. Мы тогда не могли оценить неосознаваемой глубины ее первого и последнего четверостишия: «Дул, как всегда, октябрь ветрами, как дуют при капитализме. За Троицкий дули авто и трамы, обычные рельсы вызмеив». И в заключение поэмы – все те же строки с поправкой на одно слово: вместо «капитализма» «социализм» [3, с.282, 290]. Октябрь прошелся по России как лихой ветер, как ураган, но жизнь продолжается, она движется, «вызмеив обычные рельсы». Жизнь движется по привычной бытовой повседневной колее. Вряд ли Маяковский задумывался над этими строками, над тем, что он поэтически закольцевал. Но эстетику их он ощущал, как поэты-акмеисты ощущали материальность дамской перчатки (Ахматова) или брабантских кружевных манжет (Гумилев). И не важно, согласился бы Маяковский с нашей нынешней интерпретацией, но взгляд поэтов зорок и провидчески отточен.

Читали наизусть и Симонова. И лирическое, и политическое. Мы воспринимали поэзию «на слух», впрямую, как его поэму «Ледовое побоище». Воспринимали эмоционально и эстетически.

*Углом вперед, от всех особо,
Одеты в шубы, армяки,
Стояли темные от злобы
Псковские пешие полки [4, с.373].*

Наш жизненный опыт по многим позициям был невелик. Да и наша начитанность была относительной. Например, о цикле северных рассказов Джека Лондона и об Александре Грине я узнал от Славы, который до переезда в Крым ранее учился в одесской школе. Заинтересовавшись Александром Грином, я отправился в ялтинскую библиотеку. Но смог там получить только Эльмара Грина, другого Грина там не оказалось. Зато у Эдика оказался библиографический раритет – дореволюционный художественный сборник стихотворений, сцен, рассказов «Чтец-декламатор» (не помню какого года издания, книга имела ряд изданий и переизданий), который расширил наши представления о литературе Серебряного века. У Эдика нашлась еще одна редкая тогда книга. Это были рассказы Акутагава Рюноскэ «Ворота Расемон» (изд. 1936 г.). С тех пор Акутагава один из моих любимых писателей. С него началось мое увлечение японской литературой и культурой. Перекинулось оно позже и на китайскую литературу. Как-то на Набережной я купил сборник стихотворений Бо Цзюйи «Четверостишья» и буквально зачитывался ими. Этот сборник я подарил своей бабушке Марии Никифоровне, которая заинтересовалась китайским поэтом.

Наши посиделки были школой самообразования. Порой засиживались до рассвета, чаевничали и говорили. Говорили обо всем, но не о политике. Как бы ее не было, за нас думал Сталин. Правил, думал и оберегал от интеллигентского бреда «Алых парусов». Нам достаточно было симоновской «Ночи перед бессмертием»: «Умер парень где-то на земле Яванской... Умер с ясным взглядом, умер с сердцем чистым. Умер, как положено это коммунистам». Стихотворение мне нравилось, но я никогда бы не стал его читать публично. Смущала последняя строка: почему положено умирать, если ты коммунист и молод?

Слава познакомил меня с ялтинцем по фамилии Павленко (однофамилец известного тогда писателя, тоже жившего в Ялте). Наш Павленко увлекался литературой и писал стихи. Его поэтическим кумиром был Жуковский. Иногда Слава со мной заходил к Павленко поговорить на литературные темы. Знакомство и дружба часто начинаются с книголюбия.

По субботам Слава ездил в Мисхор, где он жил с матерью, Софьей Антоновной, и тетей, Клавдией Антоновной. С веранды двухэтажного

Олег Волобуев и
Клавдия Антоновна Татарская

бывшего татарского дома открывался изумительный вид на мыс Ай-Тодор. До позднего вечера затягивались разговоры за чаем и без чая. А затем сон на той же веранде, насыщенной ароматами южнобережной ночи. Запомнилось, как в один из вечеров мы любовались кроваво-красным закатом, и Слава заметил: война будет. И надо же такое совпадение: 25 июня началась война двух Корей – Северной и Южной. Днем гуляли по мисхорскому парку, а летом проводили время на пляже. Постепенно в семье Татарских я стал своим. И послетехникумовское лето, получив диплом, провел в их доме. Приезжал к Клавдии Антоновне и как-то в летние каникулы, когда уже учился в пединституте.

Отношения со Славой и Эдиком я поддерживал длительно. Эдик окончил Крымский сельскохозяйственный институт. Работал в ялтинском Зеленстрое. Попав в Крым после его воссоединения с Россией, я узнал, что в постсоветское время он стал активным прихожанином ялтинского костела. Таковы дела Господни и человеческие.

Слава окончил военное училище в Одессе и был направлен служить в армейскую часть, дислоцированную на территории ГДР. Служба в армии ему нравилась. Получив после училища свой первый отпуск, Слава навестил меня в пединституте, где я тогда учился. Выглядел он в военной форме как настоящий храбрый офицер. И очень жаль, что Слава попал под массовую демобилизацию при проведенном Хрущевым сокращении армии. На гражданке он работал геодезистом.

Уже будучи в Москве, я всегда, приезжая в Крым, старался повидаться со Славой и когда он жил в Ливадии, где агрономом работала его жена Аня, и в Мисхоре, где он жил один, уйдя из семьи, после смерти матери и Клавдии Антоновны.

Слава всегда в моей памяти двойится: то он ведущий в нашем техникумовском трио книголюбов, то подтянутый стройный артиллерийский офицер, геодезист-топограф в португее и с планшетом.

Отец

Отец, Владимир Васильевич, 1906 года рождения, никогда не был частью моей повседневной жизни.

Но он всегда был со мной в эго-виртуальном пространстве. Его образ отчасти формировался из житейских впечатлений, отчасти из разговоров наших близких и знакомых. Но вопреки всему я его любил. Сказать, что знал его как человека, как личность, – не могу. Но, думаю, что-то в нем чувствовал и даже понимал. От него мало что осталось: небольшая рукописная тетрадка стихов⁷, фотографии, охотничье ружье и швейцарские карманные часы. Ружье досталось мачехе, а часы у меня, по-уличному говоря, сперли.

В моей жизни Отец был явлением. Явлением «клиповым» и редким. Было три полосы эпизодического общения с ним. Первая – в детстве, прерванная его арестом в 1938 году. Вторая – короткая встреча осенью 1944 г. и переписка в последние годы Великой Отечественной войны. Третья – лето 1948 – август 1949 гг.

Отца в детские годы помню урывками, эпизодично. С ним связаны фрагментарные воспоминания-картинки. Как на экране, пробегают кадры, и я не уверен в их хронологической последовательности.

Мы лежим с отцом на балконе, низко нависающем над дорогой, и слышим время от времени возникающие шумы ялтинской окраинной тихой улочки. Отец редко оставался на ночь в нашей квар-

Кастрополь. 1931 г. В центре – Владимир Волобуев, справа от него жена Галина, слева тетя Люся (Елизавета Королевская)

⁷Часть из них напечатана. См.: [1, с.152–158].

тире, где некогда я жил с бабушкой Елей и тетей Люсей. Иногда проходят поздние прохожие, постукивая каблуками по булыжной мостовой. Запомнилось, как слушали кого-то, идущего по улице и распевавшего «Раскинулось море широко». Широка русская душа, и раскинулась она широко, словно море!

Кавказ, горная местность (похоже, это была столь известная ныне Красная поляна). Я стою под проливным дождем, получаю удовольствие, за что следует потом наказание (мог простыть и заболеть). Мачеха, лицо которой, выцветшее под южным солнцем, почти стерлось в памяти лет, размылось в тумане, будто под кавказскими дождями...

Мы ходим между пляжных камней за ялтинским молом, и отец с легкостью переворачивает эти камни, с ловкостью вытаскивает из-под них крабов. Наверное, этот пляж был знаком ему с детства, ведь его отец, мой дедушка, работал в припортовой кооперативной лавке. В моем личном архиве имеется запись нескольких стихотворений отца, сделанная двоюродным дядей Львом Дмитриевичем Кирановым. И одно из них свидетельствует, что отец хорошо знал этот не использующийся курортниками «дикий» пляж:

*Утром ранним, на крутых массивах,
Что за молом протянулись в ряд,
Я распутывал рукою торопливо
Рыболовный свой снаряд...
А восток оттенками различными
Убирал художник-чародей...
Сколько образов волшебных, поэтических
Уловил я вместо окулней!*

Мы на катере едем вдоль крымского южного бережья. На траверзе – Алушта. В центре панорамы холм с крепостной башней. Отец объясняет, что это не генуэзская башня, а византийская. Не уверен, что я тогда понимал разницу между «византийским» и «генуэзским». Но «урок истории» запомнил.

А вот отец, пьяненький, раздает ребятишкам с нашей улицы деньги, не только мелочь, но и рубли и даже трешки. Конечно, трешка не червонец, но значительная купюра по тому довоенному времени.

По моим расчетам, отца арестовали в 1938 г. (в школу я еще не ходил) как не работающего постоянно и вменили ему в вину потерю паспорта, проживание без удостоверения личности и уклонение от трудовой дея-

тельности. За все это по совокупности осудили на 5 лет. Прокурор просил 7 лет. Смешно и грустно, не правда ли? Помню, как бабушка водила меня в суд, чтоб смиловались. Но судьи не поддались на «провокацию».

У меня имеется архивная справка, выданная Управлением исполнения наказаний по Хабаровскому краю и датированная 22.07.2002. Согласно этой справке, Волобуев Владимир Васильевич был осужден Нарсудом 3 уч. г. Ялты 2 июля 1939 г. по статьям 192 «А» ч.2, 19–165 ч.3. Смотрю УК 1926 г. с изменениями 1934 и 1936 гг. Статья 192 «А» касается нарушений паспортного режима. В ней определено, что проживание в тех же местностях лиц, не имеющих паспортов и подвергавшихся уже административному взысканию за указанное нарушение, влечет лишение свободы на срок до двух лет.

К сожалению, судебного дела я не видел, поэтому разобраться со статьей 19–165 ч.3 для меня сложная задача. По всей видимости, она применялась редко в отличие от, скажем, 19–162. В целом статья 19 предусматривала покушение на преступление или приготовление к покушению на преступление, с выбором судом меры социальной защиты в зависимости от степени опасности лица. Последнее – степень опасности несовершеннолетнего поступка – может определяться судом весьма произвольно. По этой статье я нашел всего один приговор с осуждением на два года, вынесенный в 1939 г. в г.Чкалове Кировским нарсудом некоему Н.П. Жукову. Не вызывает никакого сомнения, что судебное решение по делу отца было предельно жестким, по максимуму, положенному по данным статьям. Отец находился, согласно архивной справке, в местах лишения свободы с 15 мая 1939 г., решение ялтинского суда датируется 2 июля того же года⁸.

По профессии отец был повар-кондитер. В 15 лет, в тяжелый 1921 год, он вынужден был оставить гимназию и устроиться на работу и обучение к нэпману-владельцу кондитерской мастерской. По призванию он был поэт, и не без таланта. Некоторые его стихи, датированные 1929 г., как я уже отмечал, были напечатаны в сборнике, посвященном моему

⁸ *О том, что были случаи с судебными перегибами в практике использования статьи, свидетельствует ниже приводимая выдержка из директивного письма НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению УК в редакции 1926 г.: «И приготовление и покушение одинаково влекут применение мер социальной защиты, поскольку в них проявляется социальная опасность лица, однако следует подчеркнуть, что применение мер социальной защиты за приготовление к преступлению может иметь место лишь в тех случаях, когда подготовительные к преступлению действия вылились в определенную конкретную форму начала осуществления преступного умысла, а потому и являются социально-опасными». Если было нужно или так хотелось, то на конкретную форму начала осуществления умысла можно было внимания не обращать.*

60-летию. Погубили отца традиционная «русская болезнь» и «лагерная напасть», политическая чума 1937 г.

Совгавань. Май 1941 г. Владимир
Волобуев в лагерной робе

И есть у меня чувство-предположение, что невзлюбили его суровые судьи как тунеядца-поэта и человека с чувством достоинства при всем его падении. Короче говоря, не учуяли (так оно и было на самом деле) классовой близости. Не вписалась поэтическая душа беспаспортного пьяницы в свиток верноподданных и вернолающих. Сохранилась предвоенная фотография отца в лагерной робе. На обороте надпись – «Привет из дома отдыха. Совгавань». «Дом отдыха» был расположен на берегу сурового Охотского моря.

Освобожден из заключения отец был 14 января 1943 г. на основании решения Президиума Верховного Совета РСФСР, с направлением в действующую армию. Так он попал на Ленинградский фронт. С 20 сентября по 9 ноября

1943 г. был, как бывший зэк, в составе 612 отдельной штрафной роты Краснознаменного Балтийского флота (ОШР КБФ). Стрелком штрафной морской пехоты участвовал в обороне известного «Ивановского пятачка», в боях в районе поселка Тосно, у впадения речки Тосна в Неву (также фигурирует под названием «Невского пятачка»). В это время ОШР КБФ входила в состав 13 СД 55 Армии Ленинградского фронта. После госпиталя вплоть до демобилизации служил корабельным машинистом в Высшем Военно-морском инженерном училище им. Дзержинского.

Я провел с отцом последние два года его жизни (приходится общение считать на месяцы и дни, а месяцы и дни порой на часы). Летом повара санаториев и домов отдыха особенно заняты. Приходят поздно, уходят на работу рано. Крайне редко выпадает вечер для души. Один такой вечер я помню.

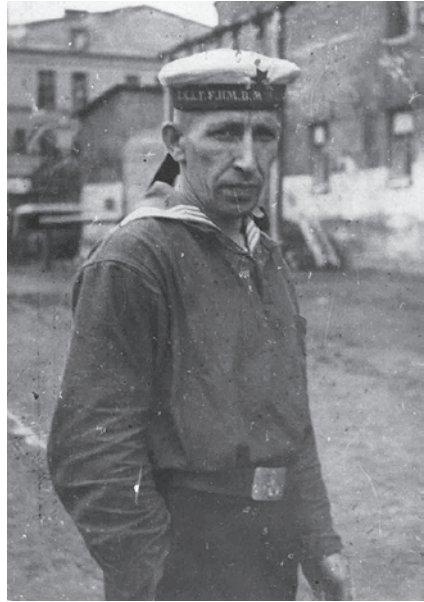
Не знаю как, но отец познакомился с Борисом Писаревским, фронтовиком, который тогда только закончил или заканчивал филфак Крымского педагогического института и отдыхал в учительском санатории «Кастрополе». Они решили организовать литературную вечеринку в узком кругу на берегу моря. Борис пришел со своей девушкой. Отец «читал» стихи, но не свои, а главным образом поэтов первых десятилетий века, дореволюционных и советских. Надрывно, но не театрально, звучали есенинские строки «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым».

Внизу на небольшой пляжик, прижавшийся к обрывистому берегу, набегала волна. Море тихо и аккуратно шумело, а есенинские строки разливались в вечное «все пройдет».

Все, конечно, проходит, но погубленный талант, как высохшее дерево, ростков не дает.

Отец представлял собой весьма распространенный тип неприкаянного и непутевого русского человека. Был умен, начитан, обладал поэтическим талантом. Отменно играл в шахматы и имел, кажется, 1-й разряд. Ему была под силу любая работа – и физическая, и интеллектуальная. Он мог читать Анатоля Франса и выкармливать кабанчика (так оно и было). Не обделила его природа и физической силой, но при этом наделила вспыльчивым характером.

Мне трудно сейчас судить, насколько отец был духовно вписан в «поэтический молодняк» (выражение той поры), который набирал силу в конце 1920 – начале 1930 гг. Но есть основания полагать, что ветры идеологической романтики не обошли его стороной. Отец принадлежал к поколению поэтов (Иосиф Уткин, Борис Корнилов, Павел Васильев, Ольга Берггольц), родившемуся в начале века и раскрывшемуся в годы индустриализации и коллективизации. Им хотелось жить так,

Ленинград. 1945 г. В.В.Волобуев,
матрос Балтийского флота

*«Чтоб в зубах кинжальной белой стали
Заливались хищные лучи,
Чтоб на яблонях, качаясь, хохотали
Черные глазастые грачи» [5, с. 97].*

Но жить так им не пришлось: наступили годы форсированной коллективизации и голода начала 1930-х гг. А затем – и расправ, жертвами которых стали погибшие Борис Корнилов и Павел Васильев, выжившая Ольга Берггольц... Все они были преданы идее преобразования несовершенного мира. Но их жесткое кредо, выразившееся в написанном Иосифом Уткиным в 1928 г. стихотворении «Сомненье», было неколебимо:

*«В чем угодно – буду сомневаться.
В революции, товарищ, – никогда» [5, с. 98].*

В тетрадке отца записано довольно объемное стихотворение (значится там как поэма) «Мой разговор с Анатолем Франсом». Оно датировано 1929 г. и по своему «настрою» вполне соответствует комсомольской поэзии той поры.

Стихотворение – воображаемый разговор молодого советского поэта с недавно тогда умершим великим скептиком Анатолем Франсом. Писатель не то чтобы поучает своего юного собрата по ремеслу, он развенчивает его мечту:

А. Франс:

*«Жизнь каждого – скучнейший трафарет,
Закономерная, жестокая случайность.
Любовь, борьба?! Да это же памфлет.
Никчемная моральная маральня»⁹.*

Советский поэт искренне возражает:

*Я: «Нет. Неприемлем ваш для нас конспект.
Мы любим жизнь, мы радость жизни ценим.
Мы, право получившие в борьбе,
Идем вперед по солнечным ступеням.
Нам каждый час не может быть пустым.
Нам дорога короткая минута.*

⁹Игра слов: «моральная» от «морали» и «маральня» от «марать».

*Мы на своих плечах несем мосты
Индустриального маршрута» [цит. по: 1, с. 153–154].*

Поэту 23 года, и он чувствует ответственность своего поколения, которое несет «мосты индустриального маршрута» туда, «где бездорожья путанная сеть», «где старины еще покойный сон цел». Поэт полон надежд на будущее: и свое, и страны.

И тот же поэт в тридцатые годы после смерти моей матери и в совершенно другой общественной атмосфере тридцатых годов истории страны. «Солнечные ступени» ускользают из-под ног. «Радость жизни» меркнет в винном тумане. И он задает самому себе вопросы и передает потерю мира молодости и надежд в следующих поэтических строчках¹⁰:

*Как?.. Почему?.. Кто этому виной?..
Что не поет станок стальную серенаду?
Проклятое, искристое вино,
Ты не вернешь мне трудовую радость.
Теперь похожим стал я на пилота,
Что неудачно совершил полет.
Под взвизг веселого и буйного фокстрота
Я грустно говорю: уже не то!*

И все же вино не перебороло того главного, что характеризует отца как личность:

*Пусть говорят, что это чушь,
Потрепано, шаблонно и не ново,
Но я хочу, я искренне хочу –
Быть человеком в Полном смысле слова!*

В августе 1949 г. бывшего зэка, Владимира Волобуева, вызвали в поселок Симеиз. Скорее всего, вызов был сделан отделением милиции, но беседовал с ним представитель госбезопасности. Контрольно-управленческие функции органов безопасности в последние годы жизни Сталина расширялись. В те годы, заметим, милиция была по существу передана в МГБ. А с 1948 г. в СССР начинается вторая волна репрессий. Начинается она с борьбы против безродных космополитов, но охватываемые ею круги нарастают кольцами. Одно из таких колец было

¹⁰ Личный архив автора. Запись этих стихов сделана Л.Д. Кирановым.

Кастрополь. Зима 1948–1949 гг. В.В.Волобуев
со своей послевоенной женой

представлено бывшими зэками, которые в свое время отбыли сроки заключения и вышли на свободу. Но, как оказалось, вышли ненадолго.

Даже участие в войне не избавляло от новых обвинений. И эта нота обиды пронизывала приватный разговор отца со мной по дороге из урочища Жуковка в Нижний Кастрополь. Как я понял из его осторожных слов, уполномоченный (назовем его так) госбезопасности пытался «пришить» к само собой разумеющейся неблагонадежности отца преступную встречу с неким иностранцем, занесенным бог знает каким ветром в курортную Ялту. А чем это грозило в то время, было ясно. Я физически ощущал отцовскую

тревогу и неуравновешенность, обостренную лагерными годами, слушающая его объяснения в любви к Родине, вот к этим камням (отцовский жест в их сторону), которые выпирают из выпаренной солнцем земли.

Трагедия не заставила себя ждать. В день, когда море сильно штормило (в конце августа это бывает), отец на глазах у отдыхающих, выждав момент (опытный пловец), нырнул в набежавшую волну и поплыл навстречу, видимо, намеченной судьбе. Несколько раз на гребне волны, рассказывали очевидцы, показывалась голова, а потом видны были только пенные гребни... Меня в тот момент, в последние часы отца, на пляжном берегу не было.

Отцу тогда было 42 года.

Библиографический список

1. Кулешов С.В. Историк О.В.Волобуев: Штрихи к творческому портрету. М.: Скрипторий, 2001. 190 с.
2. Левитанский Ю.Д. Когда-нибудь после меня / Сост. И.В.Машковская. М.: Изд-во «Х.Г.С.», 1998. 608 с.
3. Маяковский В.В. Избранные сочинения: в 2 т. Т.2 / Сост. А.Ушакова, примеч. Ф.Пицкель. М.: Художественная литература, 1982. 558 с.
4. Маяковский В.В. Сочинения: в 2 т. Т.1 / Сост. Ал.Михайлова; вступ. ст. А.Метченко; прим. А.Ушакова. М.: Правда, 1987. 768 с.
5. Симонов К.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т.1: Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы / Вступ. статья Л.Лазарева; коммент. А.Александровой. М.: Художественная литература, 1979. 670 с.
6. Уткин И.П. Стихотворения и поэмы. М.–Л.: Советский писатель, 1966. 382 с.

Дым отечества
светлее огня на чужбине.

Лукиан из Самосаты

Только одно отечество
заключает в себе то,
что дорого всем.

Цицерон Марк Туллий

**Ксения Сак,
Марина Сорокина**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ И 20-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ:

ДОКУМЕНТЫ ЦК КПСС И КГБ СССР О НАГРАЖДЕНИИ УЧАСТНИКОВ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

УДК

94:305-055.2(497.11)«1941/1944»

В настоящей публикации документов о награждении русских эмигрантов высшими советскими правительственными наградами в 1965 г. и предисловии к ним рассмотрен вопрос о влиянии внутренних и международных контекстов на это решение партийного руководства. Уникальные документы Российского государственного архива новейшей истории отражают заинтересованность в этой акции как советской интеллигенции, так и органов государственной безопасности. В результате награждения русские эмигранты, участники европейского Сопротивления, были включены в советский пантеон героев и стали частью официальной политики памяти о Великой Отечественной войне. При этом на международном уровне «наградная дипломатия» создала эффективный информационный повод для пропаганды в среде антисоветской эмиграции.

This publication of documents on awarding Russian émigrés with the highest Soviet government awards in 1965 and an introductory article considers the question of the influence of domestic and international contexts on this decision of the party leadership. The unique documents of the Russian State Archive of Contemporary History reflect both the interest of the Soviet intelligentsia in this action and of the state security agencies. As a result of the awarding, Russian emigrants, members of the European Resistance, were included in the Soviet pantheon of heroes and became a part of the official policy of memory of the Great Patriotic War. At the same time at the international level "award diplomacy" created an effective informational occasion for propaganda among anti-Soviet emigration.

Ключевые слова: белоэмигранты; награждение; движение Сопротивления; Великая Отечественная война; В.Оболенская; Г.Шибанов; М.Гафт; И.Троян; К.Радищев; А.Дураков; КГБ.

Key words: White emigrants; rewarding; Resistance movement; Great Patriotic War; V.Obolenskaya; G.Shibanov; M.Gaft, I.Troyan, K.Radishchev, A.Durakov, KGB.

E-mail: ksenia.sak@gmail.com, msorokina61@gmail.com

19 ноября 1965 г. газета «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о «награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии»¹. За этой громоздкой и не очень понятной советскому обывателю формулировкой Указа скрывались русские «белые» эмигранты, еще недавно считавшиеся в СССР «отщепенцами», а в годы войны проявившие себя активными антифашистами. Орденом Отечественной войны I степени были награждены Вера Аполлоновна Оболенская (1911–1944) и Георгий Владимирович Шибанов (1900–1970), орденом Отечественной войны II степени – Алексей Петрович Дураков (1898–1944) и Иван Иванович Троян (1901–1944), медалью «За боевые заслуги» – Михаил Яковлевич Гафт и Кирилл Алексеевич Радищев (1921–1944). Пятеро из награжденных находились во время войны во Франции, один – в Югославии. За исключением Г.В. Шибанова и М.Я. Гафта, все остальные были награждены посмертно.

На следующий день после опубликования Указа в главной советской газете появилась статья под названием «Патриоты», в которой кратко рассказывалось о судьбах награжденных и их деятельности в движении Сопротивления. Причем в историях Оболенской и Радищева, фамилии которых очевидно ассоциировались с известными дореволюционными родами, было особенно подчеркнуто их русское происхождение.

Включение русских эмигрантов-резистантов в пантеон советских героев и сопутствовавшая ему пропагандистская подготовка общественного мнения, казалось бы, символизировали стремление нового советского руководства, пришедшего к власти в 1964 г., к воссоединению зарубежной и советской России / СССР на основе идеологии патриотизма и общей борьбы против нацизма. Однако на уровне наградных кампаний в следующий раз об участии русских эмигрантов в европейском Сопротивлении вспомнили только через тринадцать лет – в мае 1978 г., когда ордена Отечественной войны I степени была удостоена «бельгийская Жанна д'Арк» – Марина Александровна Шафрова-Марутаева (1908–1942). Другая немногочисленная группа «русских французов»-сопротивленцев получила советские ордена и медали еще через семь лет – в мае 1985 г., с началом эпохи «перестройки» и «нового мышления»². Таким образом,

¹ Оригинал: [1, л. 184, 185].

² Орденом Отечественной войны были награждены Т.А. Волконская, Б.В. Вильде, А. Левицкий, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), медалью «За боевые заслуги» – Б.Б. Синский-Семихат.

за весь послевоенный период только двенадцать русских эмигрантов были отмечены советскими боевыми наградами. Между тем такой мощный пропагандистский ресурс, как «награждение орденом», был постоянно используемым инструментом в международных практиках постсталинского СССР в отношении граждан других государств [19, с. 135–146].

Тем не менее ноябрьский 1965 года Указ оказался знаковым во многих внутренних и международных контекстах, о которых мы уже писали [18; 21, с.39]. Но прежде всего он закреплял первые попытки проделанной в годы «оттепели» работы по сшиванию общей истории «разделенного общества», примирению и интенсификации связей с «белой» русской эмиграцией и ее потомками.

Напомним, что после кончины И.В.Сталина в 1953 г. в определенной части советской политической и культурной элиты сформировался новый «ревизионистский» подход к русской эмиграции, которая стала рассматриваться не только как «враг», с которым необходимо бороться, но и более дальновидно и прагматично – как один из каналов распространения и поддержки советского влияния в мире. Одним из следствий такого подхода стало изменение положения многих эмигрантов-«возвращенцев». Разбросанные после приезда по отдаленной советской провинции или даже отправленные в лагеря, теперь некоторые из них получили возможность переехать в крупные города СССР, работать по профессии, защищать диссертации и даже публиковать свои воспоминания. Так, известные резонансные мемуары Льва Любимова «На чужбине» были напечатаны в 1957 г. в возглавлявшемся Константином Симоновым крупнейшем советском журнале «Новый мир» в одном разделе («Дневники, воспоминания, документы») с воспоминаниями секретаря Н.К.Крупской Веры Дридзо.

Именно в эти годы впервые широко заговорили и о русских участниках европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Советская система пропаганды (средства массовой информации, издательства, кинематограф и др.) стала активно работать на создание патриотического – позитивного и жертвенного – образа русского эмигранта. В это же время известный кинодраматург, один из родоначальников киноленинианы, лауреат Сталинской премии и орденоносец, Алексей Каплер (1903–1979) всю работу над литературным сценарием «В русском Париже», сюжетную канву которого составляла трагическая история Вики Оболенской.

Сценарий Каплера собирался экранизировать в рамках совместного советско-французского проекта другой корифей советского кинемато-

графа, также орденосный кинорежиссер Марк Донской (1901–1981). Сочетание в одном проекте двух ведущих деятелей советского кинематографа, а также приглашение на главную роль французской кинозвезды первой величины, к тому же русской по происхождению, – Марины Влади несомненно свидетельствовало о заказной актуальности темы и намерении создать международной кинобестселлер, обращенный к самой широкой советской и зарубежной аудитории. И хотя проект не состоялся ввиду отказа французской стороны, сама его идея была очень характерна для того времени.

Заметно оживившиеся в годы «оттепели» культурные и личные связи советской интеллигенции с зарубежными коллегами и зарубежными соотечественниками способствовали появлению целого направления в публицистике, знакомившего советского читателя с достижениями русского зарубежья, прежде всего во Франции. Литератор Рита Корн, жена известного поэта В. Киршона, опубликовала в августе 1964 г. в «Огоньке» статью «Русские сердца», подробно рассказавшую о Б. Вильде и А. Левицком, Вики Оболенской и И. А. Кривошеине [14]. Спустя несколько дней в газете «Комсомольская правда» появилась и другая публикация на ту же тему – «Русские герои Франции», в которой приводились выдержки из писем Левицкого и Вильде, написанных в нацистской тюрьме незадолго до расстрела [13]. Эти и другие тексты в центральной и местной прессе создавали весьма благоприятную по отношению к зарубежным соотечественникам информационную среду в советском обществе.

Особое место в пропаганде нового образа «русской эмиграции» отводилось не только художественному, но и документальному кинематографу и, прежде всего, фильму «Перед судом истории» – фильму-интервью с известным дореволюционным политиком, монархистом, бывшим членом Второй, Третьей и Четвертой Государственной думы Василием Витальевичем Шульгиным (1878–1976). В 1917 г. принимавший отречение императора Николая II, он многие годы жил в эмиграции, в декабре 1944 г. был арестован в Югославии и переправлен в СССР, где Шульгина за антисоветскую деятельность осудили на 25 лет заключения, значительную часть которых он провел во Владимирском центре [22, с. 61].

Удивительное преображение политического узника в советского кинематографического героя было во многом связано с желанием самого В. В. Шульгина стать посредником между советскими властями и русской эмиграцией, что, в частности, получило оформление в 1960 году в виде его знаменитых, опубликованных многотысячными тиражами «Писем к русским эмигрантам». Тогда же началась и подготовка к съемкам

фильма «Перед судом истории», режиссером которого выступил классик советского кино – лауреат четырех Сталинских премий Фридрих Эрмлер (1898–1967), а от КГБ проект курировал тогда еще молодой офицер, а в недалеком будущем один из главных борцов с инакомыслием в СССР, генерал Филипп Бобков (1925–2019), регулярно встречавшийся с Шульгиным в Москве на квартире сценариста фильма В.П.Вайнштока [23, с. 88].

Предполагалось, что фильм, в заключительных сценах которого участие русских эмигрантов в Сопротивлении противопоставлялось краху и бессмысленности борьбы другой части эмиграции против исторической родины, выйдет на широкий экран осенью 1965 г. и таким образом как бы закольцует всю «операцию» по имплантации в советское общественное сознание нового образа русского эмигранта – теперь именуемого «зарубежным соотечественником». Однако участие Василия Шульгина в фильме оказалось столь ярким и доминирующим, что «суда истории» не получилось и фильм лег на полку на долгие годы.

Обстоятельства подготовки и появления наградного Указа 1965 года до недавнего времени оставались совершенно неизвестными. Кому принадлежала идея награждения и кто стал инициатором этой символической акции, как и по каким критериям отбирались персоналии первой шестерки награждаемых эмигрантов, почему отмеченными оказались эмигранты только из Франции и Югославии и, наконец, почему этот Указ появился так поздно – в ноябре 1965 г., хотя был очевидно связан с восстановлением Дня Победы 9 мая как общенационального праздника, эти вопросы в российской историографии даже не ставились. Тем более остается открытым базовый для понимания столь неординарного политического жеста советского руководства вопрос – кто и как формулировал политику Советского государства в отношении белой постреволюционной эмиграции, ее потомков и зарубежных соотечественников, была ли вообще такая политика чем-то единым или следовала ситуативным трендам, связанным с общей трансформацией советской политической системы и созданием советского миротворческого конструкта в условиях холодной войны [20; 24].

Документы, недавно выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) [9], дают очень любопытный и неожиданный материал для первых ответов на эти вопросы. В настоящей публикации, реконструирующей предысторию награждения русских эмигрантов, представлены документы Общего отдела ЦК КПСС, а так-

же ряд сопредельных материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Инициативным документом было обращение уже известного нам киносценариста В.П.Вайнштока (псевдоним – Владимиров) в ЦК КПСС от 21 апреля 1965 г. по поводу признания заслуг В.А.Оболенской (см. документ №1). Сам Вайншток был неплохо знаком с близким кругом Вики и с ее мужем князем Н.А.Оболенским. Примечательно, что письмо Вайнштока хронологически совпало с проведением 14 апреля второго Пленума Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, членами которого были несколько бывших эмигрантов. Ряды этой общественной организации пополнили тогда и выдающиеся деятели советской кинематографии. На Пленуме была озвучена мысль о необходимости поиска и освещения в прессе подвигов соотечественников, участвовавших в европейском движении Сопротивления. «Хотя эмиграция по своему составу – разная, – говорил в своей речи председатель Комитета В.М.Маляев, – нельзя забывать, что со стороны старой эмиграции было проявлено очень много патриотических действий во время Великой Отечественной войны. Сейчас, накануне 20-летия победы над фашистской Германией, надо искать людей, кто участвовал в движении Сопротивления, собирал деньги для Советской Армии и рассказывать о них в газетах и по радио. Это будет способствовать воспитанию патриотических чувств у наших соотечественников на их собственных примерах» [7, л.4]. Отметим, что в качестве приглашенных гостей в работе Пленума принимали участие вернувшиеся после войны из Франции и Югославии в СССР Л.Д.Любимов, В.Б.Сосинский, И.Н.Голенищев-Кутузов [7, л.115], а А.Каплер даже был утвержден в качестве члена Комитета [7, л.117].

Сохранившийся в архивном фонде Комитета подробный план работы на юбилейный 1965 год зафиксировал перспективу издания статей о резистантах в разделе «Патриоты земли русской в зарубежье». Под заголовком «Создадим книгу о величии русского народа» журналисты Комитета планировали написать о героической деятельности русских людей в Сопротивлении (без уточнения советских или из «бывших»), а в списках материалов для публикации фигурировали воспоминания репатриантов Г.В.Шибанова и И.А.Кривошеина [5, л.11, л.38]. Однако упоминаний об инициативе по награждению соотечественников советскими правительственными наградами нам обнаружить не удалось.

Для сравнения, в фонде Советского комитета ветеранов войны (далее СКВВ), который инициировал в 1964 г. награждение французских

участников Сопротивления, помогавших советским военнопленным, сохранились подробные материалы со списками кандидатов и сведения о проведении самой церемонии [2]. Акция по награждению французов также утверждалась в ЦК КПСС, и в его архиве среди документов по этому вопросу находятся материалы СКВВ с запиской председателя А.П.Маресьева [4]. Это контрастирует с сохранившимися в архиве ЦК документами по награждению эмигрантов 1965 г. – какие-либо заявления со стороны Советского комитета по культурным связям с соотечественниками в деле отсутствуют.

Вторым публикуемым документом является записка председателя Комитета государственной безопасности (КГБ) В.Е.Семичастного, направленная в ЦК КПСС в майские дни 20-летия Победы. В отличие от письма Вайнштока, в этом документе фигурируют уже шесть кандидатов на награждение. Любопытно, что все они названы «соотечественниками» и лишь в скобках пояснялось, что речь идет об «эмигрантах». Дальнейшее обсуждение вопроса о награждении сопротивленцев шло в ЦК КПСС на основании именно этой записки.

Обсуждение записки Семичастного состоялось в ЦК КПСС 13 октября 1965 г. На заседании Секретариата под председательством Н.В.Подгорного был утвержден проект постановления. В соответствии со сложившейся делопроизводственной практикой утвержденные постановления о награждениях направлялись на дополнительное рассмотрение в Президиум ЦК. В тот же день заведующий Общим отделом ЦК КПСС К.У.Черненко разослал материалы по этому вопросу исключительно членам Президиума ЦК. Кандидаты в члены Президиума эти материалы не получили, что свидетельствует о том, что голосование происходило узким кругом высшего партийного руководства. Кроме того, отдельные выписки постановления были дополнительно разосланы лично Л.И.Брежневу, А.И.Микояну, Б.Н.Пономареву, В.Е.Семичастному и М.П.Георгадзе. Спустя еще месяц, 16 ноября, опросом членов Президиума ЦК было принято окончательное решение о награждении русских эмигрантов – все члены Президиума проголосовали «за». Примечательно, что сопроводительную записку, разосланную членам ЦК перед голосованием, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Д.П.Шевлягин начинал словами о том, что предложение о награждении внес непосредственно КГБ, и вовсе не упоминал об инициативе Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом.

Однако в записке от 10 ноября (документ №6) первый заместитель председателя КГБ Н.С.Захаров недвусмысленно утверждал, что идею

награждения подал именно этот Комитет. Кроме того, сведения о нем появились в документах ЦК и в связи с «обличительной» запиской Л. П. Василевского (документ №5), который обвинил некоторых представленных к наградам эмигрантов в антисоветской деятельности и заявил об их причастности к английской разведке.

Выявленные документы позволяют предположить, что акция по награждению русских эмигрантов – участников европейского Сопrotивления в годы Второй мировой войны имела достаточно спонтанный характер. Она была реализована благодаря тому, что оказалась символической точкой, в которой сошлись интересы советского государства, включая политическую элиту и госбезопасность, и советского общества – в лице представителей его творческой элиты и ветеранов войны. Не случайно и то, что награждение состоялось в год 20-летия Великой Победы, когда на официальном уровне закладывалась новая коммеморативная практика, консолидировавшая советское общество на основе коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Она стала второй важнейшей частью официальной политики памяти советского государства, наряду с Октябрьской революцией 1917 года.

ДОКУМЕНТЫ

№1. Заявление киносценариста В. П. Вайнштока в ЦК КПСС о награждении русской эмигрантки, участницы движения Сопrotивления В. А. Оболенской

ЦК КПСС

21 апреля 1965 г.

В связи с работой над сценарием и фильмом «Перед судом истории»³ я в течение трех лет занимался историей и судьбами людей белой эмиграции.

³ К/ф «Перед судом истории»: сценарий В. Владимирова при участии М. Блеймана. Постановка Ф. Эрмлера. Редактор Х. Элкен. Участвуют: Василий Витальевич Шульгин, Федор Николаевич Петров. В роли историка – С. Свистунов. Ленфильм, 1965. Черно-белый полнометражный документальный фильм, в котором один из лидеров монархического движения В. В. Шульгин отвечает на вопросы историка и осмысляет важнейшие исторические события – предреволюционные годы, отречение Николая II, Гражданская война, жизнь в эмиграции, Первая и Вторая мировые войны. Фильм заканчивается кадрами документальной съемки XXII съезда КПСС 1961 г., на котором В. Шульгин присутствовал в качестве приглашенного гостя. Кинокартина была предназначена для показа за рубежом. В СССР она также недолго демонстрировалась на местных кинофестивалях. В. В. Шульгин (1878–1976), главный герой фильма, попал в СССР после ареста в конце 1944 г. сотрудниками СМЕРШ в Белграде. В 1945 г. он был переправлен в Москву,

Еще в 30-х годах некоторая, правда, очень незначительная, часть эмиграции была настроена просоветски и, желая заслужить право возвращения на Родину, воевала в рядах интернациональных бригад в Испании⁴, а затем послужила ядром самой мощной отдельной эмигрантской группировки Соппротивления – «Русский патриот»⁵, действовавшей под руководством ЦК ФКП.

Активное участие многих русских эмигрантов во французском Соппротивлении началось с момента поражения Франции⁶, и в особенности вероломного нападения Гитлера на Советский Союз. Лишь немногие остались на прежних враждебных позициях.

Русские эмигранты боролись в различных французских организациях, советских и смешанных партизанских отрядах. Многие погибли в боях, в застенках гестапо и в концлагерях. Некоторые из выживших вернулись на Родину, другие проживают во Франции и по сей день⁷.

в 1947 г. приговорен к 25 годам лишения свободы за антисоветскую деятельность. В 1956 г. он получил свободу по амнистии.

⁴*В 1936–1939 гг. Испанию охватила Гражданская война между Второй Испанской Республикой и националистическими силами генерала Ф. Франко. С октября 1936 г. на территории страны были организованы интернациональные бригады, в которых воевали добровольцы из различных государств. Русские эмигранты вошли в состав XI, XII и XIII интербригад. Часть русских эмигрантов служила в подразделениях республиканской армии. Отдельного воинского формирования из русских эмигрантов создано не было. Споры о численности русских эмигрантов, принявших участие в Гражданской войне в Испании, идут до сих пор. По документам интербригад, группа русских эмигрантов составляла 340 человек. Большинство из них состояло в национальных компартиях, было членами Союза возвращения на родину или профсоюзов. В сентябре–октябре 1938 г. интербригады были расформированы.*

⁵*Союз русских патриотов (СРП) был создан русскими эмигрантами в октябре 1943 г. при участии французской компартии. Союз должен был стать русской секцией МОИ (Main-d'œuvre immigrée), которая состояла из трех секторов: французы из интербригад, сражавшиеся в Испании иностранцы и молодые коммунисты. Одним из руководителей СРП был Г.В. Шибанов. Он отвечал за лагерные комитеты, организацию побегов советских военнопленных и формирование из них партизанских отрядов [11, с. 145; 18, с. 105].*

⁶*Франция объявила войну Германии 3 сентября 1939 г. Части вермахта вторглись на ее территорию 10 мая 1940 г. 22 июня французское правительство подписало Второе Компьенское перемирие: 2/3 территории Франции было оккупировано, а южная ее часть и колонии управлялись коллаборационистским правительством маршала Ф. Петена в Виши. В ноябре 1942 г. эта территория также была оккупирована Германией.*

⁷*Франция была одним из крупнейших центров русской эмиграции «первой волны». После войны численность русской диаспоры значительно сократилась, что во многом было связано с преклонным возрастом эмигрантов (естественной убылью) и выездом русских эмигрантов из Европы. Для эмигрантов «второй волны» проживание во Франции не было предпочтительным. На 1960 г., по данным КГБ СССР об эмиграции во Францию, там находилось 28 тыс. русских эмигрантов и перемещенных лиц, из них 3 тыс. чел. имели советский паспорт. В добавление к этому числу около 10 тыс. составляли украинцы, 2 тыс. белорусы, 700–800 грузины, 1000 литовцы, 600 латыши и до 400 эстонцы (Краткая справка КГБ СССР об эмиграции во Францию. 8 февр. 1960 г. [16, с. 109]).*

^аОсобое место среди эмигрантов, участвовавших в движении Сопротивления, занимает Вики Оболенская^б (урожденная^в Вера Аполлоновна Макарова^а), вывезенная из России в возрасте семи лет.

Еще в августе 1940 года, сразу же после оккупации Франции, она со своими французскими друзьями создала организацию Сопротивления, непосредственно связанную со штабом генерала де Голля – О.С.М. («Военная и Гражданская организация»)^б.

Оболенская была активным работником и ответственным секретарем О.С.М. в течение более трех лет – с момента основания этой организации и до ареста Вики – 17 декабря 1943 года.

Эта молодая, красивая женщина вела себя на допросах в гестаповских застенках с исключительным мужеством, твердостью и достоинством. Об этом, как и о ее большой работе в О.С.М., опубликовано много свидетельств руководителей и членов этой организации.

Вследствие отказа от дачи каких бы то ни было показаний и ее непреклонного поведения на суде, Оболенская была приговорена немецким военным трибуналом к смертной казни. Она отказалась подписать просьбу о помиловании и 4 августа 1944 года в Берлине, в тюрьме П्लе[т]цензее, ей отрубили топором голову. Вики было тридцать три года.

Посмертно В.Оболенской было присвоено звание младшего лейтенанта, и она была награждена французским правительством крестом Почетного Легиона, Военным крестом и медалью Сопротивления. В память о ней во Франции установлен памятник и ряд мемориальных досок^в.

^бПодчеркнуто простым карандашом.

^вПодчеркнуто простым карандашом.

^гПодчеркнуто простым карандашом.

^д«Гражданская и военная организация» (ОСМ), одно из крупнейших массовых объединений движения Сопротивления на оккупированной территории Франции, была образована из подпольных групп промышленника Жака Артюиса и вице-председателя Конференции работников умственного труда Макса Блок-Маскара в декабре 1940 г. В.А. Оболенская, до войны работавшая у Ж.Артюиса, заняла в ней должность генерального секретаря. Организация сотрудничала со «Свободной Францией» Ш. де Голля, находившейся в Лондоне, и передавала ей разведывательные данные. В Великобритании «Свободная Франция» взаимодействовала с правительством У.Черчилля и получала от него финансовую поддержку [10, с. 30].

^еВ.А. Оболенская была награждена Кавалерским крестом ордена Почетного легиона, Военным крестом с пальмовой ветвью, а также медалью Сопротивления 6 мая 1946 г. [12, с. 309]. Еще одно посмертное награждение состоялось во время торжественной церемонии в коммуне Рюей-ла-Гадельер в 1958 г. В этой же коммуне установлена памятная доска (Musée de la résistance en ligne (museedelaresistanceenligne.org)). Другая памятная доска установлена на мемориальной часовне на кладбище Сан-Женевьев-де-Буа. По некоторым данным, имя В. Оболенской присутствует на памятнике жертвам войны в Нормандии.

Генерал де Голль в личном письме ее мужу, князю Н.А. Оболенскому (узнику Бухенвальда, случайно уцелевшему)¹⁰, высоко оценил заслуги Вики Оболенской.

Английское военное командование также наградило Оболенскую орденом^а.

Сегодня, когда мы отмечаем 20-летие победы над фашистской Германией, мне кажется справедливым и заслуженным посмертное награждение В.Оболенской одним из наших военных орденов.

Нет сомнения, что это имело бы большой общественный резонанс за рубежом.

В.Владимиров-Вайншток.

21^о апреля 1965 г.

[...]^б

Штамп: на обороте второго листа штамп трапецевидной формы о возврате документа в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС, содержащий номер (7340) и дату (15/18 ноября 1965 г.).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 800. Л. 11–12. Машинопись, 2-й экз. Подпись-автограф черными чернилами.

**№2. Письмо сценариста В.П.Вайнштока секретарю ЦК КПСС
Б.Н.Пономареву с просьбой о личной встрече**

Секретарю ЦК КПСС
Тов. Пономареву Б.Н.

21 апреля 1965 г.

Уважаемый Борис Николаевич!

Из прилагаемого письма в ЦК КПСС Вам будет ясна суть вопроса.

В письме я лишь кратко смог изложить основное содержание, поэтому я убедительно прошу уделить время и принять меня.

¹⁰ *Оболенский Николай Александрович (1900–1979), участник французского движения Сопротивления, с 1937 г. муж В.А. Оболенской. В 1944 г. был арестован гестапо и помещен в концлагерь Бухенвальд, освобожден американскими войсками 11 апреля 1945 г. В 1965 г. рукоположен в сан протоиерея, служил в Свято-Александро-Невском соборе в Париже. Награжден Орденом Почетного Легиона, Военным крестом и медалью Сопротивления.*

^{а-а} *Отчеркнуто слева на полях простым карандашом.*

^б *Вписано чернилами черного цвета.*

^с *Сведения о номерах домашнего и служебного телефона не приводятся.*

В личной беседе я многое мог бы дополнить, ответить на возможные вопросы и показать ряд материалов, полученных мною в Париже.

Заранее благодарю.

В. Владимиров-Вайниток
21^{11а} апреля 1965 г.

Штамп: на обороте снизу ЦК Общій отдел, приложение к вх. № 7340 (вписано чернилами).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 800. Л. 16–17. Машинопись. Подпись-автограф чернилами черного цвета.

№3. Инициативная записка председателя КГБ
при Совете Министров СССР В.Е. Семичастного
в ЦК КПСС с предложением о награждении группы
из 6 русских эмигрантов, участников
движения Сопротивления

ЦК КПСС
10^а мая 1965 г.
№1010-с⁶

10 мая 1965 г.

В связи с 20-й годовщиной победоносного завершения Великой Отечественной войны представляется целесообразным наградить орденами и медалями СССР некоторых соотечественников (эмигрантов), которые, проживая во время войны за пределами Родины, активно участвовали в борьбе против гитлеровской Германии, проявив при этом мужество и отвагу. Такими соотечественниками являются:

1. Оболенская Вера Аполлоновна, вывезенная из России во Францию родителями в детском возрасте. Во время Отечественной войны активно участвовала в движении Сопротивления, за что была арестована гестапо и в 1944 году казнена.

Достойна награждения орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

¹¹ Вписано чернилами черного цвета.

^а Вписано чернилами синего цвета.

⁶ Вписано чернилами синего цвета.

2. Шибанов Георгий Владимирович, эмигрировавший из СССР в 1920 году. Во время Отечественной войны активно участвовал в движении Сопротивления во Франции, являлся руководителем русской секции этого движения.^{12 а} После войны вернулся в СССР^а.
Достоин награждения орденом Отечественной войны I степени.
3. Дураков Алексей Петрович, эмигрировавший из СССР в 1920 году и проживавший в Югославии. В период Отечественной войны вместе с югославскими партизанами участвовал в боевых операциях против гитлеровцев. В 1944 году во время боя был тяжело ранен, захвачен фашистами и расстрелян.
Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени (посмертно).
4. Троян Иван Иванович, эмигрировал во Францию вместе с остатками белой армии. В период гражданской войны в Испании являлся бойцом интернациональной бригады. Во время 2-й мировой войны находился во Франции, укрывал советских военнопленных от гестапо, принимал участие в создании и действиях советских партизанских отрядов на территории Франции. Был арестован гитлеровцами, подвергался жестоким пыткам, проявил большую стойкость, в 1944 году расстрелян.
Достоин награждения Орденом Отечественной войны II степени (посмертно).
5. Радищев Кирилл Алексеевич, вывезенный родителями из СССР во Францию в детском возрасте. С первых дней Отечественной войны примкнул к движению Сопротивления, принимал активное участие в печатании и распространении антифашистских листовок и прокламаций. В 1942 году был осужден немецким военным трибуналом к тюремному заключению, в 1944 году умер в тюрьме.
Достоин награждения медалью «За боевые заслуги» (посмертно).
6. Гафт Михаил Яковлевич, длительное время проживавший во Франции. В период гражданской войны в Испании являлся бойцом интернациональной бригады. Во время 2-й мировой войны принимал активное участие в движении Сопротивления во Франции, организовывал побег советских военнопленных из лагерей, помогал им устанавливать связь с местными патриотическими организациями и создавать советские партизанские отряды.^{б-б} После войны репатриировался в СССР^б.
Достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

^{12 а-а} Подчеркнуто простым карандашом.

^{б-б} Подчеркнуто простым карандашом.

Награждение указанных лиц окажет положительное воздействие на соотечественников, проживающих за рубежом, и будет способствовать расширению среди них патриотического движения.

В случае согласия считаем целесообразным поручить МИД СССР через послов согласовать эти вопросы с руководством компартии Франции и Союза коммунистов Югославии.

Прошу рассмотреть.

*Председатель Комитета
государственной безопасности
В. Семичастный*

Штампы: на первом листе сверху справа штамп красного цвета ЦК КПСС №17774 и датой 10 мая 1965 г. Там же штамп «2-й сектор, контроль». На обороте третьего листа штамп трапецевидной формы о возврате документа в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС, содержащий номер (7341) и дату (15/18 ноября 1965 г.).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 800. Л. 6–8. Машинопись на бланке КГБ при Совете Министров СССР. Подпись-автограф В. Семичастного синими чернилами.

**№4. Сопроводительная записка заместителя
заведующего Международным отделом ЦК КПСС
Д. П. Шевлягина в ЦК КПСС¹³**

Центральный комитет КПСС

4 сентября 1965 г.

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР внес в ЦК КПСС предложение о награждении орденами и медалями СССР в связи с 20-й годовщиной победоносного завершения Великой Отечественной войны группы соотечественников^а (эмигрантов), которые, проживая во время войны за пределами Родины^а, активно участвовали в борьбе против гитлеровской Германии, проявив при этом мужество и отвагу.

¹³ К документу прилагается сопроводительная записка о рассылке членам Президиума ЦК КПСС на голосование за подписью К. У. Черненко от 13 сентября 1965 г.

^{а-а} Подчеркнуто простым карандашом.

^б Здесь и далее опечатка автора документа в тексте.

В.А.Оболенская, А.П.Дураков, И.И.Троян, К.А.Радищев представлены к награждению посмертно. Первые трое были схвачены и казнены гитлеровцами, К.А.Радищев погиб в фашистской тюрьме. Г.В.Шабанов⁶ и М.Я.Гафту после окончания войны в связи с их заслугами в борьбе с гитлеровцами во Франции было предоставлено советское гражданство, и они возвратились на родину. В настоящее время оба пенсионеры.

Считаем целесообразным поддержать предложение Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР о представлении к награждению соотечественников, чьи боевые заслуги в период войны достойны быть отмеченными советскими правительственными наградами. Награждение некоторого числа соотечественников за боевые заслуги в период Второй мировой войны способствовало бы росту патриотических настроений среди старой эмиграции и создало бы более благоприятные условия для использования этой эмиграции в наших интересах.

Особую роль среди патриотически настроенных эмигрантов, а также в борьбе с гитлеровцами сыграла казненная гестапо в 1944 году в Берлине княгиня В.А.Оболенская. Будучи одним из организаторов патриотического подполья во Франции, она проявила незаурядное мужество в борьбе с гитлеровскими оккупантами и передала союзному командованию ряд весьма важных сведений о немецко-фашистских войсках. Посмертно после окончания войны французское правительство присвоило В.А.Оболенской как героине Сопrotивления звание младшего лейтенанта французской армии и наградило ее Крестом почетного Легиона, Военным крестом и медалью участника Сопrotивления.

Большое мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами во Франции проявили также Г.В.Шабанов, И.И.Троян, К.А.Радищев, М.Я.Гафт и активно участвовавший в боевых операциях югославских партизан А.П.Дураков.

Полагали бы целесообразным решить вопрос о посмертном награждении В.А.Оболенской, А.П.Дуракова, И.И.Трояна и К.А.Радищева, а также Г.В.Шабанова и М.Я.Гафта.

Международный отдел советовался по данному вопросу с находившимся в СССР на отдыхе ген[еральным] секретарем Французской компартии т[оварищем] Роше¹⁴. Не будучи в курсе дела, французские товарищи возражений не выразили.

¹⁴Роше Вальдек (1905–1983), в 1964–1972 гг. генеральный секретарь ЦК ФКП. Все награждения французских граждан советскими медалями согласовывались с французской компартией. В некоторых случаях ФКП выступала инициатором награждений.

Обращения к югославским товарищам по поводу награждения по-смертно А.П.Дуракова, погибшего в боях с гитлеровцами, по мнению Отдела, не требуется.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

*Зам[еститель] зав[едующего]
Международным отделом ЦК КПСС
Д. Шевлягин
4^а сентября 1965 г.
№25-С-1812*

Штамп: на обороте второго листа штамп трапециевидной формы о возврате документа в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС, содержащий номер (7342) и дату (15/18 ноября 1965 г.).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 800. Л. 4–5. Машинопись. Подпись-автограф Д. Шевлягина синими чернилами.

**№5. Копия заявления бывшего советского консула
в Париже Л.П.Василевского секретарю Президиума Верховного
Совета М.П.Георгадзе о недопущении к награждению
В.А.Оболенской в связи со шпионской деятельностью**

Копия

1 октября 1965 г.

Весьма срочно

Секретарю Верховного Совета СССР
товарищу Георгадзе М.П.

Глубокоуважаемый товарищ!

В настоящее время Верховным Советом СССР рассматривается вопрос о награждении советскими орденами бывших участников Сопротивления в ряде стран, оккупированных в период Второй мировой войны гитлеровцами.

Среди представленных к награждению (если не ошибаюсь, Советским Комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом¹⁵),

^aВписано чернилами синего цвета.

¹⁵17 сентября 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны». Вопросы миграции должен был заниматься созданный незадолго

значится участница Сопротивления во Франции белоэмигрантка, бывшая княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, казненная гитлеровцами в 1944 году.

В ряде опубликованных в нашей периодической печати статей, а также в фильме «На суд истории»¹⁶ (о Шульгине), В.А. Оболенская представляется героиней, которую, как говорится в этом фильме, «советский народ никогда не забудет».

В действительности же В.А. Оболенская, как и казненные гитлеровцами два других белоэмигранта: Борис Вильде¹⁷ и Анатолий Левицкий¹⁸, а также ныне проживающей в Москве И.А. Кривошеин¹⁹, до войны состояли во Франции в белоэмигрантской антисоветской организации, создан-

до этого в апреле 1955 г. Комитет по возвращению на Родину, действовавший в Берлине. В 1963–1974 г. этот комитет назывался «Советский Комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом». В задачи комитета входили: пропаганда положительного образа СССР за рубежом в среде русских эмигрантов, налаживание связей с эмигрантскими организациями, «разоблачение» деятельности «антисоветских элементов» в средствах массовой информации и т. п. [15, с. 42–53].

¹⁶ Так в тексте документа.

¹⁷ Вильде Борис Владимирович (1908–1942), с 1937 г. работал этнографом в Музее Человека. Был членом Союза молодых русских поэтов и писателей во Франции (с 1932 г.). В начале войны, будучи французским гражданином, мобилизован во французскую армию. Во время боев с частями вермахта под Арденнами попал в плен. Бежал в июле 1940 г. Вернувшись в Париж, стал участником подпольной антифашистской группы сотрудников музея. Занимался печатью и распространением газеты «Резистанс» (“Resistance”), а также разведывательной деятельностью. В марте 1941 г. арестован гестапо. Расстрелян 23 февраля 1942 г. в Форте Мон-Валерьен. 3 ноября 1943 г. Ш. де Голль посмертно наградил Б. Вильде медалью Сопротивления.

¹⁸ Левицкий Анатолий Сергеевич (1901–1942), ученый-этнограф, с 1931 г. работал в музее Человека. В октябре 1939 г. был как французский гражданин мобилизован в армию в чине офицера. Во время Второго Компьенского перемирия перебрался в свободную от оккупации зону Франции, а затем в Париж, где присоединился к подпольной группе сотрудников музея Человека. Вместе с Б. Вильде занимался выпуском и распространением газеты «Резистанс», добывал разведывательные сведения. В марте 1941 г. вместе с другими членами группы арестован гестапо. Расстрелян 23 февраля 1942 г. в Форте Мон-Валерьен. 3 ноября 1943 г. посмертно награжден медалью Сопротивления.

¹⁹ Кривошеин Игорь Александрович (1899–1987) во время войны организовал Комитет взаимопомощи, цель которого состояла в помощи семьям лагерных заключенных. Активно сотрудничал с Е. Ю. Скопцовой (матерью Марией). Был связан с Союзом русских патриотов. В июне 1944 г. арестован гестапо и находился в лагерях Компье, Бухенвальд, затем в Дахау. Освобожден американскими войсками в мае 1945 г. Награжден медалью Сопротивления. После войны возглавлял Организацию содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления. В конце 1947 г. репатрирован в СССР, с февраля 1948 г. проживал в Ульяновске. В 1949 г. был арестован МГБ и приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1954 г. реабилитирован. С 1955 г. работал в Москве техническим переводчиком. В середине 1970-х гг. вместе с супругой уехал в Париж, где в тот момент жил его сын. Скончался в 1987 г. в Париже.

ной русским монархистом Милюковым²⁰. Никогда они никакого контакта с просоветскими эмигрантскими организациями не имели, о советском гражданстве не возбуждали ходатайства и были натурализованными французами²¹.

После германской оккупации Франции В.А.Оболенская, как и все названные выше, вступили в созданное английской разведкой подполье, которому, как известно, боевая деятельность против немцев была запрещена, и которое занималось только шпионажем. Оболенская не вступила в Союз Русских Патриотов, создавший боевые отряды, хотя и знала о его существовании. Причиной этому являлось то, что Союз Русских Патриотов, созданный Г.В.Шибановым, действовал под руководством Французской Коммунистической партии.

Более того, по заданию английской разведки, Оболенская, на единственной встрече с Г.В.Шибановым, пыталась выполнить провокационное задание против этой организации и шла на это сознательно. Об этих ее действиях у меня имеется документальное свидетельство. Совершенно очевидно, что товарищи из Комитета по связям с соотечественниками за рубежом не знали этого или узнали поздно. Они ссылаются на то, что вопрос о награждении Оболенской не вызывает возражений со стороны руководства французской Компартии. Но дело в том, что французские товарищи, очевидно, не знают, на кого работала Оболенская и, по непонятным причинам, не возражали против ее награждения, поскольку инициатива исходила с нашей стороны.

Сообщая Вам все это, я прошу, пока еще не опубликован Указ о награждении, поручить кому-либо из работников Верховного Совета СССР установить контакт со мной и ознакомиться с имеющимися в моем распоряжении документальными свидетельствами, подтверждающими все сказанное выше.

По моему глубокому убеждению, такие люди, как В.А.Оболенская, Б.Вильде и А.Левицкий, сознательно сотрудничавшие во время войны с английскими разведывательными органами, ни при каких обстоятельствах и ни по каким соображениям не могут получить советских орденов

²⁰Вероятно, имеется в виду Союз русских писателей (первоначально литераторов) и журналистов, который П.Н.Милюков возглавлял с 1921 по 1940 гг. До революции П.Н.Милюков был лидером Конституционно-демократической партии, затем в 1917 г. министром иностранных дел Временного правительства. В эмиграции с ноября 1918 г. Милюков придерживался либерально-демократических взглядов и не был сторонником восстановления монархии.

²¹К документу прилагается сопроводительная записка о рассылке членам Президиума ЦК КПСС на голосование за подписью К.У.Черненко от 13 сентября 1965 г.

и предстать перед гражданами нашей страны в качестве героев минувшей войны.

1 октября 1965 г.

Л. Василевский,
полковник в отставке Л. Василевский (Л. Тарасов),
бывший Генконсул СССР в Париже в 1940–41 гг. и
Уполномоченный ИККИ²² для связи с подпольным
Секретариатом Компартии Франции
[...]^а

Штамп: на обороте второго листа штамп трапециевидной формы о возврате документа в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС, содержащий номер (7338) и дату (15/18 ноября 1965 г.).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 800. Л. 15–16. Машинописная копия.

**№6. Докладная записка первого заместителя председателя
КГБ Н.С.Захарова в Международный отдел ЦК КПСС по поводу
заявления Л.П.Василевского**

Секретно

10 ноября 1965 г.

10^б ноября 1965 г.

№3032/з^б

ЦК КПСС

(Международный отдел)

По существу заявления тов[арища] Василевского Л.П. (№25-А-1778 от 19.X.1965 г.) относительно сотрудничества с английской разведкой соотечественницы Оболенской В.А., кандидатура которой представлена Советским Комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом к правительственной награде, с ним проведена обстоятельная беседа.

На основании представленных т[оварищем] Василевским материалов Комитет госбезопасности провел дополнительную проверку сообщенных

²² ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

^а Сведения о домашнем адресе и номере телефона Л.П.Василевского не приводятся.

^б Вписано синими чернилами.

^в Вписано синими чернилами.

им фактов, в результате которой выяснилось, что ни т[оварищ] Василевский, ни т[оварщ] Шибанов Г.В., на которого он ссылается в своем заявлении, не располагают конкретными данными, которые могли бы подкрепить подозрения о связи Оболенской с английской разведкой и ее работе против возглавляемого французскими коммунистами движения Сопrotивления²³.

Комитет госбезопасности также не располагает материалами, которые давали бы основание говорить о причастности Оболенской к агентуре английской разведки.

В связи с изложенным и учитывая, что награждение Оболенской правительственной наградой (посмертно), которое поддерживается Компартией Франции, может оказать положительное влияние на дальнейшее развитие патриотического и прогрессивного движения среди соотечественников за рубежом, считаем возможным оставить кандидатуру Оболенской В.А. в списке лиц, представленных Советским Комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом, к правительственным наградам.

*Заместитель председателя
Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР
Н. Захаров.*

Штампы: на первом листе сверху справа штамп красного цвета ЦК КПСС №43169 и датой 11 ноября 1965 г. Там же штамп «2-й сектор, контроль». На обороте второго листа штамп трапециевидной формы о возврате документа в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС, содержащий номер (7339) и дату (15/18 ноября 1965 г.).

Пометы: на обороте второго листа снизу впечатано: №1/14–111909. XI.65 г.

РГАНИ. Ф.3. Оп.18. Д.800. Л.13–14. Машинопись на бланке КГБ. Подпись-автограф Захарова синими чернилами.

²³ *Движение Сопrotивления во Франции имело национально-освободительный антифашистский характер, в нем принимали участие люди из разных социальных слоев и с разными политическими взглядами. Во Франции движение получило официальный статус в 1943 г., когда в Алжире был создан Французский комитет национального освобождения, признанный странами антигитлеровской коалиции. Его возглавляли генералы Жиро и де Голль. Отдельные группы Сопrotивления, состоящие в основном из коммунистов, в апреле 1942 г. вошли в организацию Francs-Tireurs et Partisans и действовали под руководством французской компартии. В феврале 1944 г. она стала частью вооруженных сил Сопrotивления Франции.*

**№7. Протокольное постановление П 222/35 (опросом)
Президиума ЦК КПСС (XXII созыва) «О награждении орденами
и медалями СССР группы соотечественников, проживавших
во время Великой Отечественной войны за границей и активно
боровшихся против гитлеровской Германии»²⁴**

Протокол №222

16 ноября 1965 г.

заседания Президиума ЦК КПСС

от 18 ноября 1965 г.

[...]

От 16.XI.65 г.

**35. О награждении орденами и медалями СССР
группы соотечественников, проживавших во время
Великой Отечественной войны за границей
и активно боровшихся против гитлеровской Германии**

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии в период Великой Отечественной войны, орденом Отечественной войны I степени:

В.А. Оболенскую (посмертно) и Г.В. Шибанова; орденом Отечественной войны II степени. А.П. Дуракова (посмертно) и И.И. Трояна (посмертно); медалью «За боевые заслуги» М.Я. Гафта и К.А. Радищева (посмертно)²⁵.

²⁴ Вопрос первоначально рассматривался на заседании Секретариата ЦК КПСС 13 октября 1965 г. На заседании присутствовали: П. Н. Демичев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, А. П. Рудаков, М. А. Сулов, Д. Ф. Устинов и А. Н. Шелепин. Председательствовал – Н. В. Подгорный. Секретарями ЦК был рассмотрен проект постановления за подписью Шевлягина от 6 сентября 1965 г. (номер – 3569). Ими было принято постановление Секретариата ЦК Ст-127/35с «О награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии» (см.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 427. Л. 11). Текст постановления идентичен постановлению Президиума от 16 ноября, кроме последнего абзаца: «2. Внести на Президиум». В чистовом варианте протокольного постановления Секретариата ЦК стоят фамилии о согласовании: М. А. Сулова, Б. Н. Пономарева, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, А. П. Рудакова, Д. Ф. Устинова, Ф. Д. Кулакова и Н. В. Подгорного. Машинописная выписка постановления Секретариата ЦК за подписью Н. В. Подгорного с материалами была направлена в протокольную группу I сектора Общего отдела ЦК на следующий день. Материалы, а также лист для голосования были разосланы по указанию заведующего Общим отделом ЦК К. У. Черненко 13 ноября 1965 г.

²⁵ За проект постановления проголосовали – Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, М. А. Сулов, Н. М. Шверник, А. Н. Шелепин и П. Е. Шелест.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 380. Л. 44. Машинопись. Чистовой вариант протокола, подписной экз.

**№8. Сопроводительное письмо Европейского отдела
МИД СССР в Президиум Верховного Совета СССР
о возврате ордена Отечественной войны I-ой степени
В. А. Оболенской**

3 июля 1978 г.

По сообщению Посольства СССР во Франции, предпринимавшиеся на протяжении целого ряда лет меры к розыску родственников участницы французского движения Сопротивления В. А. Оболенской, посмертно награжденной в 1966²⁶ г. орденом Отечественной войны 1-й степени, не дали положительного результата²⁷.

За ненахождением родственников награжденной возвращаем Вам указанный орден и орденскую книжку.

Заведующий 1 Европейским отделом
Ю. Дубинин

Штампы: на обороте последнего листа слева снизу прямоугольный штамп Секретариата Президиума Верховного совета СССР и дата 3 июля 1978 г.

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 3728. Л. 1. Машинопись на бланке МИД СССР. I Европейский Отдел. Копия. Подпись-автограф Дубинина синими чернилами.

Отметок о голосовании А. П. Кириленко, К. Т. Мазурова и Д. С. Полянского не выявлено. Скорее всего, они или были в командировке, или болели. По указанию К. У. Черненко от 16 ноября проект постановления был оформлен как постановление Президиума ЦК КПСС. Оформила постановление зам. зав. I сектора Общего отдела ЦК М. В. Соколова.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Муж В. А. Оболенской Николай Александрович был известным протоиереем собора Александра Невского в Париже, умер в 1979 г. В 1965 г. советское посольство в Париже вручило ему орден В. А. Оболенской. По неизвестным причинам орден был возвращен в посольство.

**№9. Акт №301 о приеме пакета-посылки от МИД СССР
при письме от 3.07.1978 г. №510/1ео**

12 июля 1978 г.

Наименование и № № орден и медалей и наименования бланков документов	Количество по сопроводительному документу	Оказалось при вскрытии цифрами	Прописью	Замечания
Орден Отчужденной войны 1 ст. №311450	1	1	один	
Итого...	1	1	один	

Оказавшиеся в посылке ордена и медали подлежат оприходованию в орденовской кладовой по ^{28а}переплавке^а

Заведующий орденовской кладовой /неразб./

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 3728. Л. 2. Машинопись на бланке. Бланк заполнен простым карандашом. Входящий №0312.

**№10. Записка заместителя председателя общества «Родина»
Н.Гусева в Президиум Верховного Совета СССР о возврате
медали «За боевые заслуги» К.А.Радищева**

Президиум Верховного Совета СССР

20 июля 1978 г.

Направляем медаль «За боевые заслуги», которой посмертно награжден 18 ноября 1965 года наш соотечественник, участник французского Сопrotивления Радищев Кирилл Алексеевич.

Медаль была передана его родственницей в консульский отдел Посольства СССР во Франции, откуда ее переслали в Общество «Родина».

Приложение: медаль «За боевые заслуги» и удостоверение к ней №946160.

*Заместитель председателя
президиума общества «Родина»
Н.Гусев.*

^{28 а-а} Вписано простым карандашом.

Штампы: на обороте последнего листа слева снизу прямоугольный штамп Секретариат Президиума Верховного совета СССР и датой 28 июля 1978 г.

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 3728. Л. 5. Машинопись на бланке общества «Родина». Подпись-автограф Н. Гусева синими чернилами.

**№11. Акт о приеме пакета-посылки
от президиума общества «Родина»
при письме от 20.08.1978 г.**

9 августа 1978 г.

Наименование и № № орден и медалей и наименования бланков документов	Количество по сопроводительному документу	Оказалось при вскрытии цифрами	Прописью	Замечания
Медаль За боевые заслуги	1	1	Одна	Умерш[ий]
Итого...	1	1	Одна	

Оказавшиеся в посылке ордена и медали подлежат оприходованию в орденовой кладовой по ^{29а-}переплавке^а

Заведующий орденовой кладовой /неразб./

Штампы: на обороте бланка внизу по центру штамп «В архив».

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 3728. Л. 6. Машинопись на бланке. Бланк заполнен простым карандашом.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-7523. Оп. 82. Д. 263.
2. ГА РФ. Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 83. Д. 191.
3. ГА РФ. Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 117. Д. 3728.
4. ГА РФ. Ф. Р-9651 (Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»)). Оп. 1. Д. 33.

^{29 а-а} Вписано простым карандашом.

5. ГА РФ. Ф. Р-9651 (Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»)). Оп. 1. Д. 34.
6. ГА РФ. Ф. Р-9651 (Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»)). Оп. 1. Д. 40.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 16. Д. 520.
8. РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 18. Д. 380.
9. РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 16. Д. 800.
10. Арзаканян М. Ц. Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа. 2003. 157 с.
11. Вовк А. Ю. Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам Архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина. Москва: Русский путь: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 145–157.
12. Ковалев М. В. Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Межвузовский сборник научных трудов. 2006. С. 309. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/10090/035.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).
13. Комсомольская правда. 1964. 26 августа. № 201.
14. Корн Р. Русские сердца // Огонек. 1964. 16 августа. № 34. С. 6–7.
15. Кротова М. В. Русская эмиграция в архивных документах фонда Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность. Сборник научных статей. Будапешт, Selmeczi Bt.; Киров: Радуга-Пресс, 2020. С. 42–53.
16. «От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения. 1956–1973 / науч. ред. и отв. сост. Г. Ж. Муллек. М.: МФД, 2015. 619 с.
17. Решетников С. В. Русские эмигранты-сопротивленцы против Восточных батальонов вермахта во Франции (1943–1944 гг.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1(16). С. 105–122.
18. Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2021. 224 с.
19. Сак К. В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. [Электронный ресурс]. – URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).
20. Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945–1989: коллективная монография / науч. ред., рук. авт. коллектива О. С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 445 с.

21. Сорокина М.Ю. Перед лицом истории: русские ученые-антифашисты Второй мировой // Природа. 2021. №5. С.39–51.
22. Тюремная Одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М.: Книжица; Русский путь, 2010. 480 с.
23. Фомин В. От камеры до камеры // Родина. 2008 №2. С. 88.
24. Шок Н.П., Пивоваров Н.Ю. «За мир во всем мире»: гуманизм и этика глобальной безопасности в ракурсе идеологической политики советского руководства (1956–1962 гг.) // Диалог со временем. 2019. №68. С.340–355.

Наши авторы

Синдеев Алексей Александрович

доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва, Россия

Эйриян Вартан Арсенович

Студент 2 курса магистратуры МГИМО;
факультет «Международные отношения»

Зверев Василий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН, Москва

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор,
заведующий кафедрой истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ, Москва

Марчуков Андрей Владиславович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Московского государственного областного университета

Сак Ксения Васильевна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

Сорокина Марина Юрьевна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
начальник отдела истории русского зарубежья,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

Our authors

Sindeev Ales Aleksandrovich

D.Sci., historian, Professor of Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Eiriyan Vartan Arsenovich

1-year master's student, Department of international relations,
Moscow State University of International Relations

Zverev Vasily Vasil'evich

D.Sci., historian, Leading researcher at the Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci., historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early
and Early Modern Russian History, Russian State University
for Humanities, Moscow, Russia

Marchukov Andrei Vladislavovich

Ph.D., historian, Research Fellow
of the Russian History Institute RAS, Moscow, Russia

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher
of the Moscow State Regional University

Sak Ksenia Vasil'evna

Ph.D., historian, Leading researcher,
Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

Sorokina Marina Yur'evna

Ph.D., historian, Leading researcher, Head of the Department
of History, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 28.04.2022. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 178309**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

2.2022 march-april

Geopolitics and International Policy Issues

Alexey Sindeev

The 1962 Caribbean Crisis and the «Unity» of the West ____ 6

Vartan Eiriyani

The EU's Diplomacy on the South Caucasus
on the Basis of the Nagorno-Karabakh
Conflict in 2020–2021 _____

24

Resources of Nation

Vasily Zverev

Artisanal or Peasant Industry?

Towards the Unfinished Dispute Between

Narodniks and Marxists _____ 44

National Doctrine

Salavat Iskhakov

Akhmed Tsalikov in Exile: Party Leader,

Political Scientist, Caucasian Scholar _____ 68

Labels and Myths

Andrey Yurganov

On the Perception and Broadcast
of Stalin's First Ideological Campaign
in the Satirical Magazine "Krokodil"
(1928) (the end) _____ 80

Pages of History

Andrei Marchukov

Heroes and Deserters: one Episode
of the Defense of Donbass (Fall 1941) __ 106

Oleg Volobuev

Yalta. 1948–1950 _____ 132

Topical Archive

Ksenia Sak, Marina Sorokina

Russian Emigrants and the 20th
Anniversary of the Victory:
Documents of the Central Committee
of the CPSU and the KGB of the USSR
on the Awarding of Members
of the Resistance Movement _____ 162

РОССИЯ XXI